

752-
52

Цх растит
Стурана

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Оформление худ. Морозова А. Н.

* * *

Ответственный редактор Болдырев С. Н.

Редактор изд-ва Шлепина М. М.

Техн. редактор Раков С. И.

* * *

Л167995. Сдано в набор 6/V-49 г.

Подписано к печати 10/XII-49 г.

Формат 70×92¹/₁₆. Объем 9 печ. л.

+3,5 п. л. вкладки (дуплекс) +3 цветные вклейки

В 1 п. л. 46 000 зн. Уч.-изд. л. 14,4.

Тираж 15 000. Уч. № 110. Цена 10 руб.

* * *

Цветные вклейки отпечатаны
в типографии Известия

* * *

Вкладки дуплекс отпечатаны
в типографии „Красное знамя“

* * *

Типография Трудрезервиздата.
Москва, Хохловский пер., 7. Зак. № 915.

752 —
52

и 95

Их растит страна

СБОРНИК

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1949

УЧЕБНИК
2м

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Их растит страна	3
А. Дымов — Я — шахтер	9
В.л. Курочкин — Быстрая сталь	25
С. Розанов — Судьба молодого человека	35
И. Белов — Новатор	41
К. Мосолов — Юные участники обороны Ленинграда	51
М. Александров — Мастер Киселев и его ученики	57
Юрий Крюков — Учить и воспитывать	66
Б. Семенов — Не узнаю своего сына	73
Р. Фраерман — Это был дар души	80
Елена Кононенко — Молодые ильичевцы	89
Борис Криницкий — Дружба	97
С. Орлов — Кузница кадров	105
А. Калмыков — Сильные, смелые, ловкие	109
В. Сухов — Искусство, озаряющее жизнь	121
Песня — Пройдут года	133
Александр Ойслендер — Трудовые резервы	137

1040314

ИХ РАСТИТ СТРАНА

ВЗГЛЯНИТЕ на фотографии, напечатанные вслед за этой статьей. Два мира видим мы на этих фотодокументах. Одни фотографии показывают мир мрачной, безысходной нужды, где нет места для счастья простого человека, — мир, который лежит за границами великого Советского Союза и стран народной демократии. А рядом вы видите эпизоды, рисующие мир радостного созидательного труда, где социалистическая страна заботливо растит будущих молодых тружеников, учит их мастерству, дает им путевку в жизнь...

«По ту сторону», в «свободной» Америке, мать вынуждена объявить о продаже своих детей, боясь, что они умрут с голода в родной семье.

Тяжело, страшно быть молодым, — вот мироощущение человека в странах, где господствует волчий закон капитализма. В беспощадной борьбе за свое место в жизни только очень немногим удастся победить.

И в то же примерно время, когда была сделана эта американская фотография, счастливая мать советской семьи провожает своего сына в ремесленное училище, твердо зная, что страна выведет в люди ее мальчика, сделает его борцом за коммунизм.

В противоположность жестокой конкуренции в капиталистических странах, с ее бесчеловечным принципом: добивай отстающего, толкни падающего, — в социалистическом обществе люди воодушевлены беспредельной любовью к своей Родине, готовы личными стараниями и усилиями добиться общего подъема, помочь отстающему и догнать лучших.

Советская страна широко раскрывает молодежи все дороги и пути в жизни; юношам и девушкам, пришедшим в школу и училище трудовых

резервов, предоставлены для занятий прекрасные аудитории, светлые большие кабинеты и мастерские, снабженные необходимым современным оборудованием, библиотеки и общежития, квалифицированные мастера и педагоги.

В этой книге показано, как растет и мужает, уверенно смотрит вперед молодой труженик Советской страны. Вы найдете здесь рассказ о том, как скромный ученик школы фабрично-заводского обучения Иван Шацкий стал знаменитым забойщиком Донбасса, как поднялся на высокую ступень мастерства бурильщик Проничкин; вы познакомитесь с трудной, сложной, но увлекательной профессией мастера-воспитателя, педагога или библиотекаря ремесленного училища.

И в каждом из печатаемых здесь материалов вы найдете одну существенную общую деталь: кто бы ни были мастера — старые, побитые ветрами ветераны производства или безусые молодые люди, родившиеся уже в новой жизни, кого бы ни готовило училище, — всюду умелое изучение профессии связано с воспитанием высоких моральных качеств, необходимых создателям коммунистического общества. Здесь, в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения, растет наша молодежь. Именно здесь особенно глубоко и всесторонне воплощается в жизнь генеральный завет великого Ленина — воспитывать коммунистическую молодежь в труде, в кипении жизни, в борьбе за создание, построение нового общества.

Ведь самая идея создания кадров молодых рабочих связана с построением коммунизма в нашей стране и никогда не могла бы возникнуть в странах, где господствует капитал.

В условиях капитализма распределение рабочей силы между отраслями народного хозяйства, рост новой квалифицированной рабочей силы происходит стихийно. Развитие капитализма сопровождается массовым разорением и обнищанием трудящегося крестьянства, разорением мелкой буржуазии в городах. Все это создает в капиталистическом обществе постоянную многомиллионную армию безработных, вынужденную стучаться в заводские ворота. Наличие такой резервной армии труда является одним из основных условий существования и развития крупной капиталистической промышленности.

В дореволюционной русской деревне среди крестьян насчитывалось 65 процентов бедноты, которая маялась на своих жалких клочках земли. Ежегодно миллионы деревенской бедноты отправлялись на заработки в города, шли за тысячи верст в новые районы, нанимались за гроши батраками у кулаков и помещиков. Гонимая голодом деревенская беднота и безработные пролетарии переполняли рынки труда.

В Советском Союзе благодаря плановой системе организации народного хозяйства и быстрому развитию социалистической промышленности уже в первую пятилетку была ликвидирована безработица. Колхозный строй покончил с обнищанием деревни, с горькой нуждой, которая гнала людей куда угодно в поисках заработка. Крестьяне получили возможность жить

и работать по-человечески. Там, где прежде были нищие, разоренные деревни, выросли оснащенные новейшими сельскохозяйственными орудиями колхозы-миллионеры.

В этой новой обстановке возникли новые условия обеспечения предприятий рабочей силой. Товарищ Сталин на совещании хозяйственников в 1931 году указал на необходимость организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами.

С течением времени все увеличивающиеся масштабы производства и огромный размах строительства предприятий требовали все больше и больше новых квалифицированных рабочих, требовали непрерывного пополнения состава рабочего класса. Уж нельзя было ограничиваться только организованным набором рабочей силы, стала необходимостью и ее организованная подготовка.

«Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, — мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса» (И. Сталин).

Перед государством встала задача организованной подготовки новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создания трудовых резервов для промышленности и транспорта. Необходимо было, чтобы государство взяло в свои руки комплектование рабочими кадрами народного хозяйства, распределяло рабочую силу по своему усмотрению, направляло ее в первую очередь в те отрасли, от которых зависит успешное развитие всей нашей экономики.

По инициативе товарища Сталина 2 октября 1940 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об организации государственных трудовых резервов.

Этим Указом было предусмотрено регулярное обучение городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям в ремесленных, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения. С 1943 года существуют специальные ремесленные училища для детей погибших воинов. В 1949 году были организованы специальные горнопромышленные училища и школы.

Товарищ Маленков в своем докладе на информационном совещании представителей некоторых компартий, в Польше в сентябре 1947 года, говоря о преимуществах социалистической системы народного хозяйства, отметил, какое огромное значение для Советского государства имеет наличие государственных резервов.

«Без резервов, — указал т. Маленков, — невозможно плановое ведение народного хозяйства. Резервы являются могучим средством преодоления всякого рода затруднений и верной гарантией против различного рода случайностей и неожиданностей, могущих встретиться на пути нашего хозяйственного развития. Вот почему партия придает особое значение созданию государственных резервов».

Говоря о трудностях нашего развития, т. Маленков отметил прежде всего трудности обеспечения промышленности, строительства и транспорта рабочей силой:

«Без создания необходимых резервов рабочей силы социалистическая промышленность не может развиваться. Поэтому создание государственных трудовых резервов, обучение молодых контингентов рабочей силы в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения и плановое распределение их соответственно потребностям различных отраслей народного хозяйства является предметом особой заботы партии».

Советское правительство предусмотрело все необходимое для успешной работы ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения. Они были приняты на государственный бюджет.

Для учащихся ремесленных, железнодорожных и горнопромышленных училищ, школ фабрично-заводского обучения были утверждены специальная форменная одежда и знаки различия.

Благодаря активному участию партийных и советских органов в проведении этого важного государственного мероприятия за короткое время в крупных городах, при промышленных предприятиях, железнодорожных узлах, новостройках, морских и речных портах Советского Союза было создано много ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения.

Около 900 училищ и школ было организовано на базе существовавших до этого при отдельных предприятиях школ фабрично-заводского ученичества, остальные училища и школы были созданы вновь.

10 ноября 1940 года был объявлен первый призыв.

Советская молодежь горячо откликнулась на призыв Родины поступать в новые училища и школы. О горячем желании юношей и девушек учиться заводскому ремеслу свидетельствовал такой факт: на предусмотренное количество мест было подано вдвое больше заявлений о добровольном зачислении на учебу. Эту огромную армию молодежи радушно встретили десятки тысяч мастеров, преподавателей, воспитателей и других работников, направленных туда благодаря заботливому вниманию партийных, комсомольских и общественных организаций.

Во время Великой Отечественной войны молодые рабочие трудовых резервов оказали неоценимую помощь фронту. Юные патриоты самоотверженно работали плечо к плечу со старыми рабочими, помогали ковать смертоносное оружие против гитлеровской армии.

Помещенные в этом сборнике очерки Е. Кононенко «Молодые ильичевцы» и К. Мосолова «Юные участники обороны Ленинграда» воскрешают героические страницы трудовых подвигов, стойкости, мужества молодых рабочих в годы Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков.

Учащиеся трудовых резервов проявили себя не только на производстве и в противовоздушной обороне, они показывали образцы бесстрашия и героизма непосредственно в бою.

Наш народ никогда не забудет бывшего воспитанника ремесленного училища № 11 города Макарьевска, Костромской области, Героя Советского Союза комсомольца Юрия Смирнова.

Фашистские варвары подвергли его жестоким мучениям, пытаясь вырвать у него военную тайну. Командир части, в которой служил и сражался юный патриот, писал: «Своей стойкостью и мужеством Смирнов содействовал успеху сражения, совершив тем самым высокий подвиг солдатской доблести».

Высокую трудовую доблесть проявили ремесленники после окончания Великой Отечественной войны.

Несколько тысяч молодых рабочих первыми прибыли в разрушенный Сталинград для восстановления города-героя, города Сталина.

Три тысячи пятьсот отличников ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения были направлены для участия в работе по расширению и пуску электростанций. Они смонтировали 17 котлов и 13 турбин.

750 воспитанников ремесленных училищ столицы работали под руководством своих опытных мастеров над восстановлением Северо-Донецкой ГРЭС. За образцовую работу столичному отряду было присуждено знамя Государственного Комитета Обороны.

Исключительную роль в трудные годы войны сыграли комсомольские организации училищ и школ фабрично-заводского обучения. Комсомольцы под руководством партийных организаций являлись передовиками учебы и стахановского труда; они были инициаторами соревнования по скорейшему восстановлению после войны сел и городов.

Комсомольские организации в училищах и школах трудовых резервов осуществляют важнейшую задачу коммунистического воспитания будущих молодых рабочих.

Когда отгремели битвы Великой Отечественной войны и советский народ приступил к выполнению новой сталинской пятилетки восстановления и развития народного хозяйства СССР, перед трудовыми резервами встали новые большие задачи.

Непрерывное развитие техники в социалистическом государстве, массовое стахановское и рационализаторское движение требовали подготовки высококвалифицированных молодых рабочих, хорошо знающих современную технику и технологию, владеющих стахановскими методами труда.

Эти важнейшие задачи, стоящие сейчас перед училищами и школами трудовых резервов, нашли отражение в приказе министра трудовых резервов СССР от 3 января 1949 года.

На основе этого приказа проведен ряд мероприятий, содействующих дальнейшему улучшению подготовки молодых рабочих.

Коренным образом перестроена организация производственного обучения. Условия обучения учащихся все больше и больше приближаются к требованиям современного производства.

Широкое распространение в производственном обучении молодежи получают новейшие стахановские усовершенствования и достижения. На опыте таких выдающихся стахановцев, инициаторов скоростной обработки металла, как Борткевич, Быков, Марков, Угольников и др., учатся многие тысячи будущих молодых мастеров производства.

Прохождение практики в заводских цехах, постоянное общение с выдающимися стахановцами-новаторами и обучение на новейшем или модернизированном оборудовании позволяют выпускникам училищ и школ трудовых резервов уверенно занимать рабочие места рядом со своими старшими товарищами.

Задаче воспитания молодых рабочих на основе новейшей техники и технологии и стахановских методов труда подчинена сейчас вся система организации производственного обучения. О передовых мастерах-педагогах, отдающих все свои силы и знания выполнению этой задачи, рассказывается в очерках И. Белова «Новатор» и М. Александрова «Мастер Киселев и его ученики».

Комсомольцы — воспитанники трудовых резервов — в цехах заводов, на шахтах и стройках нашей страны широко развернули социалистическое соревнование за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки, за высокую производительность труда.

Ежедневно мы читаем в газетах все новые и новые славные имена: Юрий Беспалов, бригадир комсомольско-молодежной бригады токарей, бывший ученик ремесленного училища № 42, выполнил со своей бригадой за четыре года шесть с половиной годовых норм. Юрий Диков окончил ремесленное училище при заводе им. Орджоникидзе, теперь он — один из лучших скоростников завода, выполнил семь годовых норм. Встав на стахановскую вахту в честь 32-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, т. Диков дал за смену 22 дневные нормы!

Комсомолка Вера Борисова, бывшая ученица ремесленного училища при 1-м Государственном подшипниковом заводе, за три с половиной года выполнила семь с половиной годовых норм. Сейчас она работает в счет 1953 года!

Каждый новый день в нашей стране — это новая страница трудовых подвигов молодых рабочих, это еще шаг вперед на пути к коммунизму.

С верой в светлое будущее своей страны, со святой ненавистью к черному миру поджигателей войны вступают на самостоятельный трудовой путь молодые рабочие нашего времени.

В Советском Союзе молодежь окружена сталинской заботой. Государство, вся Советская страна любовно пестует молодых тружеников, заботится об их здоровье, помогает им стать смелыми, сильными, ловкими; заботится об их досуге, создает для них дома творчества, художественные студии, музыкальные кружки.

Поистине, их растит вся страна.

У нас...

Мать провожает сына
в ремесленное училище.

У них...

«Продаются дети»...
На этом снимке из газеты
«Нью-Йорк джорнэл энд Аме-
рикэн» запечатлена одна из
современных американских тра-
гедий — безработные родители
Рэй и Люсиль Шалифу реши-
лись на последнее средство
спасения своих малышей от
голодной смерти и выставили
объявление: «Продаются
4 детей».

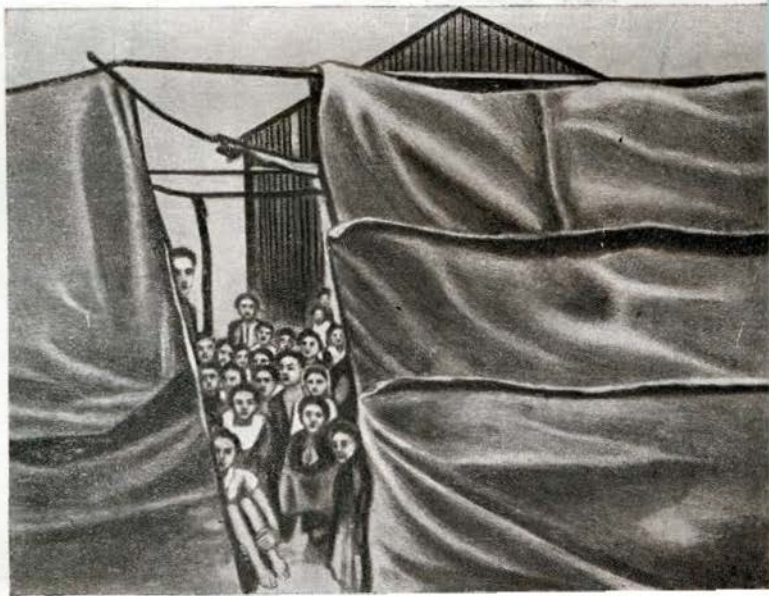
У нас...

Ремесленное ордена «Знак Почета»
училище № 12 в Москве.

У них...

Это они называют
школой.

Это убогое сооружение служит школой для детей в Южно-Африканском Союзе. Английские империалисты не заботятся об образовании местного населения. 71 процент детей не посещают школ. Передовая молодежь Южной Африки всеми силами борется за право учиться на родном языке, за настоящее образование, за свою свободу и счастье.

У нас... Юра Баранов — активный участник кружка художественной самодеятельности ремесленного училища № 41 (Москва).
На снимке: Юрий Баранов у себя дома готовится к выступлению.

У них...

Перед нами типичная семья американского батрака — нищая, полуголодная, вечно кочующая с места на место в поисках работы. Это и есть «американский образ жизни» для миллионов трудящихся в США.

У нас...

В 1942 году Толю Анисимова взяла на воспитание О. Ф. Гаврилина. Сейчас Толя учится в художественном ремесленном училище № 41. На снимке: О. Ф. Гаврилина знакомится с успехами в учебе своего приемного сына.

У них...

«Особняк» турецкой бедноты.

На краю ведущей в Истанбул (Турция) оживленной шоссе-ной дороги, где с огромной скоростью проносятся шикарные автомобили американских марок, стоит древнее дерево, в огромном дупле которого приютилась семья рыбака Ниязи Акса — жена Мелек и двое маленьких детей — мальчик Сетин и девочка Нимет. Четыре человека ютятся на полутора квадратных метрах этой темной и грязной дыры. Они спят вповалку на куче тряпок, заменяющих постель. Юного Сетина не принимают в школу, так как он «слишком гол и бос». Обо всем этом рассказала газета «Республик».

Я — ШАХТЕР

Александр Дымов

ИВАН Шацкий поступил в школу фабрично-заводского обучения угольщиков в октябре 1945 года.

Окончив школу с похвальной грамотой, Иван Шацкий в первые же полгода работы завоевал любовь и уважение многотысячного коллектива шахтеров шахты имени Артема и стал передовым шахтером нашей страны.

О том, почему он полюбил профессию забойщика и кому он обязан своей трудовой славой, Шацкий рассказал при встрече с учащимися школы, в которой сам прежде учился.

* *

*

— Я не стану говорить вам, друзья, о своем детстве, — начал свой рассказ Иван Шацкий. — Оно ничем не отличается от вашего детства и детства таких же, как вы, колхозных ребят. Начну с главного — как я попал в Донбасс.

Это было в 1945 году. Мне шел шестнадцатый год. Работал я вместе с отцом в артели гончаров. Был конюхом, коногоном, чернорабочим, помогал обжигать разные гончарные изделия, а в свободное время присматривался к работе глазуровщиков. Мне еще с детства нравилось гончарное

дело и я думал: поработаю год-два и тогда пойду учиться. До войны я окончил всего шесть классов средней школы. Хотелось окончить десятилетку, а затем поступить в институт.

Стояли теплые октябрьские дни. Осень золотила деревья. Утрами все чаще выпадала роса, а днем прохладный ветер кружил в воздухе пожелтевшие, точно отлакированные листья. Покончив с уборкой хлебов и сдав государству сверх плана пять тысяч пудов зерна, колхозники снесли до заморозков заложить овощи в колхозные погреба. Наша артель старалась к первой послевоенной годовщине Великого Октября досрочно выполнить годовой план.

Однажды, в обеденный перерыв, я шел домой мимо сельсовета. Мое внимание привлек неизвестный мужчина. Он был одет в темносинюю куртку с петлицами и в такого же цвета брюки навыпуск с голубыми кантами. На петлицах и фуражке я заметил скрещенные молоточек и разводной ключ. Мужчина стоял на крылечке и что-то рассказывал односельчанам. Я заинтересовался и подошел к ним. Среди селян я увидел несколько наших ребят и моего школьного друга Пашу Юхимовича. Неизвестный, на вид лет пятидесяти, с большими серыми глазами на круглом, гладко выбритом лице, говорил нараспев, приглушенным тенорком:

— Я проработал на шахте больше 30 лет. До войны работал забойщиком и меньше четырех—пяти тысяч рублей в месяц никогда не зарабатывал...

— Так много?! — с недоверием спросил кто-то из селян.

Неизвестный улыбнулся. Он вынул из кармана тоненькую книжечку, перевернул две странички и сказал:

— Вот тут все написано.— И стал читать.— Апрель 1941 года — 4725 рублей, май — 5015 рублей и 35 копеек, июнь — 5895 рублей и 43 копейки... Посмотрите,— и он протянул книжечку Степану Гречаному, по прозвищу «Фома Неверующий». Когда она была в руках старика Перевертало, я через его плечо увидел записи и убедился в правдивости слов неизвестного.

— Фашисты, — продолжал он, — причинили много бед нашему народу. В Донбассе они разрушили все шахты... А вы знаете, что без угля мы не можем даже шагу ступить. Чтоб больше к нам не полезла всякая чужеземная тварь, наша страна должна быть сильной. Нужен металл, много металла. Из этого металла делается все: и винтовки, и пушки, и паровозы, и тракторы, и пароходы. Металл нужен на самолеты и на танки. Но, чтобы получить металл, допустим, железо, сталь, чугун, олово, свинец, надо иметь уголь. Уголь нужен фабрикам и заводам, железным дорогам и морским судам. Взять вашу колхозную кузницу. Может она работать без угля? Нет. Вот и выходит, все упирается в уголь. А чтоб иметь много угля, нужна огромная армия шахтеров. Шахтеров опытных и грамотных.

— А скажите, мил-человек, каждый шахтер так может хорошо работать как вы? — спросил «Фома Неверующий».

— Кто хочет работать, кто любит свое дело, тот может еще больше заработать,— ответил неизвестный. У нас на шахте есть один паренек по фамилии Остапчук Никита. Он родом из Винницы. Перед войной Остапчук окончил школу фабрично-заводского обучения. Ему и двадцати лет нет, а правительство наградило его орденом Красной Звезды.

— А вы кто такой будете? — спросил Паша Юхимович.

— Моя фамилия Приходько, Дмитрий Петрович. Работаю мастером в школе фабрично-заводского обучения в Сталинской области, в Донбассе. Готовлю молодых забойщиков.

— А не страшно работать в шахте? — спросил кто-то из ребят.

Мастер Приходько рассмеялся.

— Наши шахты, сынок,— это дворцы под землею. Там все работы механизированы... — И он стал рассказывать об устройстве шахт, о механизации подземных работ, о шахтном транспорте, о работе шахтеров. Он рассказывал так увлекательно, что не только ребята, но и взрослые слушали его с разинутыми ртами. Паша вопросительно посмотрел на меня, точно спрашивал, не поехать ли нам в Донбасс. Я утвердительно кивнул головой.

— А сколько лет надо учиться? — спросил я мастера Приходько.

— Шесть месяцев,— ответил он и пристально посмотрел на меня.

— Можно записаться в вашу школу? — спросил Паша.

— Кто хочет записаться, приходите завтра в сельсовет. Я буду здесь с десяти часов утра.

Мы с Пашей ушли. По дороге Паша сказал:

— В этом Донбассе, видно, очень интересная жизнь. Давай, поедем!

— А тебя пустят? — спросил я.

Паша махнул рукой.

— Отчиму все равно, куда я поеду... А вот тебя... вряд ли пустят.

— Уговорю,— ответил я.

* * *

Тяжело было расставаться с матерью. Ей казалось, что я уезжаю за тридевять земель и больше никогда не вернусь. Закрыв лицо руками, она горько рыдала. Может быть потому, что мать так убивалась, а может быть и потому еще, что я никогда из дому не уезжал, мне было не по себе. Отец подошел к матери, ласково похлопал ее по плечу и спокойно сказал:

— Иван едет учиться, чтоб стать специалистом... Радоваться надо, что у нас дети хорошие.

Уткнувшись в подушку лицом, мать тихо всхлипывала.

Я стоял у стола с узелком в руках.

По старинному обычаю мы присели. Минуту сидели молча. Затем первым встал отец и сказал:

— Счастливого пути, сынок! Не балуйся!.. Учись! Отца, мать не забывай. Приедешь на место, сейчас же напиши нам.— Он обнял меня и поцеловал в лоб.

Я попрощался с матерью и вышел во двор. Отец крепко пожал мне руку.

— Прощай! — сказал он. — Провожать не буду. Привыкай к самостоятельности... Я вернусь к матери... Прощай!

У сельсовета стояли три подводы. Около подвод толпились селяне. Они шутили, смеялись. Вдруг какой-то мужской голос окликнул меня:

— Шацкий, сюда!

На передней подводе рядом с возницей сидел мастер Приходько. Позади него — Паша Юхимович.

— Садись на нашу подводу! — улыбаясь выкрикнул Паша.

Я взобрался на подводу и сел справа от него.

— В добрый час! — крикнул кто-то из селян. — Пишите, как там жизнь!

Наши подводы тронулись.

— До свиданья!... — До сви-данья-я! — махая фуражками, в один голос кричали мы с Пашей.

На третий день, на рассвете, мы приехали в Сталино. Несмотря на ранний час, на станции царило большое оживление. На перроне стояла толпа пассажиров с чемоданами, деревянными сундучками, узелками, портфелями. В конце перрона я заметил группу юношей в такой же форме, как и наш мастер. Они о чем-то оживленно беседовали.

— Смотри, молодые, а уже мастера, — шепнул мне на ухо мой друг Паша Юхимович.

— А ты откуда знаешь? — спросил я.

— По форме видать, как у Дмитрия Петровича Приходько, — ответил Паша.

Мастер Приходько, который ехал с нами, видимо, услышал наш разговор и, улыбаясь, сказал:

— Это студенты горного института. Будущие горные инженеры. — Он пристально посмотрел на нас и добавил: — И вы можете быть такими.

На привокзальной площади нас ожидали трехтонные грузовики. Я взобрался в кузов машины. Паша сел рядом со мною. Мы ехали по шоссе и с любопытством рассматривали пирамиды терриконов, фабрично-заводские здания и шахтерские поселки. Я смотрел по сторонам и думал: как не похож этот край на наш. У нас, куда ни посмотришь — вспаханные поля, пруды, да озера и реки, фруктовые сады и леса. А здесь, что ни шаг, то уголь.

Когда мы миновали небольшой лесок, я посмотрел влево и от восторга подпрыгнул:

— Паша! Смотри, как у нас, — тракторами пахут... А вон отара овец...

Это была близкая нашему сердцу картина. Один за другим спускались в ложбину три трактора. На пригорке у полевого фургона дымился костер. А в ложбине, несколько поодаль от вспаханного поля, паслись овцы. Наши грузовики свернули чуть влево и помчались по шоссе. Услышав гул моторов, овцы подняли головы и удивленно смотрели в нашу сторону. Откуда-то появился мальчишка на рыженькой лошаденке.

Сняв фуражку, он стал махать ею в воздухе, точно приветствовал нас. Вправо от шоссе по долине тянулась узенькая речушка, обрамленная двумя рядами пирамидальных тополей. Я вспомнил родную Гульву, и мне стало радостно на душе.

— Какая красота!— сказал Паша.— Как у нас в Городкивке.

— Да, здесь, видать, не край, а золотая кубышка,— ответил я.— Мастер был прав, когда хвалил Донбасс. Здесь тебе и уголь, и хлеба сеют, и скот разводят, и фруктовых садов много. Рек тоже порядочно, значит, и рыба есть... Край, брат, не хуже нашего, а, пожалуй, еще богаче...

Когда мы приехали в школу, не было еще и двух часов дня. Над входом в двухэтажное здание школы висел огромный транспарант: «Добро пожаловать, друзья!» Нас встретили, как дорогих гостей, и накормили вкусным обедом. Нам с Пашей понравились и наваристые мясные щи со свежими овощами, и мясные котлеты с картофельным пюре, и яблочный кисель. Когда мы вышли из столовой, Паша подмигнул мне:

— Ну, браток, и кормят здесь! Чего доброго, еще разжиреешь.

— Это правда,— ответил я.

После обеда каждому из нас выдали форменные гимнастерки и брюки, фуражку и бушлат, по паре белья, мыло, мочалку, полотенце и повели в баню. Замечательная баня! Чистое, просторное и светлое здание. Горячей и холодной воды — вдоволь. От удовольствия ребята бегали, как дети. А когда я оделся и посмотрел в зеркало, — не узнал себя. В форме я стал как-то стройнее и солиднее. На мне были добротные ботинки, гимнастерка и брюки темносерого цвета, а на фуражке значок, как у мастера Приходько.

— А тебе форма идет,— сказал Паша.

— И тебе тоже,— ответил я.— Ты похож на инженера...

Он самодовольно улыбнулся. Я посмотрел на Пашу и на остальных ребят и подумал, как форма меняет внешний облик человека. Еще час назад мы были одеты как попало. Вид у нас был, правду сказать, неважный. А сейчас все как-то подтянулось, даже походка стала иной.

Вечером нас распределили по группам. Я записался в группу забойщиков мастера Василия Ивановича Варченко. Мне хотелось, чтобы и Паша был со мной в одной группе, но он сказал:

— Я с детства любил иметь дело с топором. Пойду в крепильщики. Я не стал настаивать. «Дружбе это не помешает», — подумал я.

После ужина воспитатель отвел нас в спальню. Это была большая в три окна комната. Просторная и светлая. Нигде ни пылинки. На кроватях белоснежное постельное белье: простыня, пододеяльник, шерстяное плотное одеяло и подушка. У каждой кровати — небольшая тумбочка для вещей и табурет. Посредине комнаты — длинный деревянный стол, покрытый голубой скатертью. На столе графин с водой и стакан. На передней стене висела большая картина «И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов на прогулке в Кремле». Мы видели картину впервые и долго-долго не сводили с нее глаз.

* * *

...Началась учеба. С нами занимался мастер нашей группы Василий Иванович Варченко. Хороший забойщик, он работал на шахте имени Артема более 25 лет. Чуткий и отзывчивый, остроумный и находчивый мастер был для нас учителем, советником, другом и наставником. С утра и до ночи он был с нами. Его рабочий день начинался приветствием: «Доброе утро, друзья!» и заканчивался пожеланием: «Спокойной ночи!» Мы дорожили его дружбой, предугадывали каждый его шаг, в точности выполняли все его указания и до смешного старались даже ходить и говорить так, как он.

А как живо и увлекательно он проводил беседы! Его рассказы о том, как добывается уголь, какое значение он имеет в жизни человека, государства,—мы слушали с большим интересом. Своими рассказами мастер Варченко подогревал наш интерес к делу. Мы часто собирались в горном кабинете его школы и подолгу рассматривали макет шахты, разбирали до последнего винтика пневматический отбойный молоток, собирали его. Мечтали, как мы спустимся в шахту и начнем добывать уголь. Чуть ли не ежедневно осаждали мастера просьбами показать нам шахту. Но он, улыбаясь, отвечал: «Каждому овощу — свое время».

* * *

Как-то в один из декабрьских холодных дней Василий Иванович после урока сказал нам:

— Завтра мы спустимся в шахту...

Сообщение мастера было для нас настолько неожиданным, что мы от радости, — да-да, от радости, — растерялись. Широко открытыми глазами мы смотрели то на него, то друг на друга.

— С нами пойдет и директор, — продолжал мастер. — Ой, наверное, захочет проверить ваши знания правил техники безопасности... Смотрите, не опозорьте себя и меня... Не подведете?

— Нет!.. Нет!.. Нет!.. — на разные голоса радостно ответили мы.

Мы хорошо усвоили правила техники безопасности. Наизусть знали правила поведения рабочего в шахте. Могли объяснить, что такое спусковой и подъемный стволы, коренной и промежуточный штреки, назначение рудничного двора и т. д. Знакомы были мы и с орудиями производства забойщика и крепильщика. И все же волновались. Каждого из нас беспокоила одна мысль: как бы не подвести мастера, не опозорить группу, не опозорить, конечно, и себя. В этот день мы не выходили из горного кабинета. Проверjali знания друг друга.

Было далеко за полночь. Точно шелест листьев, ночную тишину нарушал приглушенный шопот ребят.

На рассвете мы встали, позавтракали и пошли на шахту. В предутреннем сумеречном свете гигантские терриконы, точно обсыпанные свет-

лячками, представляли величественное зрелище. Бледно мерцали электрические огни на шахтных надстройках. В шахтерском поселке лениво лаiali собаки. Резкий ветер пронизывал насквозь.

Сменив форму на шахтерские спецовки, надев на головы каски и получив аккумуляторные лампы, мы направились к спусковому стволу. Ствол был закрыт. Влево от ствола висел плакат: «Добро пожаловать, будущие шахтеры!». Рядом, на деревянном щите висела «Молния». Через весь лист газетной бумаги крупными буквами было написано: «Привет вам, будущие забойщики — ученики знатного мастера В. И. Варченко». В передовой статье рассказывалось о заботе партии и правительства о шахтерах, о знатных людях шахты и о их героических делах. В заметке «Зайдите к нам, друзья» группа молодых забойщиков приглашала нас посмотреть, как они добывают уголь. Нам было приятно, что нас так тепло встречают.

Мы даже не заметили, как клеть, в которой мы спускались в шахту, остановилась и открылась дверь.

— Приехали! — улыбаясь, сказал мастер. — Выходите по одному!

Мы вышли на довольно просторную площадку с высоким потолком-кровлей, залитую мягким электрическим светом. Стены и кровля — бетонированы. В разные стороны шли тоннели, освещенные электрическими фонарями. В нескольких шагах от ствола мы увидели директора школы, помполита, комсорга и старшего мастера производственного обучения. Они подошли к нам и поздоровались. Директор предложил осмотреть шахту.

Мы шли по штреку во весь рост. Свыше двух десятков аккумуляторных ламп освещали путь. Всюду царил образцовый порядок. Сухо, чисто. По обеим сторонам рельсового пути — канавки для стока воды.

Мы с любопытством рассматривали каждый кусок угля, каждую крепь ощупывали руками. Крепление было добротным: ни одной лопнувшей стойки. Громыхая и лязгая на стыках рельсов, пронесся электровоз с длинным составом вагонеток, груженных углем.

Большое впечатление на нас произвела диспетчерская: это довольно просторная, чистая, залитая электрическим светом комната-камера. У стены стоял длинный стол, за которым на стуле сидела белокурая девушка лет восемнадцати — дежурный диспетчер. Как нам объяснили, отсюда по телефону передаются на все участки распоряжения шахтоуправления. Сюда поступают сведения начальников участков о ходе работ в шахте. Побывали мы и в шахтном медицинском пункте. Вместительная камера ничем не отличалась от нашей школьной амбулатории.

Под конец экскурсии директор предложил посмотреть, как рубит уголь знатный забойщик Кондратюк.

Нам рассказывали о забойщике Кондратюке, как о непревзойденном мастере угля, проработавшем на шахте свыше пятнадцати лет. Во

время войны Кондратюк ушел добровольцем на фронт. Он дрался за родной Донбасс, защищал Сталинград, брал Харьков и Киев. Под Житомиром был тяжело ранен. На фронт он ушел рядовым, а демобилизовался по инвалидности в чине капитана с шестью орденами на груди. Вернулся в свой родной шахтерский поселок, погулял два месяца и... затосковал по шахте.

Мы спешили посмотреть прославленного воина и знатного забойщика Степана Николаевича Кондратюка. Мастер Варченко перебирался с уступа на уступ, как по лестнице, легко, свободно. Мы гуськом следовали за ним, освещая лампочками путь. Вокруг царил таинственная тишина. Ясно было слышно даже шопотом сказанное слово. Спустившись метров на тридцать, мы услышали резкую дробь отбойного молотка. Равномерная, точно пулеметная дробь перекатывалась по уступам. Мастер Варченко, ухватившись одной рукой за стойку, присел на корточки и шопотом сказал мне:

— Вот он!.. Передай ребятам, пусть подтягиваются.

Приподняв лампочку чуть выше головы, я увидел впереди, в нескольких шагах от нас, Степана Кондратюка. Упершись ногами в стойки и чуть подавшись вперед, он вел пневматический молоток сверху вниз. В уступе царил полумрак. Блики света от лампочки Кондратюка, прикрепленной к стойке, скользили по пласту угля. Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, и, как зачарованные, следили за каждым его движением. Он орудовал своим молотком, как игрушкой. Рубил уголь легко, свободно.

Вдруг дробь прекратилась. Кондратюк вынул пику и, смахивая с лица пот тыльной частью ладони, поднялся вверх. Некоторое время он смотрел на пласт угля, затем вонзил пику в уголь и нажал на рукоятку.

Мастер вздрогнул и, протягивая руки к Кондратюку, громко сказал: — Браток, уважь старика!

Кондратюк обернулся и удивленно посмотрел по сторонам.

— Степан Николаевич, дай на минуточку молоточек!.. Вспомню-ка я старину...

— Пожалуйста, Василий Иванович, — смеясь ответил Кондратюк.

Мастер потер ладони одну о другую и, взяв молоток, весело сказал:

— Эх ты, молоточек!.. Мой дружок дорогой! — Он вонзил пику в мягкую пачку угля, как говорят шахтеры, — в заборку и, нажав на рукоятку, стал заканчивать начатую Кондратюком отбойку. Покончив с отбойкой, Василий Иванович поднялся вверх, посмотрел на нас и сказал:

— А теперь, ребята, самый торжественный момент в работе забойщика...

Мы не раз слышали, как говорили о нашем мастере шахтеры: «Ну, Варченко — это художник»... «Такого забойщика, как Варченко, еще свет не видал». И вот сейчас мы убедились, что он действительно художник шахтерского мастерства. Вдруг раздался какой-то треск, будто совсем

рядом лопались стойки. Не прошло и секунды, и мы увидели, как огромная глыба угля, не выдержав ударов молотка, с грохотом полетела в магазин. Кто-то из ребят закричал: «Ура!». Мы подхватили и на разные голоса восторженно кричали «ура».

Мы любили своего мастера. Уважали его. Но сегодня он окончательно покори́л нас. Сейчас он был для нас не только учителем, товарищем и другом, но и искусным забойщиком.

* * *

15 января 1946 года — знаменательный день в моей жизни: в этот день наша группа впервые спустилась в шахту с отбойными молотками в руках.

— Вы мечтали рубить уголь отбойным молотком, — сказал нам мастер Варченко. — Сейчас ваша мечта осуществится. Хитрого в деле забойщика ничего нет. Надо только иметь голову на плечах, да любовь к молоточку и уголочку. И первое и второе у вас есть. Желаю успеха!..

Поставив людей у забоя, мастер и мне отвел место и по-отечески нежно сказал:

— В тебе, Ванюша, я не сомневаюсь. Ты один справишься. Не спеши, работай с умом! — и ушел.

Я приподнял лампу. Вокруг царил полумрак. Матово поблескивал уголь. Массивные стойки поддерживали кровлю. Я подготовил к работе молоток, испробовал его. Вонзив пику в пласт угля, я нажал на рукоятку. Резкая равномерная дробь молотка нарушила тишину. Я отпустил рукоятку, а затем нажал еще раз. Сильный бесперебойный звук свидетельствовал, что молоток в порядке, работает, как говорил мастер, не захлебываясь.

Я был уверен, что смогу рубить уголь, что в этом деле хитрого ничего нет. И тем не менее я волновался. Ведь я впервые вступал в единоборство с твердым, тысячелетия лежавшим под землею угольным пластом. Я понимал, что уголь, который я сегодня нарублю, пойдет на-гора, его погрузят в вагон и отправят на фабрику или на завод, в железнодорожное депо или в морской порт, а может быть этот уголь попадет и в мой родной колхоз. И меня охватило чувство гордости и радости.

Упершись ногами в стойки и крепко сжав левой рукой стальное тело молотка, я вонзил пику в прослойку мягкой породы и нажал на рукоятку. Молоток бешено застучал. Пика вошла в пласт угля неглубоко — сантиметра на четыре. Отдача была настолько сильной, что, казалось, молоток вот-вот вырвется из рук.

Что делать?

Я тут же вспомнил слова мастера: «Чем сильнее забойщик прижимает молоток к забою, тем быстрее и глубже проникает пика в пласт угля, тем выше производительность труда и тем меньше утомляется забойщик от отдачи молотка».

Чуть подавшись вперед, я сильнее нажал на рукоятку молотка. Отдача стала слабее, пика вошла еще глубже. Подрезав пласт угля, я отпустил рукоятку и осмотрел молоток. Пика была теплой, молоток в порядке. С минуту отдохнув, я вновь вонзил пику в уголь. И, нажав на рукоятку, повел молоток снизу вверх. Вести вверх молоток было значительно труднее, да и отдача была сильнее. Я почувствовал усталость, боли руки. «Нет, нет, — подумал я. — Я должен оправдать доверие мастера. Это дело моей чести».

Я вспомнил, как нам мастер не раз говорил: «Забойщик должен работать так, чтобы не краснеть перед коллективом. Честь шахтера — превыше всего». Смазав молоток жидким маслом, я с трепетным волнением вновь всадил пику в угольный пласт. Навалившись всем корпусом на рукоятку, я пристально смотрел, как пика вгрызалась в уголь. Вдруг в том месте, где пика пробивала себе путь, показалась трещина. Она все увеличивалась. Я нажал еще сильнее. Раздался треск, и я увидел, как отделилась огромная глыба угля и с грохотом полетела вниз — в магазин. Вслед за ней полетели разных размеров куски угля, посыпалась угольная пыль. Я готов был кричать от радости. Прижав молоток к своей груди, как самое дорогое существо, я тяжело дышал.

— Устал? — вдруг услышал я знакомый голос мастера.

От неожиданности я вздрогнул и обернулся. Мастер сидел на корточках в нескольких шагах от меня и ласково улыбался.

— Немного, — ответил я.

— А здорово получилось у тебя, — сказал он. — Молодец! Я долго наблюдал за твоей работой.

Я почему-то сказал:

— Спасибо!

Мастер рассмеялся.

— Не мне спасибо, а тебе... Расскажи-ка, как ты рубил?

Я объяснил весь процесс работы. Он внимательно выслушал меня и сказал:

— Не совсем так... Подбойку ты правильно делал, а отбойку — нет. Отбойка снизу вверх очень утомляет забойщика. К такому способу приходится прибегать в исключительных случаях... — и он объяснил мне, в каких случаях.

— Молотком надо рубить так, — продолжал мастер, — чтобы использовать его вес.

После работы мы вернулись в школу. Нас встретил директор, помполит и комсорг. Мы выстроились, и директор, ласково посмотрев на нас, сказал.

— Поздравляю вас, ребята, с победой!.. Начало хорошее. Вы выполнили ученическую норму выработки на сто двадцать процентов. Спасибо!

На Доске показателей против моей фамилии стояла цифра 150,2 процента.

В жизни человека, видно, бывают незабываемые дни, оставляющие глубокий след в его памяти. Лично у меня было пока три таких дня. Первый — это день встречи в родной Городкивке отряда советских кавалеристов, когда я, шестнадцатилетний юноша, впервые по-настоящему пережил чувство любви к своей армии.

...Шел 1944 год. Под натиском наших войск гитлеровские банды в панике бежали на Запад. В один из январских дней я лежал на теплой печке и читал роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Монотонно тикали ходики. Часовая стрелка приближалась к трем. Вдруг открылась дверь, и я услышал восторженный голос отца:

— Идут!... Ты понимаешь, наконец, мы увидим свои войска... Вот радость!

Я спрыгнул с печи и, схватив отца за руку, спросил:

— А где они?

— Пока в соседнем селе, — ответил он. — Я разговаривал с человеком, который их видел, как я тебя. Он говорил: «Проклятые фашисты бегут без оглядки. Наша пехота уже заняла Житомир, Проскуров и Каменец-Подольск. А наши танки — за Варшавой. Когда красноармейцы на минутку заглянули в Андрушковцы, все село плакало от радости». Архип Гончаренко взял на себя власть. Назначил дежурных и строго-настрого приказал, как только, мол, покажутся наши войска, бейте в набат...

Я наскоро оделся и выбежал во двор. У ворот встретил соседку. Пробегая мимо меня, она, захлебываясь от радости, находку бросила:

— Скажи батьку, что наши идут. Уже близко, — и забежала в соседний двор.

Я вихрем влетел в хату.

— Тато, скорее!.. Наши идут! — И, даже не закрыв за собой дверь, стрелой полетел на улицу.

По укатанной снежной дороге бежали односельчане. Из переулка выскочило двое мужчин на рыженьких иноходцах. Они летели галопом и надрывными голосами выкрикивали:

— Э-э-э-эй! Наши идут!

На окраине села толпился народ. Впереди стоял дед Степан. Он держал деревянное блюдо, покрытое вышитым полотенцем. На блюде — пшеничный каравай с кусочком поваренной соли. Слева от него топтался дед Иван, по прозвищу «Апостол», с красным знаменем в руках, на котором неровным почерком было написано: «Добро пожаловать, наши дорогие освободители!»... Люди, как зачарованные, стояли и пристально всматривались вдаль. Трещал двадцатиградусный мороз. По небу плыли косматые свинцовые облака. Вечерние сумерки спускались на землю. Вдруг из ложбины, точно из-под земли, показалась узенькая полоска алого знамени. Вот оно поднимается все выше и выше. Уже отчетливо видно древко.

Еще секунда, и на пригорке выросла статная фигура всадника на серой лошади. Кто-то из толпы крикнул:

— На-ши!.. Ей-богу, наши!

Толпа дрогнула, заволновалась. Ребятишки пулей полетели вперед. Опережая друг друга, побежали и взрослые. Я старался опередить ребят, но безуспешно. Тяжелые отцовские валенки застревали в снегу. Я злился. Мне хотелось сбросить их и бежать босиком.

Отряд всадников, по четыре в ряд, растянувшись длинной лентой, рысью мчался нам навстречу. Расстояние все уменьшалось. Вот уже не больше пятисот метров... триста... двести. Ясно видно лицо переднего всадника-командира. На его груди поблескивают ордена. Позади него — знаменосец. Широкоплечий, с окладистой черной бородой, в добротном белом полушубке и в серой папахе. Я заметил, как командир взмахнул правой рукой. Всадники остановились. Опередившие меня ребята с криками «ура» окружили командира... Я был в десяти шагах. Вижу, командир подхватил подмышки семилетнего Сережку, сына Василихи, муж которой погиб под Проскуровом еще в июне 1941 года, поднял его, прижал к своей груди и крепко поцеловал. Затем сунул руку в карман, вынул горсть конфет и говорит:

— Ешь, милый! Это наши... советские.

Ребята с завистью смотрели на Сережку, за обе щеки уплетавшего конфеты. А майор снова сунул руку в карман, достал конфет и, обращаясь к ребятам, ласково сказал:

— А это вам, ребятишки. Распределите поровну, чтобы всем хватило, — и высыпал их в пригоршню Степы Калининко, стоявшего рядом с лошадей.

Я протиснулся вперед и, взяв лошадь под уздцы, ласкал ее лоснящуюся могучую шею. Я смотрел в лицо офицера. Мне хотелось сказать столько хороших слов, но он не замечал меня. Вдруг я услышал его ласковый голос:

— Ребятки, отойдите в сторону!

Я взглянул на офицера. Высоко подняв голову, он пристально смотрел вперед. Я обернулся. Вижу, раскрасневшиеся дед Степан и дед Иван подошли к командиру и стали справа. Дед Степан снял шапку и, став на колени, протянул ему хлеб с солью.

— Прими, сынок, хлеб-соль, — дрожащим голосом проговорил дед Степан, — как дар нашего сердца...

Офицер спрыгнул с лошади, взял хлеб и передал ординарцу. Затем поднял деда Степана и трижды поцеловал его.

— И это знай прими, дорогой, — хриловатым баском произнес дед Иван и левой варежкой смахнул со щеки слезу. Лицо офицера стало серьезным. Он отдал честь.

— Прими, сынок, — продолжал дед Иван, — и храни его, как доказательство нашей преданности и верности Отчизне.

Многоголосое «ура» вихрем закружилось в воздухе. Офицер скомандовал:

— Сабли на-го-о-ло!

В воздухе засверкали стальные клинки. Офицер подошел к деду Ивану, стал на одно колено и поцеловал краешек знамени. Затем встал, отдал честь, взял кумачевое знамя и вручил знаменосцу. Народ восторженно кричал: «Ура!»... «Сла-ва!»... Кто-то из селян густым басом крикнул: «Хай живе наш батько Сталин!»... Хай живе наша люба Червона Армия!» Селяне подхватили командира на руки и стали качать. Архип Гончаренко что-то сказал деду Степану и его дружку деду Ивану. Они подошли к лошади и взяли ее под уздцы. Я был огорчен, что дед Иван оттеснил меня. Командир сел на лошадь и, подняв руку, махнул вперед.

Началось торжественное шествие, какого я не видел никогда. Важно, с достоинством вели под уздцы лошадь командира два убежденных сединами старика с обнаженными головами. По обеим сторонам кавалерийского отряда шли селяне и вместе с всадниками пели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война...

В глазах людей светилась радость, а по щекам скатывались серебристые горошинки слез. Я впервые видел слезы радости. Я шел позади деда Ивана, рядом с командиром и, нет-нет, смотрел то на него, то на всадников. Все они казались мне близкими, родными, как отец и мать...

Второй незабываемый день моей жизни — 15 января 1946 года, когда я впервые, работая отбойным молотком, выполнил ученическую норму на 150,2 процента и пережил радость труда.

И, наконец, третий день — это день, когда я был принят в комсомол. Именно в этот день, как никогда, я почувствовал огромную ответственность перед комсомольской организацией за каждое свое слово, за каждый свой шаг, за каждое свое действие и в быту, и в учебе, и на работе. И когда секретарь комсомольской организации, поздравляя меня со вступлением в ленинский комсомол, сказал: «Как комсомолец, ты, Шацкий, должен быть примером для молодежи во всем, всегда и всюду», я ответил:

— Ваше доверие, товарищи, оправдаю во что бы то ни стало...

Время шло. Комитет комсомола все чаще давал мне общественные поручения. Дважды в неделю я занимался в кружке по изучению книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и раз в неделю — в кружке по изучению Устава комсомола. Я получал га-

зеты «Дзержинский рабочий» и «Радянська Донеччина» и читал вслух ребятам своей группы.

В школе фабрично-заводского обучения была хорошая библиотека. За три месяца учебы я прочел немало книг. Комсомольская организация научила меня осмысленно относиться и к чтению книг, и к учебе, и к работе. Сейчас и Павел Власов Максима Горького, и Павка Корчагин Николая Островского, и Зоя Космодемьянская, и Александр Матросов, и Шура Чекалин, и Лиза Чайкина предстали в моем сознании в совершенно ином свете. Они стали мне ближе, роднее, понятнее. Совершенно иной смысл приобретали для меня и рекорды таких знатных шахтеров, как Иван Изотов, Пантелей Рындин, Степан Рубан, Пастухов и другие. Я понял, что прославленные мастера угля в своих рекордах преследовали не узко личные интересы, а общенародные, государственные. Их рекорды становились достоянием многих тысяч шахтеров, переходили в систему. Эти рекорды являлись не целью самообогащения, а средством увеличения добычи «черного золота», так необходимого для народного хозяйства нашей страны. Совсем по-иному я стал рассматривать и свою учебу и свой личный труд. Я убедился, что технически-грамотному забойщику легче работать. И я старался учиться. Я мечтал окончить десятилетку и поступить в горный институт. Мне также хотелось, доказать что мы, молодые забойщики, можем работать не хуже кадровых забойщиков. Это было делом моей чести.

* * *

В тот вечер, когда меня приняли в ленинский комсомол, ко мне подошел комсорг нашей группы Коля Пащенко и спросил:

— Как думаешь, Ваня, отметить этот знаменательный день в твоей жизни?

— Не знаю, — ответил я.

— Поставишь завтра новый рекорд?

— Дело не в рекорде, а в системе, — ответил я, — установить рекорд — неплохо, но, я думаю, нам следовало бы подхватить почин знатных забойщиков.

— Какой? — спросил Коля.

— Спаренный метод рубки угля, когда один рубит, а другой крепит. Давай попробуем. Уверен, что дадим больше угля. Этим я и отмечу сегодняшний день.

Коля Пащенко согласился. О своем плане мы утром рассказали мастеру Варченко. Он улыбнулся.

— Что ж, попробуйте... Я помогу вам.

Это было 18 апреля 1946 года. Мастер отвел нам с Колей уступ длиной 15 метров и сказал:

— Вы оба — комсомольцы. Смотрите, не опозорьтесь! Дорожите своей честью.

Мы проверили крепление, шланг, молотки, разложили крепежный лес.
— Кто будет рубить первым? — спросил Пащенко.

— Бросим жребий, — предложил я.

Счастье выпало на мою долю.

Я рубил без отдыха. Мой молоток работал бесперебойно. Пащенко едва успевал за мною крепить кровлю. Когда я зарубил уступ полностью и отключил молоток, Пащенко посмотрел на часы и восторженно воскликнул:

— Ванька! Только одиннадцать часов, а сколько мы сделали!

Мы радовались, как дети. Коля даже запел:

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперед...

— Видишь, что значит спаренно работать, — сказал я.

— Ты прав, выгода большая, — ответил Коля. — Вместо пяти-шести квадратных метров на двоих мы дали двенадцать... Больше двенадцати тонн угля!... Хорошо!

Покончив с креплением кровли, мы обобрали отстававшие от кровли куски угля и породы и очистили уступ, как смеялся, сказал Коля, — «под метелку». Было около часу дня.

Когда пришел мастер и проверил нашу работу, он похвалил нас:

— Это по-комсомольски!.. Я был уверен, что вы одолеете эту норму. Честь и хвала вам! За четыре часа дать 150 процентов нормы кадрового забойщика — это замечательно.

* * *

*

Еще будучи в родном селе и работая в гончарной артели, я часто слышал от отца: «Наша артель живет хорошо и перевыполняет план только потому, что члены артели работают, как один. Помогают друг другу».

И когда в школе фабрично-заводского обучения меня назначили старостой группы, я прежде всего подумал: «Надо будет добиться, чтобы группа была дружной, крепко сплоченной, передовой в школе».

Мы жили дружно. Помогали друг другу. Дорожили интересами своего коллектива, его честью. Чувство товарищеской взаимопомощи, заботы и внимания вошло у нас в быт. Был такой случай. Ученик Кандыба закончил свой уступ длиной в шесть метров за четыре часа и решил посмотреть, как работает Проценко. Подошел к нему и видит, что тот никак не может справиться со своим уступом. Он не рубил, а, как говорят шахтеры, грыз по кусочкам. Кандыба по звуку молотка установил, что сила удара очень слабая. «В чем дело?» — подумал он и решил проверить шланг. Оказалось, что в пяти метрах от Проценко кусок породы упал на шланг и сжал его. Кандыба убрал породу, и звуки молотка стали резче, равномернее. Затем он осмотрел кливаж — трещины в пласте угля.

— Так рубить, Проценко, нельзя, — спокойно сказал он. — В лоб не возьмешь. Посмотри кливаж... Видишь трещины? Их-то и должен использовать забойщик. Так ведь учил мастер?

Кандыба взял молоток и повел его сверху вниз по направлению кливажа. Сделав отбойку, Кандыба вручил Проценко молоток и сказал:

— Понял?... Теперь бей с кутка!..

Проценко вонзил пику в уголь. Не прошло и двух минут, как в магазин пошел мощный поток угля. Проценко был в восторге, а Кандыба стоял и улыбался.

* *

*

С детства я любил гончарное производство и мечтал стать инженером, чтобы, работая на заводе, выпускать такие гончарные изделия, каких нет ни в одной стране мира. Но... стал шахтером.

И я не жалею. Окончив школу, я стал забойщиком. Я люблю свою профессию, увлекаюсь работой. Мне кажется, что работа шахтера — самая увлекательная и самая интересная.

Сознание, что вы работаете для народа, во славу своей Отчизны, что партия и правительство проявляют большую заботу о шахтерах, вдохновляет вас на трудовые подвиги. А что может быть благороднее, чем работа для своего народа, во имя своего народа! Разве не приятно сознавать, что углем, который вы добываете в шахте, питаются наши фабрики и заводы, паровозы и морские суда, что от угля, добытого вами и такими, как вы, шахтерами, зависит экономическая и военная мощь нашего государства!

Наш народ гордится прославленными шахтерами Рындиным, Пастуховым, Ивановым, Изотовым, Тюреньковым, Кузьменко. Это шахтеры старшего поколения. Но наша страна знает и немало молодых шахтеров, прославивших себя своим героическим трудом! Все они пришли из колхозов и городов, окончили школы фабрично-заводского обучения угольщиков, спустились в шахты и своим честным трудом завоевали блистательную славу. Они прекрасно работают и зарабатывают по 5—6 и даже по 10 тысяч рублей в месяц.

В наше время, друзья, шахтер — это звучит очень гордо. И я, Иван Шацкий, горд сознанием, что являюсь равноправным членом героической семьи донецких мастеров «черного золота». Я горжусь, что я шахтер...

* *

*

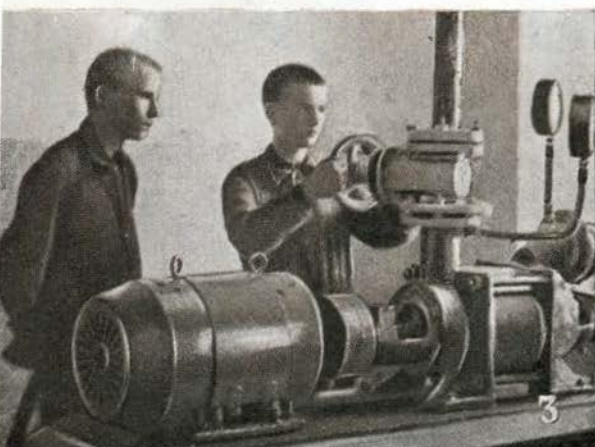
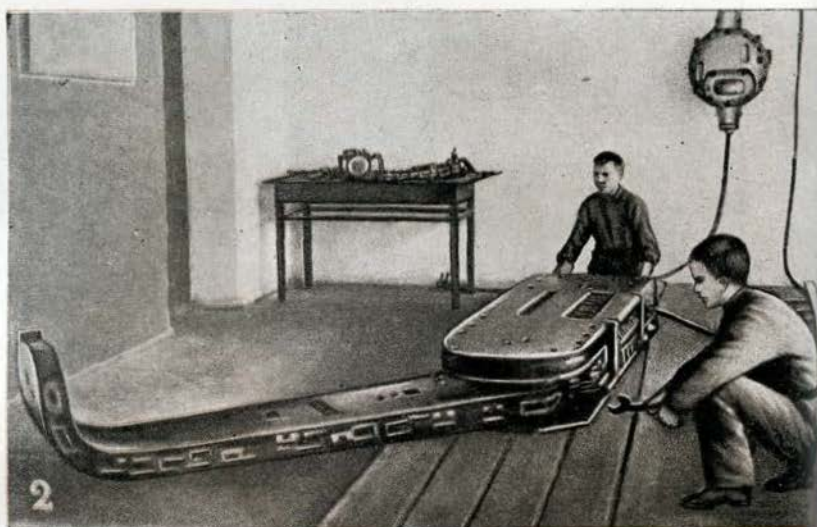
Прошло три года, как Иван Шацкий окончил школу фабрично-заводского обучения. Он рубит уголь, имея в руках не только пневматический отбойный молоток. У него есть более сильное оружие: любовь к труду, любовь к своей профессии, сознание своего долга перед Родиной.

ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ!

ПРИЗЫВНАЯ
КОМИССИЯ

ПОЧЕТНАЯ ПРОФЕССИЯ

На снимках:

1 — будущие механизаторы шахт за учебой.

2 — молодые машинисты учатся управлять врубовой машиной.

3 — в учебно-производственном кабинете училища № 12 горной механизации изучают водоотливную установку.

4 — здесь же бурильщики готовятся работать на электросверле.

...В советской стране, где труд стал делом чести, доблести и геройства, особым вниманием и почетом пользуются шахтеры — передовой отряд рабочего класса.

Ярким проявлением сталинской заботы о горняках является постановление Совета Министров СССР о преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-техниче-

ских работников угольной промышленности и строительства угольных шахт. В 1947 году введено звание «Почетный шахтер», которое присваивается рабочим, бригадирам и горным мастерам, проработавшим не менее десяти лет в подземных условиях и на шахтном строительстве.

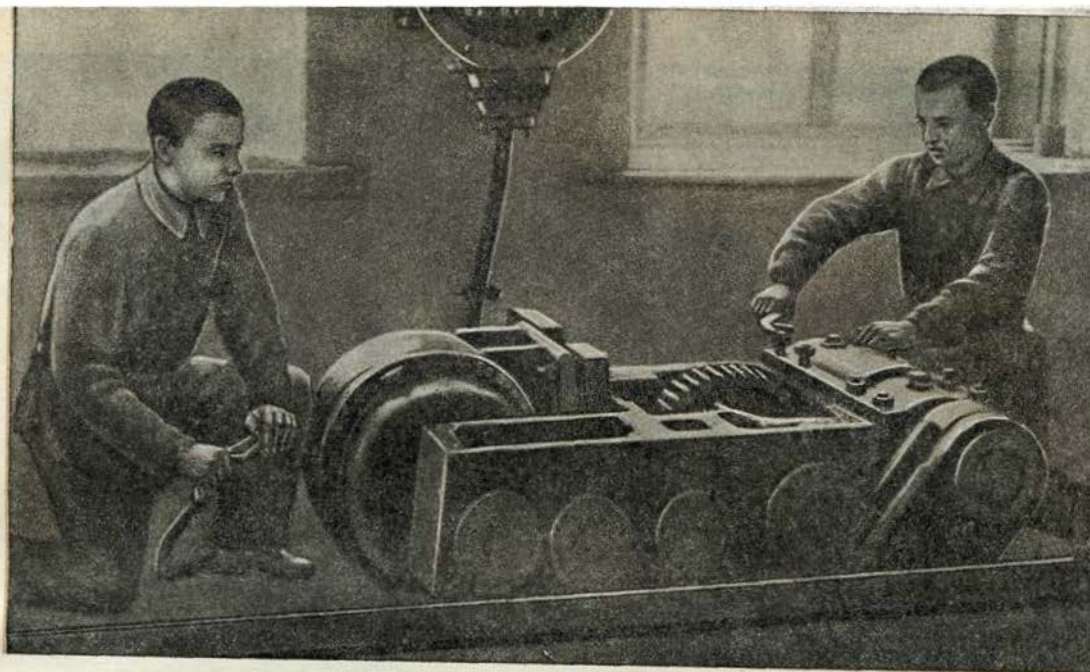
Героика горянцкой профессии, сталинская забота партии и правительства о шахтерах, всенародное уважение к ним привлекает молодежь в училища и школы фабрично-заводского обучения угольщиков. В Донбассе, Кузбассе и других угольных районах страны созданы сотни учебных заведений трудовых резервов, подготавливающих квалифицированных рабочих для шахт.

В горнопромышленном училище № 3 гор. Брянка (Ворошиловградская область) молодые машинисты знакомятся с врубовой машиной.

И. Шацкий,
знатный забойщик, воспитанник школы фабрично-заводского обучения.

Молодые угольщики в горнопромышленном училище № 12 Сталинской области изучают погрузочные механизмы.

Мастер угля, бригадир проходчиков шахты № 10-бис треста «Снежняна-трацит» А. Ф. Колесников со своими воспитанниками.

Первый наряд.

БЫСТРАЯ СТАЛЬ

Вл. Курочкин

I

АВГУСТОВСКИЕ дни 1942 года, когда немецкая орда катилась к Сталинграду, по Волге уходил пароход. Был он битком набит эвакуируемыми детьми, подростками, стариками. Яблоку негде было упасть.

Двое мальчишек опирались на перила кормы. Казались они одинаково тонкими, стройными, не различались и ростом. Но перепутать их все же было невозможно. Один — белокрысый, веснушчатый, с голубенькими зоркими глазами, другой — волосом черный, с теплым взглядом карих глаз, золотисто-смуглый, как зрелый подсолнух.

Несмотря на тесноту, они уже ухитрились облазить весь пароход. Заглянуть в машинное отделение сочли себя особенно вправе, так как были без пяти минут слесарями-аппаратчиками. Их вывозили из сталинградской школы фабрично-заводского обучения.

Очень хотелось ребятам прочитать название пароходика. Но он оказался вымазанным серо-зеленой краской причудливыми разводами, то ли в тон волжским берегам, то ли под цвет речной воды.

Вечером следующего дня мальчишки находились все там же, у кормы. Они стояли утомленные, молчаливые, каждый думая свою думу. Невеселым было это внезапное путешествие в неизвестность.

В темноте чувствовалось приближение причалов, больших пристанских зданий, присутствие затемненного, притаившегося города. Один из мальчишек — белокрысый — заволновался. Жадно потянул носом воздух и сказал:

— Камышин... Мой город. Батка с маткой здесь. Может остановимся? Чернявый паренек ничего не сказал. Тоска и боль угадывалась в этом молчании. Его родиной было Запорожье. Там сейчас распоряжались немцы.

Но пароходик так и не зашел в Камышин. Ни в Саратове, ни в Куйбышеве, ни в Казани не пришлось сойти на берег двум приятелям. Только в Горьком. Там, после оформления документов, их направили к месту назначения.

— Мы научим вас варить сталь, — сказал им директор школы фабрично-заводского обучения № 15, где предстояло продолжать учебу.

Он ознакомился с их документами.

— Ну, который из вас Виктор Яковлев, и кто Александр Букмас?

Яковлевым оказался белобрысый, Букмасом — чернявый. Но на лицах у них по-одинаковому отразилось разочарование. Директор это заметил.

— Досадно, что нельзя использовать ваши прежние знания, — сказал он, — в городе не нужны такие специалисты. Впрочем, вам пригодятся приобретенные навыки, вы это почувствуете сами. Я вижу, вы ребята — хоть куда, настоящие сталевары.

Ничего не оставалось, как улыбнуться директору, тем более что слово «варить» в сопоставлении со словом «сталь» — таким твердым металлом, содержало для подростков что-то интересное. Во всяком случае появился интерес. Это отвлекало от разлуки с семьями, от пережитых бомбежек Сталинграда.

В новомартеновский цех они явились в первый раз с группой своих новых товарищей-учеников в тот час, когда выпускалась плавка одной из печей. Все огромное пространство цеха было залито ослепительным светом, то бело-желтым, то играющим сиреневыми оттенками. А льющийся в ковш металла казался живым и сердитым. В разные стороны летели от него брызги и искры...

На первых порах все здесь ошеломяло. Звонили крановщики, давая предупредительные сигналы, с грохотом сыпалась руда из вагона на шихтовом дворе, грузно плыл над канавами пустой ковш, уже отдавший готовый металл изложницам.

Но старого мастера производственного обучения Александра Ивановича Бибикина, сопровождавшего ребят, вся картина выпуска плавки привела в восхищение. Он вынул часы, кивнул с удовольствием в сторону печи и сказал:

— Вот сегодня у нас быстрая сталь. На целых полчаса раньше управились. Так всегда должно быть, запомните. Медленная сталь — это плохая работа.

Мало кто еще вникал в его слова. Мысли словно остановились на одних только трудностях предстоящей учебы.

Перед сном, в конце полного впечатлений дня, приятели посмотрели друг на друга, словно спрашивая: «Ну, как?».

— Не по силам, думаешь? — спросил Яковлев, потом продолжал:

— Что же, к директору тогда надо, значит, итти проситься в токари или еще куда?.. Ты пойдешь к директору?

Букмас подумал и вздохнул:

— Нет, не пойду. Он ведь сказал, что у нас есть навыки... Значит, поверил нам.

— То-то и оно. Нет уж, конченное дело. Казак назад не пятится..

А когда легли в постели и в спальнях погас свет, Яковлев еще раз окликнул товарища:

— Ты слышал, сегодня мастер сказал — быстрая сталь. Что это по-твоему?

— Это, наверно, хорошая сталь, так я думаю.

— А я думаю, что он про работу говорил. Сталь сама по себе быстрой не будет, она не живая. Это человек быстрый. В делах.

— Верно.

— Вот тебе и верно. Нам это и нужно подмечать.

— Перенять хочешь?

— Да.

— А головастый ты, Витька.

II

Через шесть месяцев, в январе 1943 года, состоялся выпуск школы ФЗО № 15. Виктор Яковлев и Александр Букмас в числе прочих учеников были аттестованы, как вторые подручные сталевара.

Нелегко далась учеба. Она была трудна, особенно Яковлеву. Он, казалось, еще не был готовым для такой нагрузки, как работа у мартена. Большие куски руды трудновато бывало поднять.

Паренек не сдался и мужал на глазах. А ведь можно было и уклоняться от работы. В большой группе — 30 учеников — без особого труда удалось бы уйти за мартен и печь себе картошку. Некоторые так и делали. А когда полагалось сгонять с поверхности расплавленного металла шлак, — открывались окна мартена, и в лица ощутимо толкала огневая волна печного жара, — то и здесь иные ученики невольно старались прятаться за спины товарищей, если приходилось браться за гребки.

Но Яковлев всегда первым становился к рукоятке инструмента. Словно закаляла его постоянная уверенность, что человек сильнее огня и он хозяин в цехе. Букмас следовал примеру товарища. Их духовная связь, определившая себя еще сталинградскими переживаниями, мрачным путешествием на пароходе, теперь являлась источником энергии.

В общей суматохе буден, серьезного труда, выполнения учебных и производственных программ, пожалуй, один лишь мастер Бибикин оценивал по достоинству усилия этих двух будущих сталеваров. Он радовался за них, как только может радоваться старый опытный плавильщик, определяющий с одного взгляда через ~~стеклышко~~ ~~стекло~~ что в его печи кипит и вот-вот будет готова добрая сталь.

Приходили ему на ум воспоминания и невольные сравнения. Когда-то и сам он также рвался к знаниям. Это было очень давно, еще до Октябрьской революции. Завод в те времена находился в частных руках, и профессия сталевара изобиловала тщательно охраняемыми тайнами. Каждый старый мастер имел свои производственные секреты и неохотно открывал их молодежи. Вспоминалось Бибикину, как умело нужно было подольститься к таким колдунам-сталеварам. И одаривать их подарками, и покупать водку, и задабривать мелкими услугами. И то не все после этого открывалось любознательному человеку. Остальное приходилось уже додумывать самому, искать ощупью.

Тем сильнее, тем любовнее хотелось передать собственные профессиональные, накопленные сорокалетним трудом знания своим питомцам и, может быть, особенно Яковлеву и Букмасу, рвение которых вызывало симпатию. Сколько всяких тонкостей в сталеварении. Как узнавать на-глаз температуру печи и металла, как определять, готова ли сталь, и угадывать наличие в ней серы, фосфора, углерода раньше даже, чем это установит цеховая лаборатория...

Может быть и не все это сразу укладывалось в сознании учеников. Главным являлось то, что от слов мастера в душу юношам проникала крепкая и уже никогда не отпускающая настоящего сталевара любовь к своему трудному делу. Яковлев и Букмас быстро узнали силу этого чувства. Прошло всего только несколько месяцев напряженной учебы в новомартеновском цехе «Красного Сормова», а они оба уже с недоумением вспоминали те первые дни, когда находились во власти страха от одного только упоминания «горячий цех».

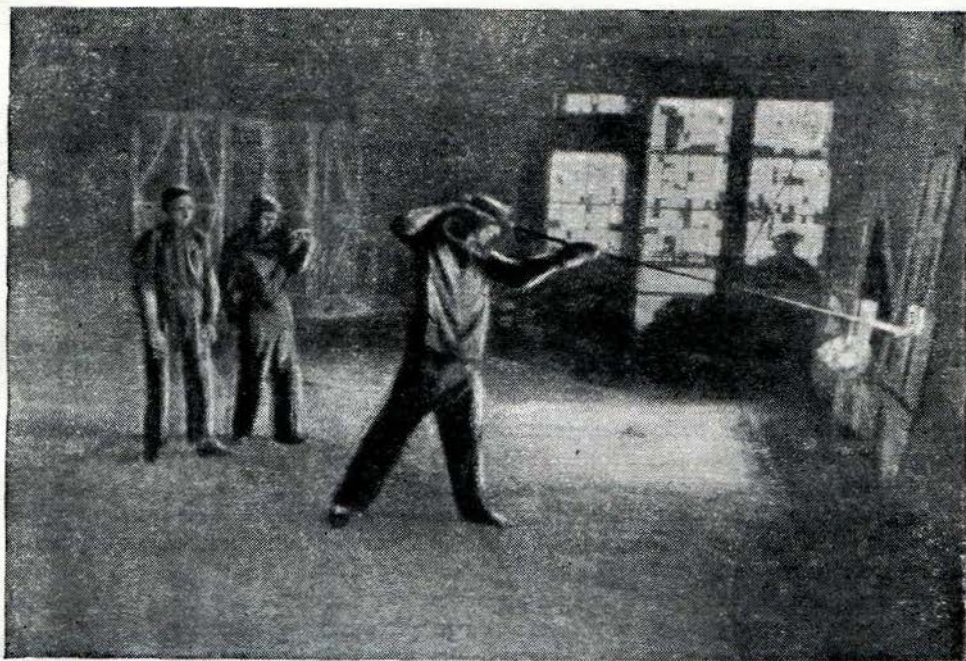
И вот они дошли до конца пути — учеба в школе закончилась. Началась трудовая деятельность. Ученики стали рабочими, самостоятельными людьми. Это подчеркивалось даже их переездом в общежитие для взрослых.

Уже таким привычным, даже родным стало палящее дыхание мартенов, менее острым, чем в первое время, но всегда радостным ощущение гордости в минуты выпуска готовой стали. Каким торжеством горели глаза, когда в конце месяца после хорошей полочки приходилось идти по улице, сияя загоревшимися, чуть опаленными жаром мартена, лицами: «Смотрите, мол, сталевары идут...»

Яковлев, Букмас и другие молодые рабочие несомненно отдали должное этому чувству самостоятельности. Но могло ли оно целиком удовлетворить молодых людей? Они недавно вступили в комсомол и помнили наизусть многие пункты из Устава ВЛКСМ об обязанностях в улучшении своих знаний.

Виктор Яковлев, увлекая за собой и товарища, двинулся дальше по однажды избранному пути смелого и глубокого проникновения в смысл приобретенной профессии.

Внимание давно привлекал процесс завалки шихты в мартен. По сравнению с быстрой, почти стремительной работой подручных в момент выпуска плавки, когда требуется следить за льющимся металлом и одно-

Учащиеся школы ФЗО № 15 Горьковской области — будущие сталевары — наблюдают за взятием пробы. Справа — мастер производственного обучения А. Бибикин.

временно тщательно готовить печь к приему новой порции шихты, было что-то всегда раздражающе медлительное, обидное в неторопливом движении к мартену стальных корыт с наваленным в них железным ломом. Корыта эти задерживались сначала где-то далеко внизу, на шихтовом дворе, затем долго поднимались краном и сортировались на стеллажах, а потом терялось еще время на просушку шихты в самой печи. Лом бывал мокрый от снега, не подготовленный заботливыми руками. Завалка длилась часами. За это время терялся весь великолепный ритм работы подручных сталевара. Заново приходилось прилагать усилия, чтобы вернуться к прежнему темпу труда. Человека, впервые уловившего красоту согласованного, точного и незамедляемого движения в работе, выводили из себя любые задержки, неоправданные паузы, ожидание...

Яковлев не выдержал и в одну из смен подошел к самому обер-мастеру.

— Товарищ обер-мастер, — сказал он, усиленно хмурясь, чтобы

не создается впечатления, что по пустякам обращается,— разрешите, у меня к вам важный вопрос.

— Выкладывай, коли отважился,— сказал обер-мастер,— а своему сталевару-бригадиру ты разве не доверяешь?

— Не в том дело,— продолжал Яковлев,— вот посмотрите. Какая же гут быстрая сталь у нас пойдет, если шихтари копаются, еле-еле лом навешивают. А мы как старались! Меньше чем за 15 минут заправку кончили. Доломит забросили, под у печи исправили. Теперь ждем; какая же это быстрая сталь? Черепашья езда, а не плавка.

— А что ты знаешь о скоростных плавках, мальчуган?— сказал обер-мастер, умышленно подчеркивая молодость подручного, хотя уже заметными мышцами обросли от постоянных физических усилий и спина, и плечи, и руки юноши, да и очертания рта его уже потеряли мягкость и стали тверже, мужественнее.

— Я знаю, что работа плохая идет. Вот что я знаю. Следовало бы жару задать...— упрямо повторил юный сталевар.

— Ты себе задай сперва, последи-ка за собой сначала.

— У меня все в порядке, товарищ обер-мастер. Не отстаю, спросите бригадира. А за других сердце болит. Шихтарям бы хвоста накрутить, чтобы бегали живее.

Через несколько дней обер-мастер встретился на рабочей площадке у мартенов с мастером производственного обучения Бибикиным.

— Слушай, Александр Иванович,— сказал обер-мастер,— это не твой тут такой — Яковлев?

— Мой,— сказал Бибкин и радостно улыбнулся,— Букмас тоже еще тут есть. Они, как двойняшки, только не в масть, один белобрысый, другой чернявый.

— Букмаса знаю, он смиреннее, все технологией плавки интересуется. А этот — что начальство уже. Распоряжается, быстроту все ему подавай...

— Что ты говоришь! — воскликнул Бибкин, не зная, однако, твердо, удобно ли ему восхищаться бывшим учеником и не рассердится ли обер. Но тот продолжал в таком духе:

— Обрадовало меня, что равнодушия в нем нет. Как хозяин в цехе.

— Хозяин! — уже без всяких сомнений восхитился Бибкин.

— Я распорядился перевести его в первые подручные. А сталевару нагоняй сделал: что, говорю, смотришь! Если способный человек — дай ему ход, не томи, пусть растет. Молодые у нас нынче, что на дрожжах. Скоро-спелые. Это твоя вина, Иванович.

— На дрожжах, и я говорю, на дрожжах. Моя вина. Верно. Люблю, чтобы работники, как плавка хорошая, до срока поспевали.

Так и шагнул Яковлев вперед. А через три месяца он уже был поставлен сталеваром. Прозвище обер-мастера привилось. Его и Букмаса так и называли в цеху — «скоропелки». Но без того обижающего смысла, которое обычно скрывает в себе это слово. К нему всегда добавлялось теплое и дружественное «наши». «Наши скоропелки».

Прошло полтора года.

В один из будничных дней Яковлева, после смены срочно вызвали к начальнику цеха. Молодой сталевар прямо в спецовке вошел в конторку, отделенную от общего помещения застекленной перегородкой. Начальник цеха с любопытством посмотрел на Яковлева, хотя и знал его давно. Перед ним стоял высокий, суховатый в фигуре, но словно набравший упругости в каждом мускуле человек. Лицо без улыбки, строгие светлые глаза, деловой, пристальный и словно выпрашивающий взгляд...

— Это ты, выходит, наша скороспелка? — спросил начальник цеха.

— Я, — сказал Яковлев и улыбнулся, и сразу что-то мальчишеское, оставшееся от того, ушедшего в прошлое сталинградского периода его жизни, появилось в лице. Но тотчас убрал улыбку, чтобы внимательно выслушать начальника.

— Садись. — сказал тот, — скажи мне честно, ты, помимо всего прочего, по технической учебе работаешь над собой?

Ремесленное училище металлургов № 15 при Московском заводе „Серп и молот“ готовит кадры сталеваров, кузнецов, слесарей для металлургических заводов страны.

На снимке: учащиеся группы подручных сталеваров наблюдают за ходом плавки стали.

— Читаю кое-что. Скажем, профессора Карнаухова «Металлургия стали».

— Не трудно?

— По силам. Я как-никак семилетку окончил.

— Дотошный, смотрю, народец пошел, — сказал начальник цеха задумываясь, но сейчас же добавил с живостью, — добре. Нам такие и требуются. Ну, а если я тебя к начальнику смены учеником поставлю... Ты какого года?

— С тысяча девятьсот двадцать пятого.

— Молодой... Управишься?

— Посмотрим, товарищ начальник цеха.

— Не посмотрим, а точно?.. У печи ты, небось, много не смотришь, а сразу говоришь, готова или еще холодна сталь. Ну?

— Управляюсь, думаю.

— Вот думать — это всегда нужно. Значит есть уверенность?

— Есть.

— Смотри, чтобы не оказалась самоуверенность. У молодых людей это близко друг от друга.

— Понимаю, товарищ начальник цеха.

— Добре. Иди, скороспелка!

Это было своеобразное напутствие. Прошло некоторое время, и Яковлев стал мастером. Три мартеновские бригады находились под его наблюдением. И те сталевары, у которых он когда-то учился, сами теперь следовали его указаниям. Некоторые из них проработали на производстве по 15—20 лет и возможно могли бы неприязненно отнестись к молодому мастеру, обогнавшему их. Но этого не было, во всяком случае ни разу не приходилось Яковлеву жаловаться на неподчинение и недоброжелательство. Люди, словно, сразу признали за ним право на его легкую быструю поступь. Они понимали, что за этим скрывается постоянная и вечно напряженная внутренняя работа человека, вызывающая лишь уважение.

III

Светлый, сердитый глаз, не мигая, наблюдал сквозь защитное стекло за раскаленным чревом мартена. Вот недовольно сдвинулась бровь, и рука отняла синее стекло от глаза.

— Ты что же это, голубчик? — обратился Яковлев к стоявшему тут же сталевару, — у тебя металл словно шубой накрылся, а ты и в ус не дуешь! Не видишь разве, шлак густ?

— Да только сейчас, товарищ начальник смены, разжижали его.

— Мало. У тебя что же, глаз нет посмотреть не один, а два раза? Смотри, совсем кипения нет. Шлак все задушил. Время зря уходит.

— А жиге шлак делать, как бы стенки не обьело, товарищ начальник смены.

— А ты не бойся и почаще заглядывай. Подбросьте бокситов!

— Сейчас разобьем, сделаем, товарищ начальник смены. За милую душу закипит!

В 21 год Яковлев сделался начальником смены. Букмас к тому времени вступил в должность сменного мастера. Он был моложе Виктора на год. Но тянулся за ним изо всех сил, во всем догнать старался.

А Яковлеву, наконец, представилась возможность полностью подчинять плавку своей воле, удовлетворить жажду быстрой и точной работы.

Да, далеко шагнули пареньки с пароходика без названия, плившего в тот душный августовский день по Волге, когда на темном, дымном горизонте со стороны оставшегося позади Сталинграда что-то гремело, рвалось, то ли просто гроза, то ли взрывы...

Круглые сутки, с ровным гудением бьющего из регенераторов газового пламени, живут мартены, круглые сутки, с перерывом только на завалку шихты, кипит, пузырится, как голубая мыльная вода, расплавленная сталь. Ее хорошо видно сквозь очки сталевара. Вот она, быстрая, торопящаяся уйти из печи, прорваться по жолобу в ковш! Она не терпит медленных! Таковы, очевидно, были мысли Яковлева, когда он стоял вместе с Букмасом на широкой, до блеска исшарканной подошвами, железной площадке перед мартенами.

Букмас тоже заметно изменился. Какими широкими сделались плечи, грубее, тверже определились черты лица и только глаза остались все такими же карими, теплыми, умными.

Они говорили о состоянии сегодняшних плавков, о заданных марках стали. Их занимали расчеты по составлению шихты. Предстояли выплавки ответственных легированных и хромистых сталей. Предстояли большие заботы.

У мартенов жарко работали подручные сталеваров, скачивали из печи шлак, перемешивали длинными шомполами кипящую сталь, готовились к выпуску плавки. Среди них много было бывших учеников школы фабрично-заводского обучения № 15. Каждый год пополнялся ими состав штатных рабочих новомартеновского цеха. Они здесь учились, здесь и оставались работать.

...Начальник смены Яковлев и сменный мастер Букмас еще стояли, беседуя о применении ферросплавов при выплавке ответственных сталей, когда мимо повел ученическую группу мастер производственного обучения Бибикин. Это были новички, ученики очередного набора. В цехе они все еще держались табунком, жались от печей подальше, неуверенно переступали по гладким железным плитам.

— Александр Иванович! — вдруг крикнул Яковлев своему бывшему наставнику, и чем-то прежним ученическим озарилось его лицо, — а у нас сегодня опять сталь быстрая должна быть. Раньше срока плавку дадим.

— Это хорошо, Виктор Федорович, доброе дело, — ответил Бибикин, — медленная сталь — это плохая работа. А я вот своих веду погреться немного у огонька...

С любовью посмотрел на подростков старый мастер. Яковлев и Букмас тоже обернулись в их сторону и сразу заметили несколько пытливых взглядов, несколько пар блестящих от любопытства глаз.

— Нам тоже нужно будет с ними заняться. Уделить внимание, — сказал Яковлев, — наверняка есть способные ребята. Так и ловят каждое слово. Смотри... А помнишь?

— Помню, — сказал Букмас и хотел еще что-то добавить, но в это время яркий и словно переливающийся по всему цеху свет заиграл на их лицах.

— Ага, — сказал Яковлев и вынул часы. Он с удовольствием посмотрел на циферблат. — Раньше срока! — воскликнул он.

Они поспешили к мартену, из недр которого быстро бежала в ковш, брызгающая искрами, готовая сталь.

Так и кажется, что время в нашей стране идет в два раза быстрее, чем в остальном мире. Это лишь потому, что в несколько раз быстрее растут и совершенствуются у нас люди. Не успеешь и оглянуться, как простой ученик школы фабрично-заводского обучения, вчерашний мальчишка из колхоза или шумный обитатель городских дворов, становится за короткий срок самостоятельным и крепким работником, твердо выходит, как говорили раньше, в «люди» и на широкой своей жизненной дороге не останавливается, а быстро идет дальше, становясь с каждым днем все зрелее, все увереннее и богаче в своих знаниях, в своем мастерстве.

...Вот уже и Букмас, несколько лет назад бывший, казалось бы, несмышленным еще и робким подростком, теперь тоже считается на заводе одним из лучших начальников смены. Он тоже, как и Яковлев, научился разумно и деловито командовать целым штатом работников, ведающих рождением высококачественной стали и творящих производственный успех большого цеха.

И нет сомнения, что в сердцах этих молодых высококвалифицированных рабочих, мастеров, командиров производства, больших специалистов своего дела, поднимается чувство благодарности и признательности, стоит им только вспомнить тот близкий еще в сущности год, когда они, оказавшись в стенах школы фабрично-заводского обучения, впервые ощутили ласку, заботу и твердую руку советских людей, поставивших ребят на славный трудовой путь.

СУДЬБА МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

С. Розанов

ОДИН из декабрьских дней 1946 года председатель ВЦСПС Василий Васильевич Кузнецов собрал группу крупных специалистов горного дела, представлявших все отрасли горной промышленности в СССР, чтобы посоветоваться по одному важному вопросу.

В. В. Кузнецов сказал собравшимся:

— На Северном Урале в последнее время происходят интересные события. Тамошние горняки удивляют всех нас высоким искусством ведения горных проходок, точно продуманной организацией работ, довольно высокими и необычными для многих горных предприятий темпами. Особенно выделяются среди северо-уральских горняков-проходчиков Иван Проничкин и Нигмаджан Минзарипов. Они работают вместе, соревнуются. Минзарипов старый горняк, а вот Проничкин совсем молодой... Сочетание получилось любопытное. По последним данным, молодой ушел вперед. Есть основание думать, что достижения Ивана Проничкина — дело не случайное. Мне и хотелось бы разобраться вместе с вами в том, что же происходит в горных работах на северо-уральских бокситовых рудниках; как следует, по-инженерски, оценить накопившийся там опыт...

За большим полированным столом сидели крупные инженеры, опытные, хорошо знающие дело горняки. Здесь можно было встретить людей, создавших и осуществивших смелый план послевоенного возрождения

подземных шахтных выработок в Донбассе; здесь были горняки, ведущие горно-геологические работы в труднейших условиях Севера, здесь были, наконец, выдавшие виды метростроевцы, научившиеся быстро проходить тоннели в сложнейших геологических условиях.

Они с интересом слушали заместителя министра, вернувшегося только недавно с Урала и очень точно, со всеми подробностями рассказывавшего о применяющихся там способах проходок и методах организации труда. Имя Ивана Проникина часто мелькало в этом рассказе и всегда в связи с какой-нибудь технической новинкой.

Цифры, которые приводил рассказчик, были поистине неожиданные. Вместо обычных 25—30 погонных метров в месяц бригада Проникина давала 150—160 и до 172 метров проходки. Инженеры внимательно слушали сообщаемые им цифры и тут же записывали.

Когда обсуждение было в разгаре, один из горных инженеров задал такой вопрос:

— Бригады Сабиров и Самигулин, как нам здесь сообщили, довели в Северо-Уральске скорость проходки до 70 метров в месяц, располагая, по-существу, той же техникой, применив, казалось бы, ту же систему организации труда, что и Минзарипов, что и Проникин. А Проникин поднялся до 172 метров... В чем тут дело? Чудо, что ли, произошло?

Все участники совещания, в том числе и В. В. Кузнецов, обернулись к тем, кто представлял северо-уральцев. Казалось, что именно этого вопроса все как раз и ждали.

— Чуда никакого, конечно, не произошло, — последовал ответ. — Но человек новый на рудники пришел... Это — факт!

* * *

*

Ивану Проникину выпала высокая честь стать вожаком проходчиков, когда ему минуло 20 лет. Это факт необычайный. Проходчики — самые квалифицированные горняки, люди смелые и решительные, закаленные в борьбе со стихией, хорошо владеющие горным искусством. И если во главе горняков-проходчиков в борьбе за скоростные методы оказался совсем молодой человек Иван Проникин, окончивший лишь в годы войны школу фабрично-заводского обучения, — то есть тому свои причины.

Проникин — ленинградец, сын рабочего. В 1942 году, когда вокруг Ленинграда начало сжиматься кольцо блокады, он вместе со школой был эвакуирован в глубокий тыл, на восток. Он оказался на Алтае и здесь, в Лениногорске, окончил горняцкую школу фабрично-заводского обучения трудовых резервов. Его направили в самый молодой город Урала — в Северо-Уральск.

Рудникам Северного Урала в первую голову нужны были проходчики. Надо было осваивать месторождение, закладывать новые и новые шахты, вести горные выработки. Главная масса проходчиков приходила с медных рудников. Это были уже пожилые, опытные люди.

Иван Пронишкин — воспитанник ленинградской горнорудной школы ФЗО № 5 (Восточно-Казахстанская область).

За разработку и внедрение в промышленность скоростных методов проходки Иван Пронишкин удостоен звания лауреата Сталинской премии.

К тому времени, когда Иван Пронишкин появился в Северо-Уральске, здесь уже шла добрая слава о бригадах Сабирова и Самигулина, Созаева и Минзарипова. Особенно хороших успехов добились бригады Чапая Созаева и Нигмаджана Минзарипова. Обычная скорость проходки подземных горизонтальных выработок — метр в день, 30 метров в месяц. Северо-уральский бокситовый бассейн не мог мириться с такими темпами, нужны были иные скорости, более быстрое продвижение под землей. Сабиров, Самигулин, Созаев и Минзарилов шаг за шагом улучшали организацию горнопроходческих работ, добивались лучших, передовых показателей. Эти опытные горняки сумели превзойти среднюю месячную скорость проходки в три, четыре и даже пять раз.

Молодой горняк Пронишкин жадно вбирал все лучшее, что доводилось ему видеть в передовых бригадах, упорно учился, старательно работал.

Он был доволен, когда попал в бригаду к Минзарилову. Здесь было что перенять, было чему поучиться.

В послевоенной сталинской пятилетке на Северо-Уральском месторождении надо осуществить проходку нескольких десятков километров штреков и других горизонтальных и вертикальных выработок. Выполнить это необходимо вопреки трудным горным и гидрогеологическим условиям.

Однажды Ивана Проничкина вызвали к управляющему рудниками. Речь шла о большой и ответственной работе. Надо было соединить штреком центральную и южную шахты второго Северного рудника и таким образом вскрыть большие запасы высококачественной руды.

Проничкин слушал внимательно. В то время он уже был опытным проходчиком и упорно овладевал скоростными методами. Проходку штрека решено было вести с двух концов, двумя бригадами. Одну бригаду должен повести Проничкин. А другую — известный стахановец, опытный горнопроходчик — Минзарипов.

Соревноваться с лучшей проходческой бригадой было, конечно, лестно. Иван Проничкин не привык отступать перед трудностями. Партия, комсомол учили его другому — в трудных условиях мобилизовать свою волю, напрячь силы, опереться на надежный коллектив, дерзать и побеждать.

Он дал согласие. Минзарипов пойдет со своей бригадой с севера на юг, он — с юга на север.

В ходе выполнения этого ответственного задания Иван Проничкин показал себя и как волевой командир, и как незаурядный новатор — создатель передовой системы скоростных проходок.

В первые же дни бригада Минзарипова начала вести проходку в очень высоком темпе. Нигмаджан Минзарипов давал в сутки до 7 метров проходки. Он шел, следовательно, со скоростью, превышающей 200 метров в месяц. Проничкину удавалось давать 4,5—4,7 метра в сутки — 145—156 метров в месяц. Но молодой бригадир не падал духом. Он изучал методы и приемы Минзарипова, он учел опыт других передовых проходчиков. И постепенно, шаг за шагом, Проничкин создал свою собственную стройную и хорошо продуманную систему, которая принесла ему всесоюзную славу.

Иван Проничкин опирался на знания, полученные в ленинградской школе фабрично-заводского обучения. Прежде всего он решил, что каждый член бригады должен быть и бурильщиком, и крепильщиком, а при необходимости уметь и шпуры палить и породу убирать. Это помогло Проничкину осуществить совмещение операций и добиться успеха.

Прежде работали так: сначала бурили шпуры для закладки зарядов взрывчатки, а затем, взорвав породу, приступали к ее уборке. Все это отнимало от шести до девяти часов. Проничкин отверг эту практику. Он решил и бурить и убирать породу одновременно. Совмещение операций давало возможность вдвое сократить затраты времени на их выполнение.

Но и это еще не все. А нельзя ли одновременно производить и крепление?

Говорили, что это трудно! Да, трудно! Но возможно!

Были сделаны дополнительные расчеты. Оказалось,— если быстрее выполнять операции по бурению, если скорее убирать взорванную горную массу, да к тому же еще и быстрее проветривать забой, освободить его от вредных газов, появляющихся после каждого взрыва, то можно успеть все три главные операции производить одновременно.

Снова Проничкин изучал, сопоставлял, исследовал. Он подробно разобрался в том, какое количество шпуров бурили лучшие проходчики Сабиров и Самигулин, Созаев и Минзарипов. Он продумывал расположение шпуров, их глубину и после всего этого пришел к выводу: шпуров надо бурить больше, бурить надо глубже. Возник вопрос о количестве взрывчатки. Инженеры помогли ему рассчитать новые, увеличенные запалы. Появилась потребность и в других, быстрее работающих бурильных молотках. Их изготовили на руднике собственными силами.

Так день за днем совершенствовалась практика горных проходок. Проничкин и его бригада выдвигали все новые идеи. Руководители рудника их подхватывали, помогали их осуществлять.

Надо было ускорить проветривание забоя. Обычно маломощные вентиляторы гнали свежий воздух по брезентовым рукавам. Потери воздуха при этом были велики, проветривание забоя затягивалось на час с лишним. Бригада предложила положить металлические трубы, поставить более мощные вентиляторы. После этого на проветривание забоя стали затрачивать 18—20 минут.

Самый же крупный выигрыш во времени, в темпах, в производительности труда дала механизация уборки породы. Бригаду Проничкина вооружили высокопроизводительной погрузочной машиной, позволившей в три-четыре раза снизить затраты времени на выполнение этой трудоемкой операции.

Появление в забое погрузочных машин пробудило интерес к решению новой еще более смелой задачи: к организации непрерывной работы этих машин и, следовательно, непрерывной подачи порожних вагонов под погрузку. А это позволит в два, а то и в три раза сократить время на очистку забоя от взорванной горной породы.

Таковы плоды неутомимой творческой деятельности молодого горняка Ивана Проничкина. Он знал, чего хотел. Он видел перед собой ясную цель и с большевистской напористостью шел к ней, вопреки многим трудностям. В первый же месяц скоростной проходки штрека по сбойке двух шахт второго Северного рудника бригада Проничкина прошла 140 метров, хотя на пути были и крепкие монолиты известняка, и огромные «подземные лагуны», извергавшие на проходчиков тысячи кубометров воды. В очень сложных условиях трудилась и бригада Минзарипова, и в первый месяц она дала 136 метров проходки.

Сила Проничкина не только в том, что он творчески обобщил и успешно применил всю богатую стахановскую практику скоростных проходческих бригад Северного Урала. Иван Проничкин дал горнякам-проходчикам комплексный метод скоростной проходки, построенный на точном учете

возможностей применения советской передовой техники и умелом использовании творческих сил советского горняка. Вот этим сочетанием и объясняется высокий успех Ивана Проничкина.

* * *

У Ивана Проничкина в годы войны погиб отец. Мать оставалась в Ленинграде. Узнав, что Ваня, после окончания школы фабрично-заводского обучения работает в Северо-Уральске, мать, Екатерина Петровна, обратилась к министру с просьбой перевести ее сына в Ленинград, освободить от работы на Северо-Уральских рудниках. Она не знала, что ее сын, Ваня Проничкин, хотя и прошло только немногим больше трех лет, успел за это время стать одним из лучших проходчиков, знатным человеком на Северном Урале.

Екатерине Петровне ответили из Министерства:

— Ваш сын Проничкин Иван Николаевич является одним из лучших бригадиров скоростных проходческих бригад на Северо-Уральских рудниках. Руководимая им бригада проходчиков показывает высокие образцы труда, за что приказом министра он награжден значком «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии». Учитывая, что ваш сын работает на важном производственном участке и хорошими показателями мобилизует остальных проходчиков на высокие образцы труда, освободить его от работы считаем невозможным. Директору Северо-Уральских рудников дано указание переговорить с вашим сыном и вместе с ним решить вопрос об оказании вам помощи или пригласить вас переехать к сыну...

* * *

Постановлением Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий за 1946 год присуждена премия Минзаринову Нигмаджану и Проничкину Ивану Николаевичу, бригадирам скоростных проходческих бригад второго Северного рудника за разработку и внедрение в горнорудную промышленность скоростных методов горных выработок.

Опыт Ивана Проничкина и других бригадиров-скоростников послужил основой для решения Совета Министров об организации всесоюзного социалистического соревнования горнопроходческих бригад. Так трудовая доблесть передовых людей становится силой, поднимающей массы на великие дела.

Новые люди появляются в горнорудных районах страны. Такие же молодые, сильные, напористые, культурные, знающие свое дело. С каждым днем все шире внедряется практика скоростного продвижения, опыт Проничкина и других новаторов.

А Проничкин? Он увлечен новыми идеями. 250—300 метров проходки в месяц — вот тема его раздумий и расчетов. Иван Проничкин работает и учится, он устремлен в будущее. Верный сын своей Родины, талантливый воспитанник коммунистической партии, он полон сил и желания самоотверженно трудиться на самых важных участках борьбы за сталинскую пятилетку, дерзать и добиваться новых успехов и славы для своей Отчизны.

Первый урок в кузнице. (Ремесленное училище № 1 при автозаводе им. Сталина.)

Слесарь-сборщик комсомолка Тania Соколова впервые голосует за кандидатов блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет СССР.

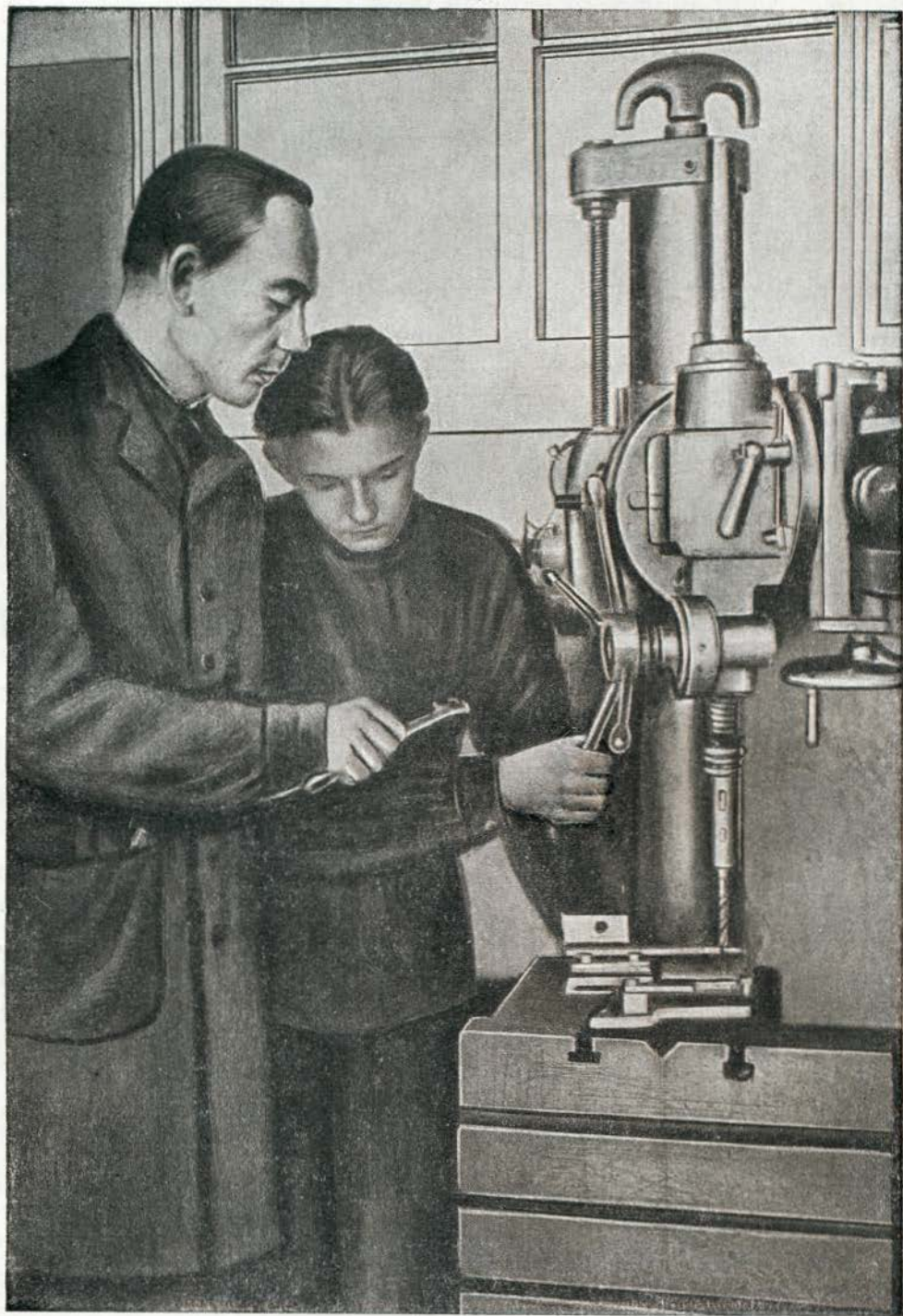
Молодые строители пришли на новостройки послевоенной пятилетки.

Зоя Соцкова (Москва) на практике по сборке ламп для телевидения.

Комсомолец Алексей Михеев — учащийся ремесленного училища № 61 г. Москвы. Обработывая детали к токарному станку, он добился скорости резания 280—300 метров в минуту.

Мастер московского ремесленного училища № 14 Ю. В. Фролов со своим учеником.

НОВАТОР

И. Белов

I

РАЗГОВОР предстоял не из приятных. Юрий Васильевич Фролов, мастер производственного обучения, строго оглядывал стоявшего перед ним ученика. Не по летам крепкий и рослый подросток стоял, уставившись глазами в пол, стараясь не встретиться взглядом с мастером...

Фролов недавно демобилизовался из армии и возвратился в училище, где работал до войны. Старые товарищи тепло и приветливо встретили Юрия Васильевича и, спустя некоторое время, как только он освоился с новой обстановкой, ему поручили группу учеников-слесарей: двадцать восемь человек.

Уже в первые дни знакомства с ними Юрию Васильевичу пришлось серьезно задуматься над положением в группе. Внешне, как будто, все было в порядке. Большинство учащихся аккуратно посещали уроки, выполняли задания. И все же мастер уловил, что в работе учеников нет главного — нет увлечения живым, любимым делом.

Были и такие, которые несерьезно относились к занятиям и при всяком удобном случае старались подчеркнуть, что не видят в них прока.

И вот один из наиболее упорных нарушителей дисциплины стоял перед мастером.

— Что с тобой делать, Курбатов?

Курбатов молчит.

- Та-а-к!... Что тебе мешает учиться?
- Ничего не мешает... Учиться не хочу.
- Хорошо! — Фролов даже немного растерялся. — Какой же из тебя слесарь выйдет, если ты грамоты по-настоящему не знаешь, технику не хочешь изучать?
- Не хочу быть слесарем, вот и все.
- Почему же не хочешь? Тебе не нравится эта профессия?
- Не нравится.
- А ты на заводе бывал?
- Был.
- Видел, что там слесарь-лекальщик делает? Не интересно, скажешь?
- Так то, товарищ мастер, на заводе...

В интонации подростка было что-то, заставившее мастера насторожиться. Курбатов, видимо, не верил в прямую связь того, чему он обучается в училище, с интересной работой лекальщика, которую он наблюдал в цехах завода.

II

Юрий Васильевич подростком, таким же, как и Курбатов, поступил в школу ФЗУ при заводе «Калибр». Успешно закончив обучение, он до призыва в армию работал в школе (преобразованной впоследствии в ремесленное училище) слесарем-лекальщиком.

Война оторвала его от любимого дела. Слесарь-лекальщик, в чине старшего сержанта артиллерии, прошел тысячи километров дорогами войны, участвовал в штурме Берлина, дошел до Эльбы.

Вернувшись после демобилизации в училище, он испытывал в первые дни вполне естественное чувство неуверенности. Семь лет он не работал у станка! Не раз на фронте он поглядывал на свои руки и пальцы — сохранили ли они подвижность и чувствительность, необходимые высококвалифицированному лекальщику так же, как и пианисту. И вот он снова у станка. Нет, нельзя забыть то, что по-настоящему любишь. Руки повиновались ему как и семь лет назад.

В цехах родного ему завода Юрий Васильевич увидел, как далеко ушла вперед за годы войны техническая культура производства измерительного инструмента. Часами простаивал он у конвейера на участке известного всей стране мастера Николая Российского, стараясь разобраться, понять то новое, что совершенно изменило технологию производства такого точного измерительного инструмента, как микрометр.

Раньше каждый рабочий участка обрабатывал только одну из многих деталей микрометра и сдавал ее в цеховую кладовую. Отсюда детали, после проверки и сортировки, поступали на сборку. И самой сложной в сборке микрометра операцией была подгонка деталей к требуемым точностям. Рабочий, в зависимости от своей квалификации, старался дать больше дета-

лей, но его работа не была тесно связана с конечным результатом труда всего коллектива.

Сейчас все изменилось. Цепь конвейера, проходя по цеху мимо рабочих мест, создает единый ритм труда, определяя точно в секундах время, которое должен затратить рабочий на ту или иную операцию — начиная со штамповки заготовок и кончая самой последней, завершающей сборку микрометра. Цепь конвейера организовала волю, мастерство всех рабочих участка. И так же как в хоре неправильно взятая одним из певцов нота нарушает звучание песни, ошибка на конвейере сразу ощущается, задерживает на какие-то доли минуты ритм общей работы.

— Какая стахановская точность и собранность требуется от рабочего, — невольно подумал мастер. — И кто мог бы представить себе несколько лет назад, что микрометр можно собирать на конвейере?

Николай Российский со своим молодежным коллективом творил чудеса. На его участке постоянно бурлила творческая мысль рабочих, технологов, мастеров. Они разрабатывали не только новые приспособления, но и новые методы воспитания и обучения молодежи в духе высокой культуры технологии.

Назначение свое мастером производственного обучения группы слесарей Фролов принял без особых колебаний. Старший сержант артиллерии обучил в армии не одного солдата мастерству точной стрельбы и ухода за материальной частью. Слесарное дело он знал прекрасно. Это была его основная профессия; к тому же методисты училища обещали ему помочь.

Но после двух-трех недель занятий мастер пришел к выводу, что нужно коренным образом изменить организацию всего учебного процесса. Большие перемены на «Калибре» — переход к поточному производству инструментов, использование новейших приспособлений, — мало отражались на постановке обучения в училище. Учеников обучали так же, как десять лет назад в ФЗУ. Можно было подумать, что училище находится не в нескольких десятках метров от «Калибра», а за тысячи километров. Нет, не случайно Курбатов не хотел учиться и порывался идти на завод, не окончив училище.

Юрий Васильевич понял, что его ученики при таком отсталом методе обучения будут совершенно беспомощны, если после окончания училища попадут на участок мастера Российского. Их придется обучать заново.

Необходимо было изменить методы и содержание обучения будущих инструментальщиков. Но какой новый путь следовало избрать?

III.

Мастер Фролов много работал над повышением своих педагогических навыков. Он учился у старых опытных мастеров училища. Приходил к ним на уроки, внимательно присматривался к их системе обучения. Это много дало ему. У мастера Караваева он научился, как правильно строить урок и организовать учебное место. Караваев сумел создать в учебном цехе обстановку настоящей школы: учебные места были так организованы,

что ученик мог видеть каждое движение мастера, когда он показывал какую-либо операцию. У мастера Мансурова Фролов научился упорству «отработки», как он записал в свой дневник, правильного положения ученика у станка. Но основной школой Юрия Васильевича был завод.

В цехах «Калибра», на рабочих местах, мастер изучал новую технологию, скоростные приемы сборки измерительных инструментов. Вместе с мастерами завода он посещал заводские стахановские курсы, на которых подробно разбирались стахановские методы работы. В этот же период Юрий Васильевич законспектировал курс «Педагогики» и несколько раз перечитал «Педагогическую поэму» Макаренко, открывшую ему самые сокровенные способы педагогического воздействия на ум, чувства, фантазию молодежи.

И чем шире становился педагогический кругозор мастера, тем труднее он мирился с постановкой обучения в училище. В стахановской школе он видел, с какой быстротой и точностью доводят стахановцы детали микрометра. А в училище будущие слесари производства высшего класса точности на втором году обучения опиливали гладкие плашки, опиливали на несколько...миллиметров. Что могла дать такая производственная учеба? Ничего, кроме усвоения самых элементарных навыков. Какое представление о точности обработки деталей мог получить подросток? Какой интерес могла пробудить в нем такая работа?

Юрий Васильевич решил в виде опыта дать своим ученикам заготовки деталей штангенциркуля с тем, чтобы они сделали доводку с точностью до 0,1 мм.

Раньше учащиеся сами размечали каждую деталь для штангенциркуля, отсверливали ее, а затем уже опиливали до требуемой точности. На это уходило много времени, не говоря уже о том, что на заводе давно не применялись такие кустарные методы работы. Теперь ученики получили сразу десятки заготовок с наименьшими припусками. Они должны были научиться доводить их до требуемой точности, специализироваться на этой операции, продумывать, как нужно организовать свой труд и какие приспособления можно применить.

И нужно было видеть, с каким подъемом взялись недавно еще безучастные подростки за дело. У них появилась пусть небольшая, но реальная цель.

Мастеру стало ясно, по какому пути нужно идти, как организовать обучение молодых рабочих, чтобы пробудить у них творческую энергию и подготовить квалифицированные кадры для передового завода столицы.

Мастер стал упорно работать над тем, чтобы приблизить обстановку обучения в училище к реальной, заводской. Не так легко это было сделать в то время. Работники, контролирующие училище, резко восставали против попыток Юрия Васильевича отойти от устаревших программных установок и их методических указаний. Кое-что мастеру, правда, удалось сделать. Он организовал образцовые учебные места по типу рабочих мест на «Калибре». Начал вводить элементы поточности в производственное

обучение. Но все это было лишь частичное решение большой задачи — организации подготовки молодых рабочих на основе новейшей техники и новой организации технологического процесса и новых методов стахановской работы.

IV

Труд мастера-новатора не пропал даром. Мысли, идеи о перестройке обучения молодых рабочих, применительно к условиям новой технологии, зарождались у передовых мастеров производственного обучения самых различных отраслей промышленности. Эта точка зрения получила признание. Приказ министра трудовых резервов СССР от 3 января 1949 года № 1 обязывает все школы и училища перестроить организацию и методику обучения на новых началах — на базе новейшей техники и технологии. Руководство училища на основе этого приказа приступило к перестройке учебного процесса. Перед мастером Фроловым открылся свободный, широкий путь для творчества, для полного осуществления своих замыслов.

Прошло сравнительно немного времени после опубликования приказа. Но как много уже сделано упорным в достижении своей цели мастером! Преобразился внешний вид учебного цеха. Учебное место ученика ничем не отличается сегодня от рабочего места заводского рабочего. Рядом с тисками — небольшой штатив, на котором закреплен чертеж. В рабочем ящике полный набор инструментов, разложенных в образцовом порядке. Давно отошли в область предания времена, когда ученика заставляли опиливать «беспредметную» болванку. Поток властно вторгся в слесарный учебный цех. Ученики уже в середине первого года обучения участвуют в производстве штангенциркулей, ничем не отличающихся по качеству от выпускаемых специализированными заводами.

Детали, поступающие сюда из других учебных цехов, подгоняются и проходят процесс сборки на основе технологии поточного производства. И единственное, пожалуй, что отличает учебное производство от заводского, — это то, что ученики, участвующие в потоке, планомерно изучают все операции подгонки и сборки инструментов.

В руках мастера только что собранный учениками штангенциркуль. На нем марка «РУ-14». Разве это не победа!

Новая организация производственного обучения помогла мастеру развить у молодежи качества, необходимые рабочему-стахановцу: инициативу, чувство ритма, сознание ответственности за качество продукции и навыки высокой технологической дисциплины.

Поток требовал от каждого ученика точной работы, рассчитанной в минутах и секундах. Одна или две плохо сделанные детали задерживали ритм общего, коллективного труда.

Сборка была своего рода экзаменом, проверкой каждого ученика. К концу дня можно было сказать, кто из учеников работает недостаточно быстро, кто неряшливо, а кто обгоняет других, успевает сделать больше деталей, чем было предусмотрено.

На потоке отчетливо определились достоинства и недостатки учеников. Мастер отмечал все это в своем журнале. Он знал, кому нужно помочь и кто может быть использован для помощи отстающим.

Юрий Филиппов до перехода на новую систему обучения получал обычно заготовку и производил над ней ряд операций. Трудно было уследить, какую из них он делает хорошо или плохо, быстро или медленно. Когда же ему дали два десятка деталей и он должен был точно в указанный срок довести их до требуемой точности, подросток растерялся. Всей группе предстояло собрать в этот день определенное количество штангенциркулей.

Филиппова больше всего волновало: не подведет ли он своих товарищей по последующим операциям. Он взялся опиливать одну деталь и, не закончив ее, принялся за вторую. Все детали у него перемешались. Суетливость, беспорядок на рабочем месте приводили к задержке потока. Филиппов начал сомневаться в том, что сумеет справиться с работой.

Юрий Васильевич лично занялся с Филипповым. Он уже хорошо знал его недостатки. Мастер потребовал от ученика соблюдения образцового порядка. Детали и инструмент должны лежать на определенном месте. Мастер запретил также Филиппову браться за доводку второй детали, пока он не кончит первой.

— Не суетись зря! Ничего, если немножко отстанешь, — внушал он ученику. — Научись сначала правильно опиливать, и дело у тебя пойдет...

У Юрия Каретникова был другой недостаток. Работал он сравнительно быстро, но неряшливо. До введения потока это как-то сходило ему с рук. Приносит он готовую деталь, не сняв с нее заусенцев, мастер, конечно, делает выговор: так, мол, работать нельзя. Но Каретников переходил на обработку совсем другой детали, и ему казалось, что зачистка заусенцев — это мелочь, не заслуживающая особого внимания. Главное — это основная обработка.

Теперь же, когда вся группа собирала штангенциркули, Гладышев, сосед Каретникова, к которому поступали детали для последующей операции, каждый раз резко протестовал, когда Каретников оставлял заусенцы. И Каретникову пришлось обрабатывать деталь аккуратнее.

Поточный принцип производственного обучения стал огромным организующим и дисциплинирующим фактором. Ученики наглядно увидели значение слаженной работы, зависимость конечных результатов производственного процесса от успехов каждого из них. И самый факт задержки, срыва ритма действовал на ученика больше чем выговор.

Юрий Васильевич Фролов настойчиво воспитывал у ребят своей группы сознание коллективности труда, ответственности каждого за общие результаты работы, стремление к стахановским ритмам. На изготовление штангенциркуля в училище сначала затрачивалось 42 часа. Сейчас — всего 17 часов 20 минут. Это, конечно, не предел. Но можно было бы уже теперь написать волнующую повесть о выигранных минутах, о подлинно творческой воспитательной работе мастера.

Впервые в практике училища Юрий Васильевич разработал и провел в жизнь свой метод развития творческой стахановской активности учеников. В основу этого метода были положены конкретные задания — своего рода технические задачи, которые направляют мысль ученика на улучшение технологического процесса.

Учащийся Николаев работал на операции зачистки нониуса — маленькой требующей исключительной точности (до 0,01 мм) детали. Николаев пожаловался мастеру, что ему трудно обрабатывать эту деталь. Юрий Васильевич предложил юноше подумать, что можно было бы сделать для облегчения работы.

Заготовки для нониуса представляют собой металлические пластинки; каждую такую пластинку обычно разрезали на четыре части по размерам нониуса, а затем уже зачищали. Николаев предложил зачищать сначала заготовку целиком, а потом уже резать на четыре части. Это значительно облегчило и ускорило процесс обработки нониуса.

— Нужно, чтобы ученик почувствовал работу, — объясняет мастер, — и приступил к ней не как слепой исполнитель. Он должен все время думать о том, что можно сделать для облегчения работы.

После того как ученик проведет какую-нибудь операцию на десятках деталей, мастер обязательно предложит ему высказать свои соображения: нельзя ли что-либо изменить, придумать, чтобы облегчить работу.

Юрий Васильевич бережно хранит ряд приспособлений, которые не только задуманы, но и сделаны учениками. Это своего рода свидетельство творческой инициативы будущих слесарей и эффективности нового метода обучения.

Пружинку штангеля делали вручную. Это отнимало много времени. Один из учеников придумал несложное приспособление, и пружинку начали делать с одного удара молотка. Таких примеров можно было бы привести десятки.

— Но нужно было видеть, — рассказывает мастер, — торжество подростка, когда его приспособление было реализовано. Не только он, но и вся группа ощущала радость творческого труда и творческих исканий. Среди учеников началось соревнование: кто предложит лучшее приспособление. Теоретическое обучение органически слилось с практическим. Даже Курбатов, считавшийся не так давно «неисправимым», перестал жаловаться. Вместе со всей группой он с увлечением работал на сборке штангенциркулей.

Юрий Васильевич считает, что как только у подростка появляется живой, пылкий интерес к своей работе, к конечным результатам своего труда, труд мастера наполовину облегчается.

— Нужно так вести воспитательную работу, — говорит он, — чтобы каждый ученик гордился своей профессией, понимал значение своего труда в той большой созидательной работе, которая ведется в нашей стране, чтобы уже в школе он чувствовал, что находится в рядах активных бойцов за выполнение сталинской пятилетки.

Всеми доступными средствами старается мастер расширить культурный и политический кругозор своих воспитанников.

В великолепных цехах «Калибра» они воочию знакомятся с замечательным искусством слесарей-лекальщиков — этих художников обработки металла, с их ювелирной работой. Вот к чему должны стремиться ученики!

Часто в училище приходят знатные стахановцы завода и рассказывают молодежи, как они начинали обучаться слесарному делу в этом же училище, как постепенно приобрели высокую квалификацию. Рассказывают они ученикам о своих методах работы, о родном заводе, измерительные инструменты которого расходятся по всей стране.

В училище ученики проходят теоретические предметы. Вот только что преподаватель познакомил их с основами металловедения, и мастер обязательно в ближайшее воскресенье поведет всю группу в Политехнический музей. Экскурсия наглядно на огромных макетах ознакомит учеников с основами технологии выплавки чугуна, стали, производства проката. Она должна дать им представление о мощи социалистической индустрии, о непрерывном ее росте, о большом самоотверженном труде советских людей, заложенном хотя бы в тех же самых металлических заготовках, которые им придется обрабатывать.

И часто, останавливаясь вместе с учениками у макета домны, а затем мартена, Юрий Васильевич как бы невзначай говорит кому-либо из учеников, «запоровших» накануне несколько деталей:

— Посмотри, Григорий, сколько горячего труда затрачивается на то, чтобы приготовить для нас плашки.

И это замечание, сделанное на экскурсии после того как экскурсовод рассказал ученикам о гигантских доменных печах, построенных в нашей стране, о труде стахановцев-металлургов, которые борются за то, чтобы дать стране больше металла, — это замечание действует сильнее выговора.

Коллективное чтение книг — один из основных методов системы воспитания у мастера Фролова. Читают, обычно, разбившись на небольшие группы. Недавно закончившие училище подростки успели прочитать «Молодую гвардию» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Честь с молодю» А. Первенцева и другие.

После коллективной читки какой-либо книги начинается обсуждение ее, на котором обязательно присутствует мастер. Он незаметно влияет на ход обмена мнениями и старается, чтобы высказалось возможно большее число учеников. Два-три дня иной раз продолжается обсуждение книги и поступков ее героев. Ученики с большой душевной теплотой говорят о своих любимых героях, о своем стремлении походить на них, сделать в жизни что-нибудь большое и значительное.

Мастер никогда не забывает, что говорилось на этих обсуждениях. Слово у человека не должно расходиться с делом.

Часто бывало, что после посещения какого-либо цеха на «Калибре», особенно же участка мастера Николая Российского, ученики, приглядевшись к удивительной скорости и точности, с которыми собираются микро-

метры, приходили в уныние. Сумеют ли они когда-либо научиться всему этому?

Над таким вопросом задумывался в свое время Михаил Иванов. Сейчас Иванов — стахановец одного из важнейших цехов «Калибра». Он навсегда запомнил беседы с мастером об упорстве, смелости, уверенности в себе, которые необходимы в любом деле; о том, что человек, проявляющий трусость и слабость в обыденном, никогда не сможет быть таким твердым, как Сергей Тюленин, Ульяна Громова...

В свободные вечера после занятий мастер часто беседует со своими учениками о героизме советских людей в годы Отечественной войны на фронте и в тылу. Это любимые вечера молодежи.

Когда в один из таких вечеров Юрий Васильевич рассказал своим воспитанникам о крепкой, всегда ободряющей силе фронтовой дружбы, комсомолец Борис Елисеев поставил на обсуждение еще не остывших от волнения, вызванного рассказом, учеников вопрос об организации товарищеской взаимопомощи в учебе.

Предложение было единогласно принято. Елисеев тут же предложил свою помощь Аркадию Колосову. И самое замечательное это то, что всегда отстававший, недисциплинированный Аркадий Колосов охотно принял эту помощь, принял серьезно.

Сейчас Колосов уже закончил училище. Он работает в одном из цехов «Калибра». Но крепкие узы дружбы и поныне связывают его с Борисом Елисеевым и мастером.

Все, что касается жизни ученика, все, что влияет на его учебу, всегда интересует Юрия Васильевича. В плане его работы отведено время для посещения родителей учащихся и для того, чтобы написать письма тем, которые живут не в Москве. Мастер знает, как важно во-время сказанное ободряющее слово, совет, сколько радости приносит родителям короткое письмо о том, что сын их успешно учится и будет высококвалифицированным слесарем.

Многообразны формы воспитательного влияния, которыми пользуется мастер.

— Иной раз подумаешь о своей работе, — говорит он, — и все кажется, будто что-то пропустил, недодумал... Много от нас требуется. Это надо понять. Некоторые думают: научил подростка мастерству и все. Нет! Это еще только половина дела. Раньше, может быть, так и было. А теперь мы должны выпустить из училища квалифицированного советского рабочего, такого рабочего, какого не знала еще история. Он должен быть хозяином производства, с первого дня работы сознавать свою ответственность за весь коллектив, всегда быть застрельщиком высоких темпов, не бояться нового, смелого, непримиримо относиться ко всем замеченным недостаткам.

Вот какого рабочего мы должны воспитать!..

Юрий Васильевич Фролов не только ясно понимает задачи, стоящие перед ним, но и успешно решает их.

Уже давно прошло то время, когда заводские работники без особой охоты принимали «ремесленников», жаловались на то, что с ними хлопот много, приходится многому их доучивать. Сейчас в училище поступают письма с просьбой направить на постоянную работу в тот или иной цех учеников, проходивших здесь производственную практику.

Недавно Юрий Васильевич Фролов выпустил 28 учеников. Семи из них на государственных экзаменах присвоили пятый разряд, остальным четвертый. Семнадцать человек за время пребывания в училище стали комсомольцами. Молодые слесари пошли на завод, к рабочим местам, и с первых же дней включились в темп работы передового завода столицы.

Геннадий Цветков начал работать в цехе, изготавлиющем точный измерительный инструмент, и выполняет норму на 180—200 процентов.

Лев Борсдин и Николай Жемлетдинов, пришедшие в училище мало-развитыми подростками, теперь выполняют норму на 250 процентов!

Мастер называет фамилии, и гордость светится в его глазах. Это — ученики, воспитанники, которым он отдал столько энергии, любви, чуткости, внимания. Это — ученики, стахановская работа которых оправдывает и новый метод обучения и благородный труд мастера-воспитателя.

ЮНЫЕ УЧАСТНИКИ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА

(Из записок старшего мастера)

Б. Мосолов

УЧИ утреннего солнца медленно скользнули сверху вниз по шпилью Петропавловской крепости и зажгли его. Началась переключка заводских гудков. Ленинград пробуждался.

Вместе с городом пробуждались и ремесленники.

Около общежитий девушки и ребята в строгой форме строятся по четыре в ряд, — строятся проворно, без суетоки. И вот уже шагают колонны ребят, четко отбивая шаг по залитой асфальтом мостовой набережной красавицы Невы, мимо памятника Петру, мимо величественных дворцов, направляются в училище. Вслед за первой группой отправляется вторая, третья — много групп.

Училище находится на территории старинного завода, на корпусах которого встречаются даты — «1823 год».

Около проходной, ожидая своих воспитанников, беседуют мастера. Их много, столько, сколько групп, — 140! Тут и Василий Никанорович Дергунов — старый ленинградец, имеющий за плечами десятки лет стажа и богатейший опыт. Здесь и молодой, способный мастер Леонид Митрофанов — лучший мастер Ленинграда.

...Громаднейший корпус училища. Это — «рабочий университет», самый большой не только в Ленинграде, но и во всем Советском Союзе. Здесь

3500 учащихся — слесари, токари, фрезеровщики, электромонтеры, плазменные разметчики и многие другие. Мастерские училища — это завод с разнообразным оборудованием, лабораториями, учебными кабинетами. Город Ленина создал хорошие условия для работы и учебы молодежи.

...22 июня 1941 года. Шумят самолеты над городом, дежурные с противогАЗами стоят у ворот.

В мастерских — митинги.

Слесарный зал. Сотни учащихся слушают пламенные выступления уходящих на фронт.

На станочном участке, с трибуны — стола расточного станка — обращается с горячей речью к учащимся парторг, мастер училища Петр Михайлович Коротков. Его призыв стать грудью на защиту Родины вызывает овации. И когда организуется могучее народное ополчение, многие подаются заявления о вступлении в его ряды. Уходят лучшие из лучших сынов города Ленина: среди них много учащихся, мастеров, преподавателей.

Как и везде, создаются команды противовоздушной обороны. В училище, общежитиях вводятся круглосуточные дежурства. Оборудуются бомбоубежища. В городе роют траншеи, очищают чердаки, организуют противопожарную оборону города.

В эти дни питомцев училища можно видеть везде: в училище, в общежитиях, в домохозяйствах города. Вот они роют траншеи.

Столяры-краснодеревцы, модельщики сооружают крепления в траншеях. Ученики-кузнецы куют петли к железным дверям бомбоубежищ. Электромонтеры тянут паутину проводов.

Тысячи лопат всех сортов и размеров изготавливают слесари-инструментальщики, ремонтники и сборщики. День и ночь стоит шум на слесарных участках.

...Враг все ближе и ближе. Группами отправляются ребята на строительство оборонительных рубежей вокруг Ленинграда.

Едут со своим инструментом — лопатами, изготовленными своими руками. Училище снабжает лопатами целый район. Около 2000 учащихся в разное время работает на оборонных работах. Работа идет на линии фронта. Ребят не останавливают ни артиллерийский и минометный обстрел, ни бомбежки. Под дождем, в осеннюю стужу работают они, перевыполняя задания командования. Руководят учащимися мастера и преподаватели. Их отеческая забота спасла многие юные жизни.

Руками учащихся ремесленного училища было поднято более 72 тысяч кубометров земли! Им присуждается переходящее Красное Знамя. Октябрьский райком ВКП(б) выносит им благодарность. Отдельные учащиеся получают ценные именные подарки.

А в стенах училища в это время организуется массовое производство оборонной продукции. Небольшая группа технических работников училища

сутками не выходит из мастерских, оснащая станки невиданными ранее на них приспособлениями и оборудованием.

На полках инструментальной появляется никогда ранее не встречавшийся режущий и измерительный инструмент. Разрабатывается новая технология.

Вступают в строй станки, на которых изготавливаются заказы фронта. Лучшие ученики осваивают наиболее важные из них.

Училище стало выполнять оборонные заказы строго по графику. С заводов и фабрик ушли на фронт отцы и старшие братья. Нужно новое пополнение. И оно приходит из трудовых резервов.

Тысячи учащихся заняли на заводах Ленинграда рабочие места ушедших на фронт.

Осень 1941 года.

С каждым днем все тревожнее и тревожнее становятся сводки Информбюро. Над городом нависла смертельная опасность. Враг осатанело рвется к Ленинграду, на его улицы, площади, к его дворцам, к его богатствам.

Нужна особенно большая помощь фронту, — и тогда начинают работать в 3 смены.

Нестройными рядами идут на работу ремесленники, — нужно итти рассредоточенно. Гул артиллерийской канонады стал обычной музыкой ленинградцев.

Никогда не забыть этих дней Ленинграду.

Сквозь толщу стен слышится свист фугасной бомбы, содрогается пол от разрыва фугаски, вылетают стекла от воздушной волны, от стрельбы зенитных орудий. А юноши и девушки еще тверже сжимают рукоятку супорта, еще внимательнее следят за сбегавшей с резца стружкой и думают об одном: не помешала бы бомбежка выполнить сменное задание. Лицо бледно, но не от страха — от усталости. И ничто не заставит героя-подростка уйти от станка.

В тревогу, когда часть ребят кует оружие победы, группа в 50 человек несет дежурство по училищу; стоят на пожарных постах, на всех этажах, на чердаке, на крыше. Попыхивая трубкой, прикрыв огонь рукою, проверяет посты Никанорыч. При вспышках разрывов видит он, что все дежурные на своих постах.

А в это время на чердаках, в жилых домах, общежитиях противопожарная команда гасит фашистские «зажигалки». 400 учащихся — члены противопожарной команды города. Многим объявлена благодарность, многие награждены ценными именными подарками.

Другая часть ребят помогает милиции и органам НКВД обнаруживать и вылавливать вражеских лазутчиков — ракетчиков и шпионов. Отцы и братья, сражающиеся на фронте, могут гордиться своими товарищами по борьбе — героями-детьми, защитниками города Ленина.

Только в нашей стране могут быть такие дети, стойкость и выдержка

которых в дни осенних бомбежек 1941 года будут служить примером воспитания чувства любви к Родине, ненависти к врагу.

Так, в напряженном труде, в тяжелых условиях города-фронта готовятся, закаляются резервы.

Наступает первая военная зима в Ленинграде, зима, которой ленинградцы никогда не простят врагу, зима, во время которой ленинградцы потеряли многое, но зато приобрели больше уверенности в своей непобедимости.

* *
*

Замер веселый шум мастерских. В небольшой комнате-«коптилке» — все те же старики Никанорыч, Еремеев и молодой мастер Бюзюгин с небольшой группой ребят прилагают все усилия, чтобы поддерживать жизнь училища.

При свете лучин, с коченеющими от холода руками, делают они печивременки, поочередно заготавливают дрова для отопления немногих комнат в училище. Осталось только две «жилых» комнаты: красный уголок и приемная директора — «штаб». Здесь принимаются решения, отдаются приказания, здесь сосредоточены все отделы училища.

В общежитиях учащиеся перебираются в нижние этажи, устраиваются возможно плотнее, — так теплее.

Участились обстрелы города.

Появились новые слова: дистрофия, цынга, морг.

Город кажется мертвым. Но нет, не умерли ленинградцы!

Тяжело, но не слышно слов ропота; сознание ответственности момента поддерживает жизнь. Напрягаются все силы, вся воля жить и победить.

Под шум бомбежки 6 ноября слушает город выступление товарища Сталина. При свете коптилки ежедневно читаются перепечатанные на машинке сводки Информбюро о разгроме немцев под Москвой. Ни на минуту не гаснет уверенность в победе.

Покрылись инеем станки и машины в мастерских, мастера и учащиеся «зашивают» фанерой окна, закрывают разрушенные переплеты рам. Не гулять ветру и снегу по рабочим местам. Замерзающими руками протираются направляющие части станков, любовно смазываются загустевшим тавотом. Ребята знают: они вернутся к станкам и снова будут давать продукцию фронту.

Через метели, по льду Ладожского озера, по легендарной ледяной дороге, движимые волею и любовью вождя, любовью всей страны к своему детищу — Ленинграду, идут обозы с продовольствием. Начинает крепнуть, воскресать Ленинград.

По решению правительства училище отправляет несколько партий учащихся на «Большую землю». Более сильные ребята уступают свою очередь

слабым. Незабываемы картины отправки товарищей. Слабый сам, юный друг помогает товарищу сесть в автобус, бережно закрывает ему ноги одеялом, подает маленькую, изготовленную в дорогу «буржуйку» — железную печку и наколотую охапку дров. Прощаются, как бойцы, без слез, без зависти.

Наиболее крепкие, сильные духом, остаются в Ленинграде бороться с последствиями голода, холода, накапливать силы, чтобы с первыми лучами весеннего солнца восстанавливать жизнь в городе, в училище, в мастерских.

Длинее становятся дни, ярче и теплее солнце. Осыпается иней с деревьев парков и бульваров. Искрятся капли воды, стекающей с крыш. Теплеют мостовые и площади города. Пришла весна.

Перед ленинградцами встает новый призрак — эпидемии. Не работала зимой канализация, не вывозился мусор...

Ленинград встал на штурм новой опасности. Рабочие, служащие, домашние хозяйки, дети и, конечно, ремесленники всей дружной семьей вышли на улицы. Очищается трамвайный путь. Недели работы — трудной, напряженной.

Прогремел первый грузовой трамвай со снегом — первый нормальный городской шум на улице. Пуску трамвая радуются, как завершению строительства большой магистрали или окончанию сооружения тоннеля под океаном.

В помощь домохозяйствам района на очистку улиц, дворов, лестниц выходят ремесленники со взрослыми бригадами. Без усталости работают ребята. Скалывают лед, очищают снег с крыш, прорубают канавки, в которых начинают журчать весенние ручейки, унося призраки эпидемии. Соревнуются бригады. И как не работать по-стахановски, если пережившая голод мать с шестилетним сыном с утра до вечера вывозит на детских саночках мусор с «чужого двора», но со двора дома родного города!

Город чист, хотя не наряден, как раньше: разрушены отдельные дома, разворочены снарядами крыши, подъезды, сорваны трамвайные провода. Кое-где на улицах, на площадях, на детских площадках открылись раны — прикрытые снегом воронки от вражеских снарядов.

Приступили к новым работам: восстанавливается водопровод, ремонтируются крыши и наводится образцовая чистота, присущая социалистическому городу. На всех работах в первых рядах — ремесленники: бригады, выделенные училищем.

Пущен пассажирский трамвай. Жизнь входит в нормальные для Ленинграда рамки. Училищу обещают дать в ближайшие дни электроэнергию. С нетерпением ожидается этот день. Так томителен пятимесячный вынужденный простой.

Идет подготовка к новому заказу. Разработана технология, подобран весь инструмент.

* * *

Эти страницы — рассказ о двух годах работы одного из училищ города Ленинграда. В тяжелые дни блокады, в ноябре 1942 года, как-то особенно остро выявился героизм нашей молодежи, ее непреклонная воля к победе.

Прошло семь лет. Неузнаваемым стал город Ленина. Леса новыхстроек поднимаются на его широких проспектах. Всюду кипит мирная, созидательная работа. И деятельное участие в ней принимает коллектив ремесленного училища.

Вверху — прием в комсомол во втором ремесленном училище при заводе им. Кирова (Ленинград).
Внизу — в библиотеке ремесленного училища.

Бывший Мариинский дворец, где теперь помещается Ленинградский Совет, был восстановлен руками учащихся ремесленных училищ.

Учащиеся художественного ремесленного училища № 9 производят позолоту люстры и потолка в здании Ленсовета.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ

Герой Советского Союза Юрий Смирнов.

Герой Советского Союза Шихворостов.

Герой Советского Союза Комоликов.

Герой Советского Союза Бреусов.

ЗА РОДИНУ

Герой Советского Союза Галочкин.

Герой Советского Союза Бурматов.

Герой Советского Союза Богатов.

Герой Советского Союза Ахмедов.

В дни Великой Отечественной войны бывшая учащаяся ремесленного училища гор. Сталинграда Мария Лагутина работала медсестрой. Она награждена орденом «Красная Звезда».

Партизан Иван Васельков.

Воспитанник Гвардейской дивизии, разведчик, бывший ученик ремесленного училища Саша Уваров.

Партизан Николай Гоцов.

МАСТЕР КИСЕЛЕВ И ЕГО УЧЕНИКИ

М. Александров

I

КРЫМСКОГО моста, гигантской аркой повисшего над Москвой-рекой, недалеко от станции метро «Парк культуры и отдыха имени Горького», высоко поднимается сверкающий серебристый купол. Густая сеть строительных лесов еще скрывает контуры увенчанного куполом здания. Но скоро леса эти будут сняты, дощатую ограду разберут — и чудесная панорама, открывающаяся с высоты Крымского моста, обогатится еще одним прекрасным сооружением — новой станцией метро «Большого кольца».

Коллектив строителей станции делает все, чтобы приблизить этот праздничный день. Входишь через небольшую калитку забора, отгораживающего строительный двор от шумного движения на площади, и сразу попадаешь в своеобразную волнующую обстановку дней, завершающих работу.

Вестибюль новой станции пока еще в лесах не только снаружи, но и внутри. Сложная система наклонных и вертикальных лестниц соединяет уходящие под землю арки переходов с куполом, на котором уже расцвела яркими красками каменная пятиконечная звезда. Смелые линии сводов, ажурная вязь пилястр, хотя они еще не одеты в мрамор, восхищают своей торжественностью. Она будет прекрасна, новая станция московского метро, созданная по замыслу советского архитектора вдохновенным трудом строителей.

На строительство метро направляют лучших, высококвалифицированных рабочих. И, должно быть, поэтому как-то странно видеть на лесах станции, под куполом и у колонн, десятки подростков в серых спецовках. Что они здесь делают? Знакомятся с высшим классом отделочных штукатурных работ?.. Нет, это не наблюдатели.

Вот на одном из деревянных помостов, закрепленном почти под самым куполом, сероглазый юноша «вытягивает», как говорят штукатуры, так называемую, полуциркульную арку. Сосредоточенное внимание в каждой черточке юношеского лица: геометрически точной должна быть линия арки, и ровно, без малейшей зазубринки, должен лечь грунт под цветную штукатурку. Юноша отделывает архитектурную деталь, которой будут любоваться миллионы пассажиров метро.

Немного дальше еще совсем молодой паренек отделывает кессонный потолок — работа, с которой нелегко справиться и опытному штукатуру.

Не только эти двое — все тридцать четыре подростка, ученики школы ФЗО № 41, в одном ряду с кадровыми штукатурами участвуют в отделке вестибюля новой станции метро. Через неделю-другую они получат справки об окончании школы и право называться квалифицированными штукатурами, но уже сегодня они справляются с самыми сложными штукатурными работами.

«Бригада Киселева» — тепло и с уважением называют ребят на строительстве станции. Киселев — это фамилия мастера производственного обучения, под руководством которого обучаются и работают ученики школы. Здесь же, на лесах, я познакомился с мастером Киселевым, о котором мне пришлось слышать много интересного. Его методы обучения и воспитания молодых рабочих перенимают сейчас многие московские школы фабрично-заводского обучения.

На вид Андрею Тимофеевичу Киселеву можно дать лет под сорок. Крепкий и подвижной, он буквально вездесущ. Вот только что мы видели, как быстро поднимается он под самый купол здания, где работают его ученики. Вы спешите наверх, чтобы встретиться с мастером, и когда взберетесь по крутым лестницам, его энергичное, всегда озабоченное лицо мелькнет уже на противоположной стороне — там, где подростки отделывают капитали колонн.

Вытирая платком лоб, он говорит мне:

— Учимся-то мы на рабочих местах, на самом горячем месте. Приходится все время проверять, поправлять. Теперь уже ничего — вошли во вкус ребята. Понимают, что такое метро. Не оторвешь их иной раз от работы... Стали настоящими штукатурами.

И лицо мастера озаряется лучистой, горделивой отеческой улыбкой.

II

Если говорить о методе обучения мастера Киселева, то его можно изложить корсткой формулой: учить всему, что нужно знать на производстве, учить на основе новой передовой технологии. Но мастер-новатор

вкладывает в свою работу столько педагогического чутья, житейского опыта и творческой страсти, что о его системе обучения и воспитания молодых рабочих можно было бы написать волнующую, поучительную книгу.

Андрею Киселеву было немногим больше двадцати, когда он приехал из маленькой тамбовской деревушки на строительство самого большого в Харькове четырнадцатитажного Дома государственной промышленности. Это был в начале первой пятилетки. Гигантская площадь имени Дзержинского только еще начинала застраиваться. Первые секции дома, запроектированного во всю ширину площади, уже заканчивались. Андрея Киселева приняли учеником в артель штукатуров.

Трудны были первые шаги будущего штукатура. Системы обучения, такой, как сейчас, не было и в помине. Подростка заставили на первых порах таскать на третий и четвертый этажи ведра с песком и известковым раствором. С завистью смотрел он на опытных штукатуров, орудовавших кельмой и соколом — основными в то время штукатурными инструментами. Ему, деревенскому мальчику, казалось, что нет более увлекательной и чудесной работы, чем штукатурная отделка, после которой ячейки здания приобретали жилой вид, превращаясь в красивые комнаты и залы. Это чувство Андрей Тимофеевич сохранил на всю жизнь.

С глубокой благодарностью вспоминает он своего первого учителя — деда Федора. Старик, заметив как-то, с какой жадностью мальчик смотрел на его работу, сказал ему:

— Вот что, Андрей! Уходи ты от своего артельщика. Возьму тебя в ученики.

Старый штукатур обучил подростка несложным тогда приемам штукатурного мастерства, вывел его на широкую дорогу самостоятельного труда.

И прошел Андрей Киселев героический путь сталинских пятилеток. Штукатурил первые бараки для строителей Харьковского тракторного завода, штукатурил его цехи и жилые дома для рабочих. По всему строительству гремела слава комсомольской бригады штукатура Киселева.

Любит вспоминать Андрей Тимофеевич свой первый стахановский рекорд. Из Горловки на Тракторострой приехал известный штукатур Козлов, прославившийся своим мастерством и высокой производительностью. В гигантском новом механическом цехе Козлову и тогда еще совсем молодому Киселеву были отведены рабочие места. Штукатуры начали соревнование: к концу дня Козлов оштукатурил 57 квадратных метров, а Киселев — 72 квадратных метра. «Противники» тут же честно раскрыли друг другу все свои профессиональные секреты.

— Понял я в этот день, — рассказывает Киселев, — что нельзя довольствоваться только тем, до чего своим умом дошел; нужно интересоваться всем новым, перенимать все полезное.

Интерес к новому, передовому привел Киселева в Москву, на Всесоюзную строительную выставку. На шестимесячных курсах при выставке он изучил новую технологию штукатурных работ с помощью машин-растворонасосов и был оставлен при выставке инструктором стахановских методов.

Сотни стахановцев ознакомил инструктор с механизмами. И как-то само собой разумеющимся, естественным был переход его в систему трудовых резервов в первый же год ее основания.

Инструктор стахановских методов стал мастером производственного обучения.

III

Три десятка учеников впервые разместились на школьных скамьях. Два дня назад приехали они из небольших деревень Рязанской области в столицу, чтобы научиться здесь какому-либо ремеслу. Именно «какому-либо». Многие из ребят имели весьма смутное представление о штукатурном мастерстве, которое им предстояло изучить. Они со школьной скамьи мечтали о профессии, которая вывела бы их на передовые линии гигантского строительства, осуществляемого в нашей стране, и открыла бы перед ними путь к трудовой славе.

Основная на первых порах забота мастера была в том, чтобы пробудить у этих трех десятков подростков интерес, любовь к новой для них профессии, внушить им, что труд штукатур так же почетен и важен, как труд сталевара, шахтера, летчика.

Андрей Тимофеевич внимательно всматривается в лица своих учеников. Накануне мастер провел с ними первую беседу о распорядке дня в школе, о плане занятий. Ученики слушали молча. И лишь к концу беседы, когда Андрей Тимофеевич собирался уходить, к нему подошли три ученика и спросили: нельзя ли им перейти в металлисты?

...И вот первый урок. Мастер опрашивает учеников: откуда кто приехал, сколько классов школы закончил.

Как изменилось все с тех пор, как неграмотным деревенским подростком пришел он на заработки в Харьков! Многие его ученики закончили 6 или 7 классов. Они пришли в школу ФЗО, чтобы научиться интересному и увлекательному делу, стать квалифицированными мастерами.

И первые дни учебы были для Киселева всегда самыми трудными. Внешне как будто нет ничего романтического в профессии штукатур. И когда, следуя программе, Андрей Тимофеевич начинал знакомить подростков с азами штукатурного дела — подбойкой дранок, в выражении их лиц он не мог уловить и тени заинтересованности: они скучали. Нет, не с этого, видимо, надо было начинать.

Мастер вспомнил свои юношеские годы, как впервые пробудился у него интерес к своему мастерству, когда на его глазах оживали искусно оштукатуренные огромные залы Харьковского госпрома. Вот так же нужно было высечь искру увлечения в молодых душах учеников, раскрыть перед ними всю красоту и точное мастерство профессии штукатур.

Мастер решил провести вступительный урок не в классе, а на самых красивых сооружениях Москвы. Он показал своим ученикам прекрасные вестибюли метро с их словно сплетенными из кружев кессонными потолками, самые красивые здания Москвы; изумительную отделку концертного

зала имени Чайковского, всю гамму цветных штукатурок на фасадах домов улицы Горького.

Вот что может сделать штукатур! И они научатся все это делать, если только по-настоящему возьмутся за учебу, начнут с азов. Да, с азов — с подбойки драпок, с подготовки грунта, так же как необходимо выучить все буквы алфавита, чтобы научиться писать.

Первые урски в школе после такой экскурсии приобрели новое содержание и значение для учеников. Они поняли, что это — путь к мастерству.

И все же комсомолец Володя Ермаков после нескольких уроков затосковал:

— Не хочу быть штукатуром, не нравится мне эта работа!

— Ну, что ты с ним поделаешь, — вспоминает мастер. — Не хочет браться ни за что. А перень крепкий, грамотный. Золотые руки... Неужели, думаю, уйдет?.. Вызвал его как-то вечером и говорю:

— Вот что, Володя, решили мы в подарок съезду комсомола «вытянуть круг». Давай, с тобой начнем...

Молчит. А я не обращаю на это внимания.

— Неси, — говорю, — фанеру.

Мне хотелось, чтобы он за что-нибудь взялся. Принес. Начал я «тянуть круг». Сложная это штукатурная работа. Мой Володя посмотрел, посмотрел и тоже начал работать. Поработали часа два. Я остановился.

— Хватит на сегодня, завтра кончим...

— Андрей Тимофеевич, — просит он меня, — я останусь, окончу.

— Ну, что ж, оставайся!

Пришел я утром, смотрю, «запорол» Володя круг.

— Ну, ничего, — говорю, — бывает... И не так уж интересно съезду круг дарить. Сделаем мы с тобой герб СССР.

И что же вы думаете? Втянулся! Видели, как на метро работает! Он сейчас старшина группы. Самый лучший мой ученик.

Пробудить интерес к профессии, раскрыть ученику все ее возможности — первая и главная задача педагогического метода Андрея Тимофеевича.

— Так уж повелось у нашей молодежи, — говорит мастер. — Обязательно хочет делать что-то большое, нужное, заметное.

Обучение молодых штукатуров в процессе производства, на рабочих местах, способствует успешному решению этой задачи. Все профессиональные навыки, приобретенные в школе, применяются учениками на производстве. Став на рабочие места, рядом с кадровыми штукатурами, они чувствуют себя членами коллектива, ответственными за качество и сроки выполнения строительных планов.

У будущих штукатуров появляется желание не отставать от своих старших товарищей, совершенствовать свои профессиональные навыки. И вот именно в этот период обучения мастер старается развить в них творческие задатки, беспокойное стремление к новому.

В записной книжке Андрея Тимофеевича можно найти фамилии и

адреса многих знатных московских стахановцев-штукатуров. Мастер всегда интересуется всем новым в области штукатурно-отделочных работ. Он внимательно следит за журналами и газетами. Не один день провел Андрей Тимофеевич вместе со своими учениками у рабочих мест знатных московских штукатуров Малыгина и Кутенкова, знакомясь с их методами отделки углов и поточным методом механизации штукатурных работ. Малыгин в свою очередь приезжал на стройку, где работала бригада Киселева, и знакомил всех учеников со своим методом.

В постоянном общении с мастерами-новаторами рождались первые творческие искания молодых рабочих.

Ученик Герасимов «тянул» свод арки, «тянул» медленно, с помощью реек — металлических линеек. Этот процесс всегда был одной из наиболее трудоемких штукатурных работ. Герасимов отставал, и у него родилась идея нового приспособления, которое он назвал «форточкой». Рассчитав центр арки, он установил вращающуюся ось, на которой закрепил деревянный щит — шаблон, соответствующий форме арки. Вращая щит вокруг оси, он сразу придает арке требуемую форму. Это было ценное рационализаторское предложение, которому радовалась вся группа, и больше всех мастер.

Приспособление приняли, и им пользуются сейчас кадровые рабочие.

IV

Николай Комиссаров и Анатолий Комаров держались в группе особняком, садились обязательно за одну парту, старались вместе держаться и на производственной практике. Оба они приехали в школу из деревни, отстоящей на несколько десятков километров от ближайшей железнодорожной станции. Земляков связывали не столько узы дружбы, сколько постоянно испытываемое ими чувство неуверенности в своих способностях овладеть тем минимумом теоретических знаний, который давала школа. Сказывалось то, что Комиссаров и Комаров закончили всего два класса начальной школы и больше нигде не учились. Ученики-комсомольцы пытались им помочь, но подростки от помощи отказывались. Анатолий Комаров, когда ему предлагали помощь, обидчиво заявлял:

— Я и без грамоты проживу.

Поддаваясь влиянию своего товарища, отказывался от помощи и Комиссаров.

Андрей Тимофеевич неоднократно беседовал с Комиссаровым и Комаровым, но ничего не мог добиться. Подростки обычно молчали, а Комаров даже собирался уйти из училища. Но мастер не терял надежды, как он говорит, «подыскать ключ» к друзьям. В один из вечеров в школе ученикам демонстрировали фильм «Александр Матросов». На всех ребят этот фильм произвел очень сильное впечатление. На другой день мастер провел о нем беседу, говорили о героизме советской молодежи во время войны. К концу беседы он спросил у Комиссарова:

— Ну, а тебе как понравилась картина?

— Понравилась.

— Приходи ко мне, почитаем про Матросова.

— Да, я, Андрей Тимофеевич, плохо читаю, если бы буквы большие...

В школьной библиотеке нашлись книги «с большими буквами». Комиссаров стал настоящим читателем библиотеки. Это было началом перелома в отношении юноши к учебе.

«Земляков» приняли в звено Челмакова, который сумел уговорить Комиссарова взяться за учебники.

Анатолий Комаров долго еще не сдавался. Но и к нему мастер сумел «подобрать ключик». Группа отделяла новое здание районной поликлиники. Комаров увлекся сложной работой — отделкой цоколя, как говорят штукатуры, «под шубу» — и лучше всех учащихся справился с ней.

В тот же день на линейке мастер отметил отличную работу Комарова. Об этом же была написана заметка в стенгазету. Комарова прикрепили к группе учеников для инструктажа. Он сразу почувствовал внимание и доверие коллектива и уже не решился отказаться от помощи Челмакова предложившего ему вместе изучать теоретические предметы.

Комиссаров и Комаров скоро закончат школу. Комиссаров стал комсомольцем. Оба они часто приходят побеседовать к Андрею Тимофеевичу, и о чем бы ни шел разговор, он обычно заканчивается вопросом мастера:

— Ну, что, ребята, не надумали в вечернюю рабочую школу поступать? На двух классах далеко не уедешь.

Год продолжается обучение в школе. Срок сравнительно небольшой, но за это время мастер-воспитатель Андрей Тимофеевич Киселев успевает не только научить своих воспитанников штукатурному мастерству, но и прививает молодежи стремление к совершенствованию, культурному росту.

В записной книжке мастера отмечено, какие книги прочли в школе ученики, сколько раз были в кино и театре, какие лекции прослушали...

Нет, не узнать сейчас в молодых возмужавших штукатурках, работающих на самых важных стройках Москвы, тех подростков, которые год назад приехали из рязанских деревень в школу; пришли тревожимые мыслью, хорошую ли они избрали профессию, справятся ли с учебой. И не только внешне изменились ученики мастера Киселева. В первые дни занятий в группе из 32 человек было всего два комсомольца, а сейчас их уже 23!

Неплохо? — спрашивает мастер и сам себе отвечает: — Конечно, неплохо. А все же, видимо, не все сделали, не добились, чтобы вся группа комсомольской стала. А надо бы. Уж очень хорошие ребята... Но ничего, — как бы утешая себя, говорит он. — Они себя на производстве покажут. Еще как покажут! Их ведь направляют на строительство самого высокого в Москве дома на Смоленской площади 27 этажей! Я сам бы с ними пошел...

V

«Уважаемый товарищ мастер! Поздравляем вас с Новым годом и желаем всего наилучшего. Ваше письмо, товарищ Киселев, в котором вы благодарите нас за хорошее воспитание сына, мы получили. Гордиться

этим не хотим. Каждый гражданин, живущий в нашем Советском государстве, обязан воспитывать своих детей так, как учил Ленин. А ваше письмо задело нас за душу: все-таки сын! Товарищ Киселев, мы, родители, просим и надеемся на вас, что вы поставите сына на правильный путь, поскольку он далеко от нас.

С приветом. Сергей Александрович Панин».

Десятки, примерно, таких же писем хранит мастер.

Живыми, крепкими нитями связан Андрей Тимофеевич с родителями своих учеников. Он отдает все свои силы воспитанию доверенных ему юношей, делаясь с ними всем накопленным опытом и мастерством.

О своей ответственности мастера-воспитателя, большевика, советского человека перед родителями, доверившими ему самое драгоценное — своих детей, Андрей Тимофеевич никогда не забывает. Он гордится и дорожит этим доверием. Уже давно прошли те времена, когда он в первый раз знакомился со своими учениками только после того, как они переступали порог школы.

Во время проведения очередного набора учащихся мастер выезжает в районы. Он проводит там беседы с молодежью и родителями, рассказывает, какие жизненные перспективы открывает высокая квалификация штукатура.

Эта живая связь школы с семьей является едва ли не самым главным воспитательным фактором у Киселева. Он обязательно сообщает родителям, как доехали их дети в Москву, как они учатся.

Мастер заботится не только об учениках, которые обучаются в данный момент в школе. Он подготовил уже свыше 400 штукатуров для московскихстроек. И многие из выпускников, хотя прошло уже много лет после окончания ими школы, не забывают своего мастера, приходят к нему за советом. Выпускники, прославившиеся уже своими стахановскими достижениями, всегда охотно, по первому зову Андрея Тимофеевича, приходят в школу, чтобы передать свой опыт ученикам нового набора.

Через неделю-другую группа мастера Киселева заканчивает учебу. Предстоит новый набор. Но уже сейчас мастер получает письма из далеких деревень. Пишут ему коротко и доверительно:

«Андрей Тимофеевич, пишет вам брат Земнухова, который у вас учился. Прошу принять меня в вашу школу. Буду хорошо учиться...»

Пишут братья, земляки бывших учеников, пишут их родители, пишут работники сельсоветов...

Слава о мастере-большевике, воспитателе молодежи, дошла до самых далеких деревень.

В начале сентября 1949 года Андрей Тимофеевич Киселев делал доклад на Коллегии Министерства трудовых резервов СССР о применяемых им методах обучения и воспитания учащихся. Внимательно слушали члены Коллегии доклад мастера-воспитателя, в котором почти не было цифр.

Мастер рассказывал Коллегии о том, как научил Володю Ермакова любить штукатурное дело, о своей переписке с родителями учеников, о том, как прививает он своим ученикам чувство нового и старается, чтобы они по выходе из школы могли выполнять любую высококвалифицированную работу и обязательно на основе самой передовой технологии.

Лишь в конце доклада мастер привел несколько цифр. Двадцать два ученика, работая на станции метро на самых сложных операциях, которые обычно поручаются штукатурам 6—7-го разряда, уже сейчас выполняют от 60 до 95 процентов нормы кадровых рабочих.

...Коллегия приняла решение: распространить опыт мастера-педагога Андрея Тимофеевича Киселева во всех школах ФЗО строителей.

УЧИТЬ И ВОСПИТЫВАТЬ...

Юрий Крюков

МЕЖДУРЕЧЬЕ Оки и Волги, в семидесяти километрах от Горького, расположился молодой советский город Дзержинск. Молодость его сквозит и в комфортабельности многоэтажных каменных домов, и в широких полосах асфальтовых мостовых, и в вековых соснах рядом с новенькими трансформаторными будками линии высоковольтного напряжения...

В этом молодом городе родился и с каждым днем все более мужает замечательный коллектив ремесленного училища № 7.

Однажды жители Дзержинска заинтересовались довольно необычайной картиной. У трамвая, загнанного в тупик, собралась группа воспитанников училища. Они осматривали трамвай. Но как? Они залезали на крышу вагона, срисовывали колеса, и даже двое из них ухитрились подлезть под самый вагон.

— Для чего вы все это делаете? — спросил кто-то.

— Мы будем строить модель трамвая.

Члены технического кружка решили собственными силами построить модель моторного трамвайного вагона. И непременно, чтобы он двигался. Да не как-нибудь, а по рельсам. И двигался бы при помощи мотора, сконструированного ими самими. Когда эта установка была сделана, она путешествовала почти по всем классным комнатам училища, вызывая у ребят восхищение и стремление сделать что-нибудь подобное.

Впрочем, движущаяся модель «совсем настоящего трамвая» — это уже пройденный этап. Коля Дергачев, староста и энтузиаст кружка юных техников, развернул перед нами лист ватмана, на котором вычерчена модель паровоза — очередное увлечение членов кружка.

Педагоги ремесленного училища № 7 справедливо видят в подобных работах ребят важное звено воспитания характеров будущих молодых рабочих.

Есть многое в этом училище, что прямо взято из системы педагогического воздействия, разработанной нашим славным соотечественником, великим педагогом А. Макаренко. Основной метод воспитания здесь — уважение к труду.

Оборудование кабинетов и лабораторий училища — прекрасное. Невольно останавливаешься в изумлении при входе в любую из пяти химических лабораторий. Каждое место ученика, закрепленное за ним на два года, снабжено аналитическими весами. Подведены газ и вода. Многочисленные полки шкафов заполнены реактивами. На стенах — плакаты, диаграммы, схемы, наглядно рисующие ход реакций, процесс образования кислот и щелочей. Лаборатория контрольно-измерительных приборов дает возможность еще здесь, на школьной скамье, практически ознакомиться с основами современного контроля над ходом производственных процессов. Именно здесь у ребят начинается складываться представление о высокой культуре производства на современных социалистических предприятиях.

В одной из лабораторий мы увидели разрез обычного водопроводного крана. Это не был чертеж на ватмане или модель из дерева. Обычный, большой водопроводный кран-ventиль был разрезан вдоль, и учащемуся, таким образом, стало понятно его устройство.

— Где вы нашли столь удачное пособие? — спросили мы.

— Сделано руками учащихся.

Осведомившись о том, как была сделана подводка воды и газа в химической лаборатории, мы услышали:

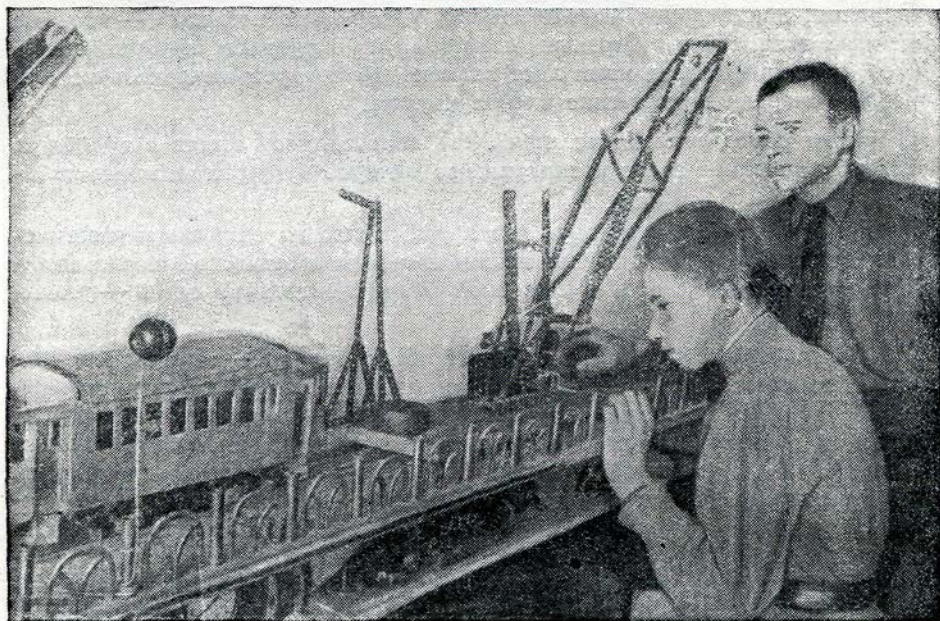
— Сделано руками учащихся.

Эта фраза повторялась каждый раз в ответ на вопросы «Где вы это достали?», «Как это сделано?».

Учащиеся монтируют пульт управления и сложные агрегаты. Старшие ребята готовят для младших весь набор слесарного и столярного инструмента.

Когдаходишь в здание училища, поражаешься богатству и изобретательности того, что обычно называется наглядной агитацией. Стены коридоров украшены тематическими выставками, картинками, панно, портретами. Все это сделано руками учащихся.

А главное во всем этом то, что работы учащихся имеют глубокое воспитательное значение. Можно смело сказать: здесь найден верный путь обучения и воспитания будущих молодых рабочих.

В техническом кружке ремесленного училища № 7
г. Дзержинска.

С первого же дня ребята привыкают к мысли, что труд — это основное мерило качеств советского человека. И ребята гордятся своим трудом. Для них нет более высокой радости, чем показать своему мастеру, своим товарищам собственными руками сделанную хорошую, полезную и красивую вещь. Так возникает общественное осуждение белоручек и лодырей.

В ремесленном училище № 7 не найдешь столов, испещренных надписями и зарубками, сделанными перочинным ножом. В лабораториях и кабинетах нет поломанных приборов. В классах, кабинетах и лабораториях — безукоризненная чистота.

Дисциплина в этом ремесленном училище основана на труде. Если даже найдется человек, позволивший себе испортить какую-нибудь вещь, или пренебрежительно отнестись к труду, — он прежде всего почувствует на себе осуждение и железную волю своего же коллектива. Коллектив создал все эти ценности, и коллективный труд здесь — цемент, крепкими узами сплавляющий группу, класс, все училище.

Направляемый умелыми и чуткими педагогами и мастерами коллектив учащихся находит в себе достаточно силы, чтобы укрепить волю слабого, вернуть товарища, сбившегося с верного пути.

В одной из групп лаборантов девушка Галя О. не смогла ужиться с коллективом, поступала неправильно. К ней начали относиться, как к чужому человеку. Первое время Галя храбрилась:

— Подумаешь! И без вас проживу.

Ребята перестали принимать Галю в свою компанию во время игры в баскетбол, отказались от ее услуг при изготовлении моделей.

В кабинете у директора во время решительного разговора Галя расплакалась.

— Никто в группе не хочет со мной водиться..., — сквозь слезы сказала она.

— А ты знаешь почему?

Галя молчала. Молчал и директор.

Потом он сказал:

— Ты отлично знаешь, почему группа не хочет считать тебя своим человеком. Ты плохо ведешь себя. Но я помогу тебе: ты должна найти в себе силы объясниться со своими подругами.

В тот же день подруги Гали собрались для разговора с ней.

Выслушав девочку, комсорг группы Тоня сказала:

— Мы должны оставить ее у себя в группе, если только она пообещает исправиться.

Галя ничего не ответила. Она плакала.

— Я вижу, — сказала Тоня, — что Гале трудно сейчас говорить. Давайте проголосуем: кто за то, чтобы просить дирекцию оставить Галю в нашей группе?

Все подняли руки. Так закончилось поучительное для Гали собрание тринадцатой группы ремесленного училища № 7.

А вскоре Галя О. закончила ремесленное училище с аттестатом отличницы.

Уважение к человеку труда воспитывает в учащихся чувство советского патриотизма. Преподаватель русского языка Николай Васильевич Комиссаров, раскрывая образ героев произведений советских писателей, показывает, как гордились они своей Родиной.

Педагоги здесь — не только люди, преподающие предмет, но и воспитатели. Все они одинаково видят свою первую задачу в том, чтобы воспитать подростка честным советским человеком.

На уроке математики нам довелось слышать, как педагог говорил о культуре и вежливости, а в мастерских около тисков мастер производственного обучения сделал учащемуся выговор за небрежно, не на месте пришитую пуговицу к вороту гимнастерки.

Однажды шустрый паренек попросил у библиотекаря училища Евгении Алексеевны Коринфской «какой-нибудь приключенческий роман, где было бы побольше сражений и сильных приключений».

— Хорошо, — ответила Евгения Алексеевна. — Я постараюсь тебе найти такую книгу. Но что тебе хочется? Чтобы герои книги действовали в давние времена или сейчас?

— А мне все равно, — ответил паренек.

Потом, подумав немного, он добавил: — Все-таки лучше всего про пиратов.

— Что ж, можно и о пиратах, — серьезно согласилась библиотекарь. — Только придется долго искать такие книжки. Мы их не особенно любим.

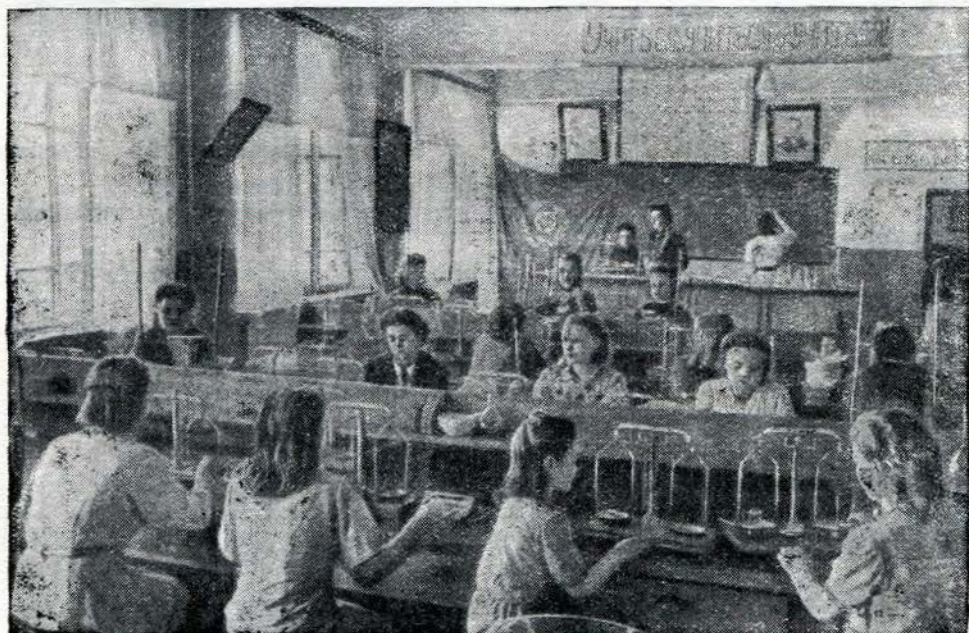
Лицо мальчугана омрачилось.

Евгения Алексеевна с минуту молчала.

— Но знаешь, — затем сказала она, — ведь есть приключения не только разбойников и пиратов, а хороших, честных людей, и эти приключения очень интересны. Ты читал такие приключения?

— Нет, — ответил паренек.

Ремесленное училище № 7 Горьковской области.
В химической лаборатории.

— А вот я тебе советую прочесть. Хочешь, я тебе дам книгу о приключениях партизан?

— А это интересно?

— Очень! Уверяю тебя,— очень интересно!

Она подошла к полкам, сняла книжку Игнатова «Братья-герои» и подала ее ученику. Этот паренек пришел к ней первый раз. Он теперь начнет ходить сюда регулярно, и она уже будет направлять его вкус и выбор книг.

Когда роман А. Фадеева «Молодая гвардия» еще только печатался в «Комсомольской правде», Евгения Алексеевна читала его в общежитии девушкам.

Их больше всего заинтересовали образы молодых героинь романа, и особенно Любы Шевцовой. И вот Евгения Алексеевна, уже после чтения романа, долго, беседовала со своими слушательницами о самовоспитании благородных, высоких черт характера и показала им на многих примерах, что не только в дни Отечественной войны, но и в мирные годы человек Советской страны может приложить в жизни свои хорошие, большие стремления к героическим делам.

Можно подивиться творческой изобретательности Евгении Алексеевны. Она, например, приготовила альбомы, картины и книги художников и о художниках, чьи произведения выставлены в Третьяковской галерее. Эти альбомы репродукций привлекли внимание читателей, а от рассматривания альбомов уже было не трудно сделать следующий шаг: провести цикл бесед о русской живописи.

Может быть, все это не входит в прямые обязанности библиотекаря? Но кто укажет рамки творчества человеку, посвятившему себя воспитанию юношества?

Любое событие в жизни ремесленного училища Евгения Алексеевна умеет использовать для многогранной культурно-массовой и воспитательной работы с ребятами.

Как-то в училище демонстрировался фильм «Глинка». Юным зрителям фильм понравился, и некоторые из них говорили об этом. Тогда она организовала пушкинский вечер. После доклада преподавателя литературы о жизни и творчестве Пушкина ученицы декламировали стихи и отрывки из произведений бессмертного поэта и его современников. Накануне Евгения Алексеевна съездила в Горький и достала все, что могла из литературы о Пушкине и о Глинке.

Возьмем наудачу два-три формуляра читателей. Ученик Владимир Дмитриев закончил школу в 1947 году. Володя учился в группе контрольно-измерительных приборов. Среди прочитанных книг четыре тома «Войны и мира», том Пушкина, том Чехова, избранные произведения Лермонтова, Лескова, Глеба Успенского, книги Алексея Толстого, Фадеева, Gladкова, Гайдара, Катаева, Фраермана, Леонова, Шиллера, Майн-Рида...

О работе судят по ее результатам. Ремесленное училище № 7 может гордиться многочисленными восторженными отзывами, поступающими со всех заводов, где работают ныне вчерашние его воспитанники.

Обычно во время очередного приема в училище должны зачислить 300—350 юношей и девушек. Но к началу учебного года приемная комиссия получает около 1000 заявлений, и приходится устраивать конкурсные испытания.

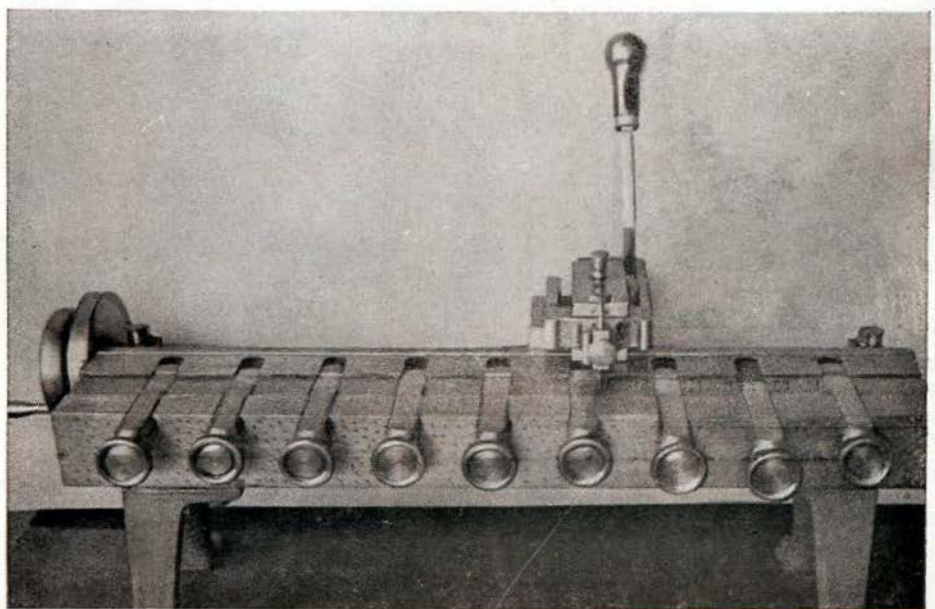
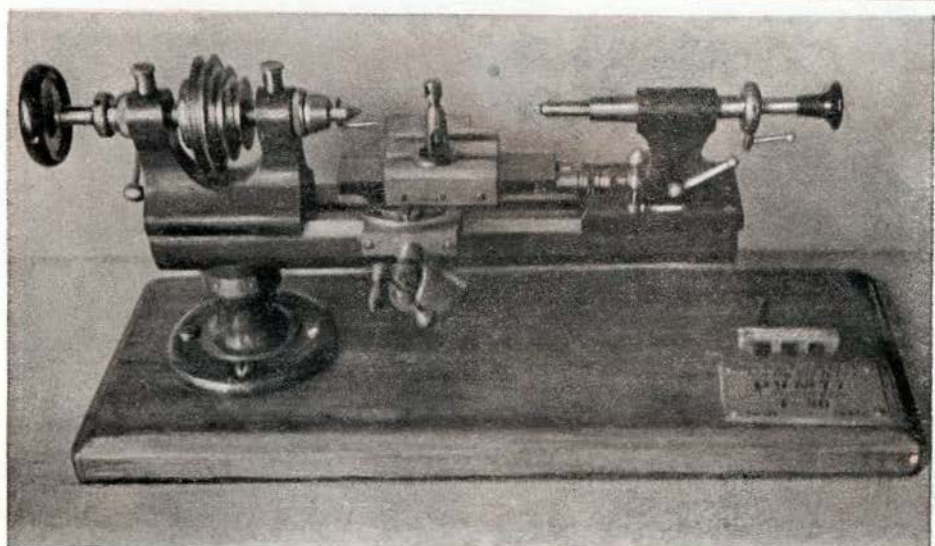
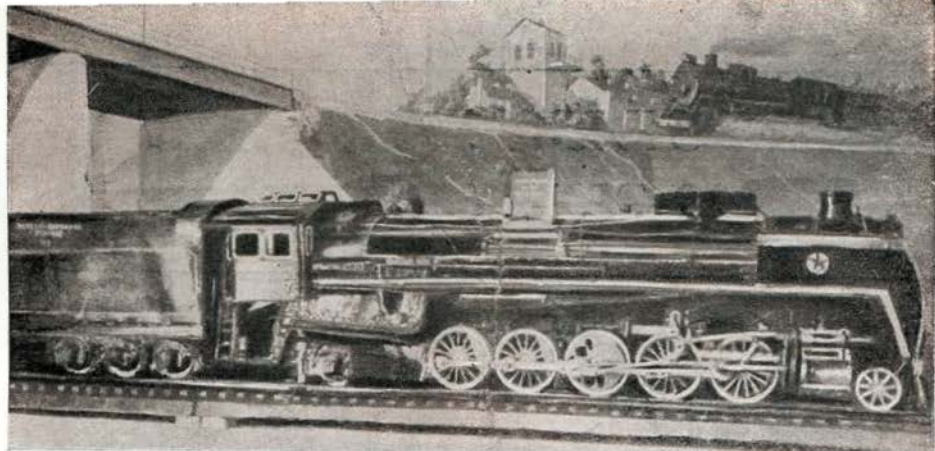
Такова популярность училища в округе, таково высокое доверие отцов и матерей к славному коллективу воспитателей новых молодых рабочих.

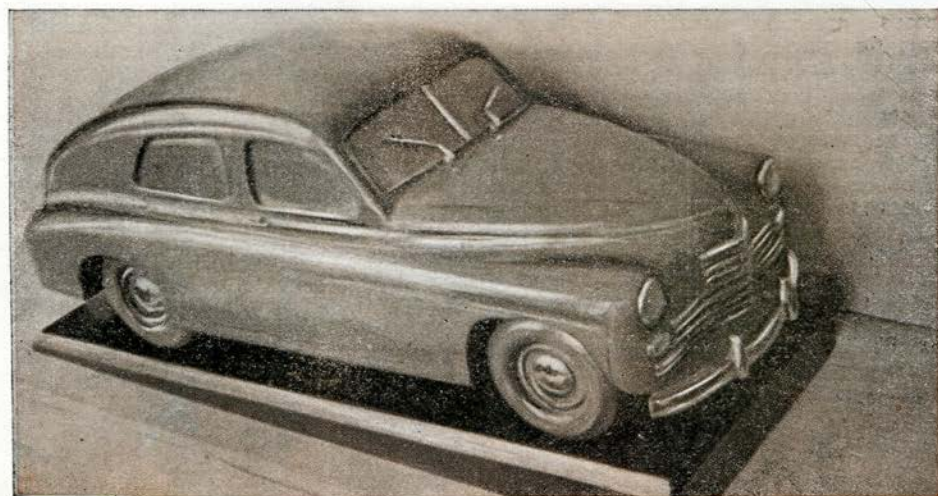
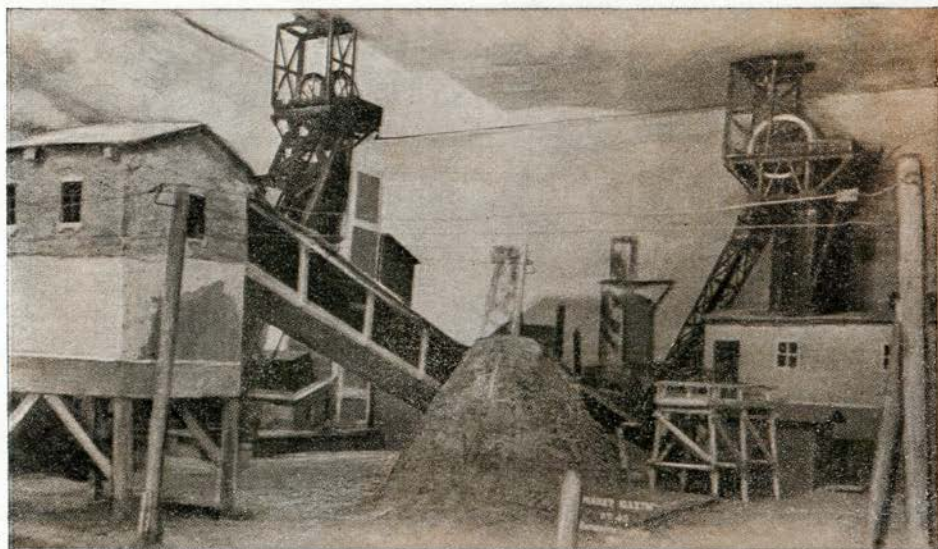
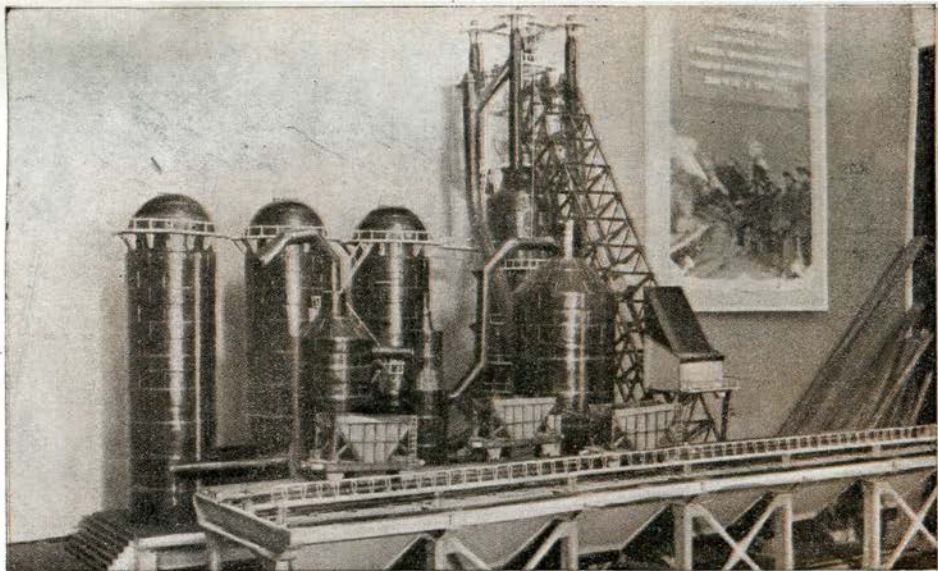
НА ВЫСТАВКЕ ИЗДЕЛИЙ УЧЕНИКОВ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ

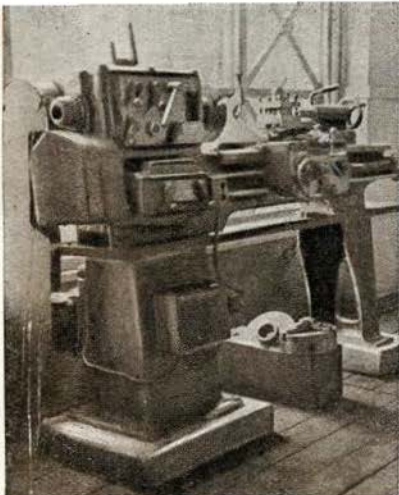

На выставке изделий учеников трудовых резервов в Сокольниках в Москве были показаны точные станки, модели паровозов, скульптуры, радиоприемники и множество других экспонатов.

Здесь наглядно можно было убедиться, какого высокого мастерства достигают юные труженики. На следующих страницах вы увидите эти интересные экспонаты.

Выставка изделий учеников трудовых резервов в Сокольниках открылась в 1945 году. Но интерес к ней у молодежи возрастает все больше и больше. Выставка пользуется успехом не только у молодежи, но и у взрослых. За лето 1949 года на выставке побывало около 120 тысяч человек. Особенно много здесь бывает будущих учеников ремесленных, железнодорожных, горнопромышленных училищ и школ фабрично-заводского обучения.

Вихрастый паренек с любопытством рассматривает модель паровоза. Его отец уже давно по несколько раз просмотрел все экспонаты. А он не видит вокруг ничего, кроме этого паровоза. Неизвестно, как сложится трудовая судьба паренька — будет ли он машинистом, шахтером или потянет его в светлые, шумные заводские цехи, — но в этот день, на выставке своих старших товарищей, он впервые почувствует, какую радость может принести творчество, труд и овладение мастерством.

В книгах отзывов о выставке много восторженных записей. Но одна из них выражает самое существенное, о чем здесь невольно думаешь. Группа студентов московских ВТУЗ'ов пишет: «...В руках советской молодежи — будущее нашей страны, нашего народа. Выставка наглядно говорит, что эта молодежь с честью выполнит великую задачу — построение коммунистического общества».

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

В светлое четырехэтажное здание, что стоит на одной из тихих улиц Москвы возле Ленинградского шоссе, пришли первые ученики — около полтора десятка юношей и девушек, съехавшихся с разных концов страны. Всем им было по 16—17 лет, но многие из них немало успели пережить на своем коротком веку.

Так в 1945 году впервые открылись двери Московского художественного ремесленного училища № 64.

То был год победы над врагом. Надо было приниматься за восстановление. Надо было строить новые дома, лучше прежних, чтобы они были не только

удобны и благоустроены, но и красивые, чтобы радовали глаз законченность их архитектурных форм, качество и изящество отделки. Стране нужны были многочисленные кадры квалифицированных мастеров художественно-отделочных работ: лепщиков, резчиков по камню, краснодеревцев, маляров-живописцев...

Из далекого сибирского колхоза приехали два неразлучных дружка — Толя Кассиров и Паша Ефимов, поступили в

Мастер Созин (Художественное ремесленное училище, Москва) проверяет работу ученика-отличника Кассирова, изготавливающего гранитный фонтан.

Проект памятника комсомольцам — участникам Отечественной войны.
Скульптура Юрия Колесникова.

училище московский школьник Борис Цибин и отважный разведчик, воспитанник воинской части Борис Гейне, кавалер медали «За боевые заслуги». Из детского дома испанских ребят пришел в училище Дионисий Гарсиа, сын астурийского горняка, бойца республиканской Испании. Вместе с другими испанскими детьми нашел он в Советском Союзе свою вторую родину, которая окружила его вниманием и заботой, воспитала его и дала возможность учиться.

Кем быть? Лепщиком, или резчиком по камню, или краснодеревцем? Внимательно присматривались ребята к мастерам, к тому, как они работают, знакомились с оборудованием мастерских.

Мастера старались определить способности ребят.

Вот юноша неплохо рисует, у него развито чувство формы, объема, а хорошего резчика по камню из него сделать трудно — характер у него беспокойный. Не лучше ли ему стать лепщиком: глина — не гранит, она не требует такой терпеливости во время работы. А другой и рисует хорошо и к цвету вкус у него неплохой. Из него может выйти хороший живописец-альфрейщик.

И вот началась учеба. На теоретических занятиях в просторных классах и учебных кабинетах ребята обучались рисунку, живописи, лепке, основам композиции, истории искусств. Они получали необходимые знания по технике строительных работ, материаловедению. Эти знания помогли им лучше освоить свое ремесло. Занятиями руководили опытные педагоги — художники, архитекторы, инженеры.

В мастерских училища под руководством старых, опытных мастеров художественного ремесла перед глазами ребят раскрывалась вся сложность и вся

прелесть их профессии. Упорно овладевали они знаниями, постигали секреты профессионального мастерства. Не раз ходили на экскурсии в московские и подмосковные музеи, осматривали памятники старины — непревзойденные образцы русского зодчества. Уже не просто любопытство или восхищение отражается на лицах. Глаза ребят учатся видеть художественные подробности, отмечать достоинства и недочеты.

А какие жаркие споры разгорались по вечерам в общежитии! Допоздна слышались возбужденные голоса, — было о чем спорить, что обсуждать.

Войдите в вестибюль училища. Вы сразу увидите на стене справа объявление: «Сегодня занимаются кружки...» Их много этих кружков: драматический, хоровой, литературный, фото, радио, духовой оркестр. Больше 100 ребят работает в них. Драмкружок показал в конце прошлого года пьесу В. Пановой «Девочки». Под руководством заслуженного артиста РСФСР Ганшина была подготовлена инсценировка романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Тесная дружба связывает ребят с коллективом Центрального детского театра. Ученики оформляют выставки в театре, делают макеты декораций. Артисты приезжают в училище с концертами, приглашают ребят на спектакли театра.

Частые гости в училище — студенты Московского университета. Студенты исторического факультета каждую неделю проводят беседы на политические темы. Студенты искусствоведческого отделения филологического факультета рассказывают ребятам об искусстве.

Поднимитесь теперь на третий этаж. Здесь на большом щите — грамоты, вымпелы, призы: спортивные трофеи футболистов, волейболистов, гимнастов,

лыжников. Есть в училище и свой чемпион — велосипедист Борис Цибин, член спортивного общества «Трудовые резервы».

В стенах училища ребята становятся не только умельцами в своем деле, их воспитывают культурными, разносторонне развитыми советскими людьми, патриотами своей Родины.

Шло время. И уже с невольной улыбкой вспомнились те дни, когда рука не очень-то твердо держала резец, а упрямые краски не хотели смешиваться друг с другом именно в такой пропорции, которая была необходима.

Теперь учеников можно было увидеть на строительстве новых корпусов на улице Горького и театра Сталинского района. Они принимали участие в работах по реконструкции здания Московского Совета. Они становились квалифицированными мастерами.

Один из них, отличник группы краснодеревцев комсомолец Рафкат Садахутдинов решил выполнить из кусочков дерева разных пород мозаичный портрет товарища Сталина. Три месяца старательно и настойчиво работал он над портретом. А когда портрет был готов, то даже старые, известные мастера-краснодеревщики единодушно признали отличным качество его исполнения.

Учеба подходила к концу, близился выпуск — первый выпуск училища. С увлечением трудились ребята над своими дипломными работами. Комсомолец, отличник учебы Саша Синельников вырубил из мрамора бюст товарища Сталина (по модели скульптора лауреата Сталинской премии Томского). Пре-

красное чувство формы, чистота отделки, быстрота исполнения ярко проявились в этой выпускной работе. Темой дипломной работы Дионисия Гарсия был мраморный бюст генерала Черняховского (по модели скульптора Томского). Дионисию хорошо удалось передать целеустремленность, силу воли, боевой порыв талантливого советского полководца.

Рассмотрев работы выпускников, Государственная выпускная квалификационная комиссия присвоила установленные звания и квалификационные разряды всем 144 учащимся, окончившим трехлетний курс обучения. 42 отличника учебы получили похвальные грамоты.

Места окончивших заняли новые третьекурсники — будущий второй выпуск. И среди мастеров производственного обучения есть теперь бывшие воспитанники училища, его первые питомцы — комсомольцы Кассиров, Терентьев, Цибин и другие.

А в ряды советских строителей влился новый отряд квалифицированных мастеров по художественной отделке зданий. В Москве, Свердловске, Минске и в других городах питомцы училища начинают свой трудовой путь. Молодые мастера художественного ремесла работают на новостройках столицы, украшают московские вокзалы, принимают участие в работах по реставрации замечательных сооружений русской архитектуры — Московского Кремля и библиотеки имени Ленина...

На всю жизнь сохраняют они благодарность своей Родине, большевистской партии за заботу об их юности.

„НЕ УЗНАЮ СВОЕГО СЫНА...“

Б. Семенов

ОДНАЖДЫ новички — ученики ремесленного училища завода «Калибр» побывали в гостях у стахановца Николая Российского.

Ребята долго обсуждали то, что они увидели. Им понравилось, что прославленный на всю страну человек оказался простым и сердечным.

Но их взволновало одно обстоятельство. Наблюдая за тем, какой разумный порядок установлен на участке у Российского, как размеренно идет поток деталей, как слажены и экономны движения рабочих, будущие фрезеровщики поняли, что их отделяет от мастерства Российского очень большое расстояние. Это расстояние показалось им почти непреодолимым.

Но тут на помощь новичкам пришел их мастер Миронов:

— Припомните-ка, ведь Николай Российский учился в школе ФЗУ здесь же у нас, на «Калибре». Подрастете, подучитесь и сами станете такими, как Российский.

Как-то после занятий комсорг Капранов задержался, изредка поглядывая в сторону Миронова, видимо, дожидаясь, когда мастер освободится. Миронов заметил это, но сам не начинал разговора. Он продолжал складывать чертежи, по которым сегодня работали ученики.

Наконец, Капранов заговорил:

— Обидно, Николай Васильевич, опять не наша группа первая. Что же, у Фролова ребята уж такие особенные? Свободно мы могли бы их обогнать...

— Могли бы, а вот не обгоняем,— сказал мастер.

— А если все-таки взяться?— спросил Капранов.

Мастер Миронов вырос в этом же училище. Служил в армии летчиком и артиллеристом. Он умел вести за собой коллектив. Он знал, что наступит такое время и сам коллектив начнет помогать ему. Вот теперь, кажется, такой момент наступил.

— Так как же, возьмемся?— снова спросил комсорг.

— Возьмемся,— решительно ответил мастер.

Потом были собрания в группе и разговоры по душам. И больше всего было тревоги за каждого из ребят.

— Где это сегодня Хаков?— спросил однажды мастер.

— Не знаем, может, заболел...

— Надо сходить к нему,— сказал мастер комсоргу.

Вечером сообщили, что староста и в самом деле заболел. Миронов тут же отправился к Хакову. Был он у больного недолго, неторопливо рассказал несколько эпизодов из своей военной жизни и вскоре распрощался. Между ними не было сказано никаких «чувствительных» слов, но потом, когда Хаков выздоровел, он с особым вниманием выполнял каждое поручение мастера...

— Николай Васильевич, что-то у Смирнова неладно,— озабоченно говорил комсорг, — пропадает целыми днями...

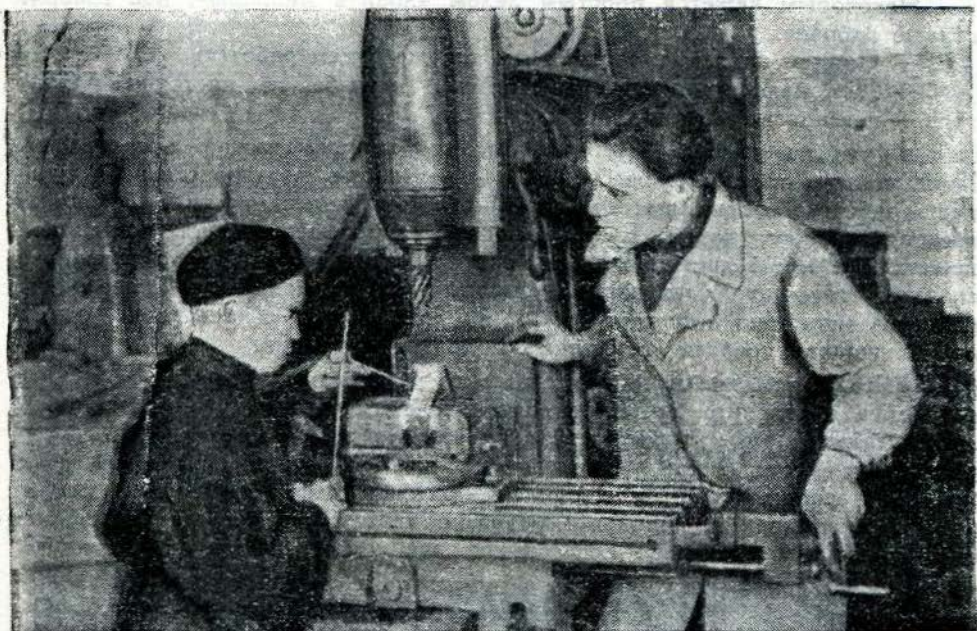
Миронов каждый день начал ставить перед Смирновым на первый взгляд маленькие задачи: сегодня мастер вместе с учеником разбирал чертеж, завтра поручал составить список желающих пойти в кино, потом просил подготовить инструмент для неопытного товарища...

Чем дружнее становилась жизнь группы, тем больше мастер Миронов чувствовал, что круг его забот становится шире и шире. Комсомольцы затевали все новые дела, и всегда им хотелось, чтобы вместе с ними был и мастер.

Вскоре группа заняла одно из первых мест в училище по выполнению производственных заказов.

Но это вовсе не означало, что дел у мастера убавилось. Каждый день, каждый час он вел свою умную, кропотливую работу. И это позволило начать борьбу за знамя завода «Калибр», которое вручается лучшей группе училища — победительнице социалистического соревнования.

...Нет, не легко получить это знамя и признание первенства в ремесленном училище № 14! Когда наступает время присуждать награду победителю, всегда оказывается, что претендентов на первое место несколько, и каждый из них с особой придирчивостью относится к успехам соседа. Чистота отделки поверхностей деталей, соблюдение размеров

Мастер Миронов со своим учеником во фрезерной мастерской.

проверяются с помощью инструмента. Тут и речи не может быть о скидках, о снисходительности, о поощрении слабостей. И если уж группа, вместе с ее мастером, комсоргом, старостой, пройдет сквозь этот огонь критики и устоит, значит она действительно хорошая группа и заслужила знамя, которое вручает нередко сам Николай Российский.

Группа мастера Миронова не раз завоевывала это почетное знамя...

* * *

Новичкам прежде всего рассказывают о заводе.

— Калибр! — вдумайтесь в это слово, — говорят им. — Калибр означает приспособление для измерения. Вы и будете создавать те приспособления, которыми проверяется точность работы...

Но только, когда новички побывают в цехах, когда они увидят, с каким усердием молодые рабочие, почти их сверстники, трудятся над обработкой поверхности металла с точностью до мельчайших долей миллиметра — микронов, только тогда они начинают понимать, что значат слова: культура производства.

Некоторым кажется простым делом «ловить микроны», как говорят старые рабочие.

— Придем на завод, тогда и мы так же будем работать.

— Нет, надо привыкнуть уже сейчас, в учебе, к настоящей культуре, — настаивают мастера.

И тут на помощь мастеру приходит комсомольская организация. Комсомольцы правильно рассудили, что настоящая производственная культура рабочего немыслима без самой строгой бережливости и экономии государственного добра. Если рабочий разбрасывает инструмент, как попало, без меры льет масло, не бережет материал, то можно наверняка сказать, что он работает плохо. Комсомольская организация развернула поход за экономию и бережливость, и этот поход вскоре стал одним из сильнейших средств воспитания молодежи училища.

Бригады комсомольцев разошлись по мастерским в боевой рейд. Они старались застичь врасплох расточителей, они замечали напильники, заброшенные в угол, горящие без надобности электролампочки, беспорядок на учебном месте. Они ополчились на грязь, заглядывали в самые потаенные уголки и с торжеством извлекали промасленные концы из-под верстаков, из ящиков с резцами. Потом они решили узнать, не слишком ли расточительно расходуют эти самые обтирочные концы?

На заседании комсомольского комитета и на комсомольских собраниях рейдовые бригады рассказывают о неряхах и о тех, кто умеет работать культурно.

Тогда-то были приняты обязательства в течение года сэкономить стране на электроэнергии, материалах, правильном использовании оборудования десятки тысяч рублей.

Конечно, и сбереженные тысячи рублей, и сохраненный инструмент, и спасенная электроэнергия — все это очень важно само по себе.

Но, пожалуй, еще важнее то, что у подростков появляется чувство заинтересованности в государственных делах.

* *

*

В училище семсот юношей и девушек. И ни один из семисот не пожалуется, что ему здесь скучно, неинтересно.

К помощнику директора по культурно-воспитательной работе зашли будущие токари Макеев и Новосельцев.

— Хотим организовать драмкружок.

— А еще желающие есть?

— О, любители найдутся!

— Ну что же, принимайтесь за дело.

Раз в месяц ребята отправляются на экскурсию в один из крупнейших музеев Москвы.

Но и в стенах самого училища некогда скучать. Многие мастера и преподаватели имеют высшее образование, их лекции увлекательны и поучительны. Часто к ребятам в гости приходят знатные люди завода «Калибр» — Николай Российский, старейшие кадровики, директор завода. Они рассказывают молодежи о том, что ее ждет на производстве, как нужно учиться, чтобы стать стахановцами.

В прошлом году училище проделало интересный опыт. Большая группа студентов Московского университета в течение всего года много раз появлялась в училище. Студенты рассказывали ученикам и об открытиях советских ученых, и о победах наших шахматистов, и о том, какова должна быть комсомольская дружба. Между студентами и учащимися завязалась настоящая дружба, установилось крепкое доверие.

* * *

Комсомольцы завода «Калибр» решили отметить годовщину ВЛКСМ, выполнив к 29 октября годовую производственную программу. Это было смелое решение. Ведь речь шла о том, чтобы найти дополнительные источники роста производительности труда, чтобы каждый, работая с особенным

Группа мастера Миронова.

старанием на своем месте, думал об общем успехе, содействовал ему. И вот на помощь молодежи завода пришли комсомольцы ремесленного училища. Собрались два комитета комсомола — завода и училища — и сообща обсуждали, как выполнить почетное обязательство. Шел страстный разговор о том, что мешает молодым рабочим давать высокие показатели. Говорили о срывах в ритме поступления деталей, о плохом качестве инструмента, о недисциплинированности отдельных ребят. Комсомольцы училища решили посмотреть, как работают на заводе недавние выпускники, чем им нужно помочь.

Огонь битвы за план загорелся не только в заводских цехах, но перекинулся также и в мастерские училища.

— Прежде всего выполнить досрочно годовой план учебно-производственных заказов. Это — различный инструмент на 725 тысяч рублей. А к концу года дать инструмента еще на 100 тысяч рублей.

— Экономить. Бережно расходовать электроэнергию, смазочные и обтирочные материалы. Комсомольский поход за экономию продолжается с новой силой, чтобы сберечь государству еще 10 тысяч рублей.

Комсомольцы училища не раз слышали, что «Калибр» славится не только своим безупречно точным инструментом, но и тенистым садом, раскинувшимся у заводских цехов. Сад — каждое его дерево и кустик — вырастили заботливые руки рабочих, привыкших упорным трудом доводить поверхность металла почти до идеально гладкого состояния.

И комсомольцы училища подхватили этот почин старшего поколения рабочих. Они решили посадить вокруг здания своего училища 250 деревьев. На следующий год придет новое пополнение, и сад еще больше расширится.

В каждой группе училища ребята принялись изготавливать подарки юбиляру — комсомолу ко дню его славного тридцатилетия.

— Мы сделаем макет нашего кабинета технологии, — заявили учащиеся групп мастеров Миронова и Фролова, всегда старающиеся обогнать друг друга в борьбе за знамя и первенство.

— А мы оборудуем выставку изделий наших ребят, — пообещали токари из группы мастера Герасимова.

Девушки взялись за вышивки, молодые художники — за эскизы картин.

Только токари из группы 2-Ж молчали. Их никто не торопил, не укорял, но на них смотрели с недоумением.

А ребята из группы 2-Ж молчали потому, что им нечего было сказать. Им хотелось придумать особенный подарок, непохожий на подарки других.

И вот пришел день, когда они с торжеством заявили:

— Придумали: мы выточим комплект шахмат в подарок пионерам подшефной школы.

...И в заключение мы хотим рассказать один небольшой эпизод из тех, что часто происходят в жизни училища.

После окончания учебной четверти в училище собираются родители. Им рассказывают об успехах и неудачах их детей. На одном из таких собраний поднялся демобилизованный офицер Чемоданов и с радостным недоумением сказал:

— Знаете, товарищи, не узнаю своего сына, просто не узнаю... Такой был беспокойный паренек, а теперь вот стал ремесленником, поступил в комсомол, в вечернюю школу. На глазах растет парень. И вырастет, я надеюсь, хорошим человеком...

ЭТО БЫЛ ДАР ДУШИ

Р. Фраерман

ВЕРА Катилина — мастер одного из московских ремесленных училищ — была вызвана к помощнику директора по культурно-массовой и воспитательной работе ровно к 12 часам.

Она пришла во-время и остановилась у двери кабинета, безмолвно ожидая распоряжений.

И пока она ждала, я мог разглядеть ее и удивиться необыкновенной юности этого прославленного среди ремесленников мастера.

На вид ей было лет семнадцать — не более, и только присутствие какой-то настороженности и даже напряженности во взгляде ее небольших светлых глаз подсказывало, что, пожалуй, ей будет побольше и, что уж во всяком случае есть у нее на душе обязанности и заботы.

Она стояла спокойно, ни о чем первая не спрашивая, и во всей ее невысокой фигурке, облаченной в черную форменную тужурку с блестящими пуговицами, в молчаливости ее ожидания, в аккуратности, с какой она явилась как раз во-время, чувствовалась сильная привычка к дисциплине.

Нас познакомили.

— Вот наш мастер, — сказала мне помощник директора Раиса Михайловна, — она вам расскажет обо всем, что вас может заинтересовать в нашем училище.

Но, по совести говоря, больше всего заинтересовала меня сама мастер Вера Катилина.

Бывшая ученица этого же ремесленного училища, она прекрасно закончила его, прошла курсы мастеров и вернулась в свой собственный цех, в свои собственные классы уже воспитателем, чтобы научить таких же юных, как она, мальчиков и девочек, собранных с разных концов страны, сложному ремеслу токаря по металлу.

В свое время, когда Вера еще училась, она точила вместе со своими школьными товарищами заготовки для мин. Но в ту пору, когда мы посетили училище, ученики делали уже другие детали, самые невинные детали для обыкновенных токарных станков — Т-65. Мирный труд давно уже занимал их руки.

Мы прошлись с Верой по цехам и классам.

В просторных, светлых комнатах рядами стояли станки, за которыми ученики-ремесленники сверлили, резали сталь и железо.

Всюду царил шум, обычный для мастерских в утренний час. И резкий звук металла часто покрывал голос мастера, который показывал тому или иному ученику, как закрепить деталь в станке или как правильно поставить резец.

Ученики были все больше мальчики лет четырнадцати, пятнадцати — стриженные, круглоголовые, — рязанские, тульские, реже попадались и московские.

Вера Катилина выглядела не на много старше своих учеников.

На стене, над станками в каждой группе висела стенная газета, где разноцветными кружками и флажками, будто движение войск и результаты сражений, отмечались успехи учеников по теории и производственной практике.

Я заглянул в газету группы Веры Катилиной. Газета называлась «Патриот». Она была разрисована просто, но старательно, с особой тщательностью и вкусом.

Газету свою ребята, должно быть, любили и занимались ею ревностно, с усердием, так как и сама Вера Катилина давно уже была комсомолкой и комсомольцами были ее молодые ученики. Она с некоторым удовольствием, но молча секунду-другую, глядела на свою газету. То был плод ее общественной работы.

Я посмотрел на отметки учеников, указанные в газете. Взгляд мой упал сначала на первую половину года. Успехи учеников были хорошие, даже отличные, лучше, чем в других группах. Выделялся лишь Володя Емельянский: его отметки были из рук вон плохи.

Я указал на его фамилию.

Вера поморщилась сначала, потом улыбнулась.

Должно быть, этот маленький Володя Емельянский был одновременно и ее мучением и ее гордостью.

Затем она показала мне на другой график, где во второй половине года против фамилии Володи стояли отметки хорошие — четверки и даже пятерки.

Вера Петровна Катилина — молодой мастер производственного обучения ремесленного училища № 12.

Я оглянулся вокруг, желая его увидеть, но Емельянского не было. Группа Катилиной в этот момент занималась наверху в классах.

Я все же был удивлен.

— Вы хороший воспитатель, — сказал я, — если так легко исправили этого лентяя.

— Я не легко его исправила, — ответила Вера, — мне вообще ничего легко не дается.

В голосе ее вдруг почувствовалась жалоба, которую она тотчас же постаралась скрыть.

Она добавила.

— Мальчик своевольный, распушенный, дома им не занимаются. Отец в семье не живет. Для нас, воспитателей, хуже всего, когда в семье плохо. Я его устроила в общезнания.

— Вы, должно быть, ласковая со своими учениками?

— Нет, я строгая.

— Как? Почему же строгая?

— Потому что я слишком молода. Но я мастер. Они должны чувствовать мою силу, мои знания, мое превосходство.

— Ну и что же? Они чувствуют это?

— Теперь чувствуют. Сейчас у меня группа мужская, все мальчики, с ними легче.

— Разве с девочками труднее? — спросил я с удивлением.

— Да! Мне с девочками было труднее.

Меня заинтересовало это признание мастера, которая недавно сама была девочкой, и я просил ее рассказать о своих первых уроках.

Вера неохотно начала свой рассказ. Должно быть, эти воспоминания были для нее тягостны.

Но по мере того, как мы ходили с ней по длинным коридорам училища, по его просторным цехам, по тихим классам и кабинетам, куда не доносился шум станков, рассказ ее становился все подробнее и душевнее. Привязанность к своему труду, к своей профессии и к этим классам, к этим цехам, наполненным работающей молодежью, постепенно раскрывала уста Веры Катилиной, она изменила своей молчаливости...

Когда она вернулась в свое училище мастером, ей было только семнадцать лет.

Еще шла война, еще все работали для войны, все жили ею, и в каждом движении жизни чувствовалось ее присутствие и голос.

Группа, куда была назначена мастером Вера Катилина, состояла из девушек. Самой младшей из них было столько же лет, сколько и самому мастеру. Другие были куда старше. Все они прибыли из разных мест — кто из Вологды, кто из Рязани, кто из Ленинграда, эвакуированные, разбросанные, в ту пору еще не устроенные, дети войны.

Многие из них незадолго до этого, наверное, собирались бежать на фронт, другие мечтали стать летчиками; боевые опасности и подвиги

манили к себе больше, чем всякая другая жизнь. А приходилось сидеть в классах, строиться перед цехом в линейку, стоять у станков и точить заготовки для мин.

Вел группу мастер Березин. Это был еще молодой и на вид привлекательный парень, но воспитатель плохой, нетребовательный и равнодушный к своему мастерству. Твердости у него не было никакой.

Может быть, именно это обстоятельство помешало новому мастеру Вере Катилиной вступить в свои обязанности спокойно.

Когда группу выстроили перед цехом и старший мастер представил им их нового руководителя, многие не поверили этому. Как, у них не будет больше Березина? Нельзя будет больше бегать с уроков, шуметь, разговаривать в цехе... Трудно было с этим примириться. Но это была действительность.

Перед строем стоял вовсе не Березин, как обычно, а совсем молодая девушка, моложе чем они сами, русая, со светлыми глазами, и молча ждала, как они ее примут.

Они приняли ее враждебно.

Она сказала:

— Мы будем хорошо учиться с вами и хорошо работать. Я так думаю, я токарь, и могу вас научить быть тоже неплохими токарями.

Среди девушек раздался смех. Кто-то из учениц громко фыркнул. Остальные шумно вошли в цех, болтая меж собой, не дослушав даже последних слов нового мастера.

И это не предвещало Вере Катилиной ничего хорошего.

Началась та незримая и тайная война между группой и ее мастером, тот упорный поединок, в котором Вере надо было обязательно победить, иначе какой же она мастер, воспитатель и комсомолка?

Что и говорить, в душе она испугалась этой встречи, но ни страха, ни заискивания перед своими буйными ученицами не выразило ее лицо. Оно было спокойно.

Она отдала приказ стать по своим местам и приступить к работе.

Однако лишь в первую минуту «война» показалась ей незримой. В следующую минуту она увидела ее лицом к лицу.

Ученицы подошли к станкам, но ни одна не приступила к делу.

Так прошел целый час.

Вера приблизилась к станку ученицы Мальцевой — низкорослой девушке из Вологды, взгляд которой показался ей наиболее упрямым. Это она на линейке первая громко фыркнула и рассмеялась.

— Почему ты не приступаешь к уроку? — спросила Вера. — Может быть, ты не знаешь, как закрепить деталь в станке? Я могу тебе показать.

— Мы все равно не будем работать, — ответила Мальцева.

— Почему же это?

Мальцева молчала.

Вера не дождалась ответа и тоже молча отошла.

Она подозвала к себе старосту Остроумову и комсорга Козлову.

По замкнутому выражению на их лицах Вера отлично поняла, что те, кто должен был ей помогать, были тоже против нее. Что же им сказать? О чем спросить? И хорошо ли это для мастера — в первый же день обращаться за помощью к другим. Надо было справляться одной.

И она ничего не сказала ни комсоргу, ни старосте, только велела им начать работу.

Больше она никого не уговаривала.

Так прошел ее первый день в цехе. Страшный для нее день. Оставят ли ее в училище, раз она не справилась со своей задачей? Сможет ли она вообще быть мастером? Что с ней будет дальше? Ведь и в другом месте и в другом училище может встретиться такая же непокорная группа.

Она собрала все свои силы, чтобы не выдать отчаяния, которое наполняло ее душу.

Ей это удалось.

С виду она была попрежнему спокойна. Никто из учеников не мог бы заметить волнения на ее лице.

И только в кабинете Раисы Михайловны, — в комнате со строгим кожаным диваном и телефонами, куда Вера раньше, в дни своего ученичества, прибегала со своими детскими горестями, неудачами и обидами, она теперь громко разрыдалась.

Но она пришла поздно.

На столе у директора уже лежало заявление от всей группы, написанное старостой и комсоргом.

Группа просила сменить Катилину и оставить старого мастера.

— Ты сделала ошибку, — сказала Раиса Михайловна. — Прежде чем приходить к своей группе, тебе надо было бы сначала поговорить с комсоргом, со старостой, с комсомольцами и через них воздействовать на остальных.

— Нет, все равно у меня ничего не выйдет, — ответила Вера, продолжая плакать. — Они уже ненавидят меня.

— Вздор. Надо быть комсомольцем и тогда, когда тебя постигнет неудача, — сказала Раиса Михайловна.

Эта женщина была уже немолодым педагогом и немолодым членом партий. Она приняла первые волнения своего юного мастера совершенно спокойно.

— Мы воспитывали тебя и обучали не для того, чтобы видеть твои слезы. Ты неплохой, способный мастер, но чтобы стать настоящим воспитателем и настоящим комсомольцем, тоже нужны свои способности и знания. Они приобретаются не слезами, а трудом и упорством. Группу надо исправить. И ты это должна сделать. Там тридцать человек. Не все такие, как Мальцева или Соколова. Иди, собери свою группу.

Но группа выстроилась уже сама у дверей цеха, в коридоре и ждала директора Бориса Александровича.

Он пришел вместе со старшим мастером.

Еще не старый человек, опытный педагог, он решил: группу надо сделать сильной, успевающей.

— Остроумова, — спросил он у старосты, — в чем дело? Что у вас тут происходит?

Остроумова — девушка с медлительными движениями, но с быстрыми глазами, которые выдавали все ее лукавство, — вышла вперед и попросила разрешения говорить.

— Группа просит оставить нам старого мастера.

— К вам назначен новый мастер Вера Катилина. Мы ее знаем. Чем она плоха? — спросил директор.

— Мы не будем ее слушаться...

— Почему?

— Потому что она моложе нас.

— На войне, — сказал Борис Александрович, — где народ наш сражается сейчас с врагами, старые бойцы идут в бой на смерть под командой своих молодых командиров. Многие из них — их собственные сыновья. Но они слушаются их, потому что те знают больше в военном деле. Что было бы, если бы солдаты рассуждали так же, как вы? Разве мы победили бы врага? Ваше ученье — тот же фронт. Группа стоит на последнем месте.

Все, что сказал директор, была правда.

И все-таки они не любили Веру.

Каждый день для нее был тяжким испытанием. Иные плохо работали, иные убегали с занятий в кино.

Но в цехе она держалась твердо. Терпеливо объясняла урок, сама становилась к станку, показывала, как запускать мотор, как точить деталь.

Лишь по ночам, дома, где приходилось ей еще помогать матери шить на фабрику детские платья, чистить картошку, стирать белье, она иногда среди работы глубоко задумывалась, стараясь отыскать в себе способности стать хорошим воспитателем и хорошим комсомольцем. Нельзя же все время бегать в кабинет к Раисе Михайловне или жаловаться директору!

Но с кем же тогда поделиться своим горем?

Она вспомнила о подруге. Ее звали Тасей. Они вместе учились на курсах мастеров. И вот она села за стол в тишине, глубокой ночью, и через силу, преодолевая свою дневную усталость, написала ей письмо.

В письме было все, что можно написать только подруге.

Излив свое горе перед подругой, она как будто облегчила его.

А письмо унесла с собой в цех, чтобы потом купить марку и отослать его.

И в тот же день оно исчезло из группового журнала. Она даже не заметила этого, забыла за работой о нем, ей казалось, что она давно уже опустила его в ящик.

Прошло несколько дней, прошла неделя, две, — ответа от подруги не

было. А в цехе стало еще напряженной. Даже те, которые слушались ее раньше, стали враждебно поглядывать на нее.

Однажды она услышала, как Мальцева повторила целую фразу из ее письма.

Она догадалась, что ее письмо попало в чужие руки. Ярость охватила ее.

Она пошла к Мальцевой и спросила:

— Кто взял мое письмо?

— Все равно, кто взял, — дерзко ответила Мальцева.

— Пока вы не скажете, кто взял письмо, я заниматься с вами не буду.

Она сказала это в страшном гневе и не в силах унять бури, которая хлопотала у нее в душе, быстро вышла из цеха.

И вот она снова в кабинете с кожаным диваном.

Но теперь она даже не смеет плакать перед Рансой Михайловной. Она только дрожит от обиды и гнева.

Тяжело труд мастера.

— Ты сделала вторую ошибку, — сказала ей Раиса Михайловна, — мастеру так поступать нельзя ни в гневе, ни в раздражении. Если педагог сам не умеет владеть своими чувствами, то как же он научит других побеждать свои слабости? Позови ко мне старосту, Марию Остроумову. Она тоже комсомолка, и не она одна. Они должны все-таки сказать, кто взял письмо, и осознать свою ошибку. Тогда это будет по-комсомольски. А после этого устроим собрание.

Мария пришла и долго беседовала с Рансой Михайловной, сидя на том же диване, на котором когда-то плакала Вера Катилина. Наконец, она сказала, кто взял письмо у мастера.

Это была все та же Мальцева и еще другая ученица Соколова.

Два дня после этого шло собрание комсомольцев и всей группы. Шло оно без начальства, с откровенностью, на какую только способна молодость, когда обращается к своей собственной совести.

Группа в самом деле из рук вон слаба. Ни разу к ней не попадало переходящее знамя. При старом мастере даже не знали, как правильно стоять у станка. А теперь Лихачева и та стала вон как работать — браку не делает. А что некоторые плохо поступают — это верно. И новый мастер тут вовсе не причем. Несмотря на свою молодость, она помогла очень многим.

Так решило собрание по справедливости, и молодость мастера Веры Катилиной, юность ее, которая раньше даже ей самой казалась недостатком и препятствием для достижения полного мастерства, стала ее достоинством.

Вечером на линейке перед цехом выступили из строя Мальцева и Соколов и сказали, что письмо взяли они и просят мастера простить их в этом.

Вера простила и приказала разойтись.

Все послушно и тихо разошлись.

С тех пор многое изменилось в группе. Изменилось кое-что и в самом молодом мастере — Вере. Она стала опытней, спокойней, научилась угады-

вать добрые зачатки в человеке, которые в будущем помогут ему хорошо трудиться и жить. Она стала частым гостем в общежитии у девушек своей группы. Она узнала, что Лихачева хоть и ленива, но и из нее может выйти прекрасный токарь с точным глазом, что у Мальцевой и Соколовой есть тоже свои горести, и что с обеими следует заниматься после уроков; что Рожковой надо помочь по теории. Много новых забот прибавилось новому мастеру. Долго, очень долго не уходила она по вечерам домой, то оставалась в цехе, то после уроков помогала отстающим. Она требовала много и от самой себя и от других. Но на нее не обижались более, так как чувствовали в каждом ее порыве Глубокую привязанность к труду и сами привязывались к нему.

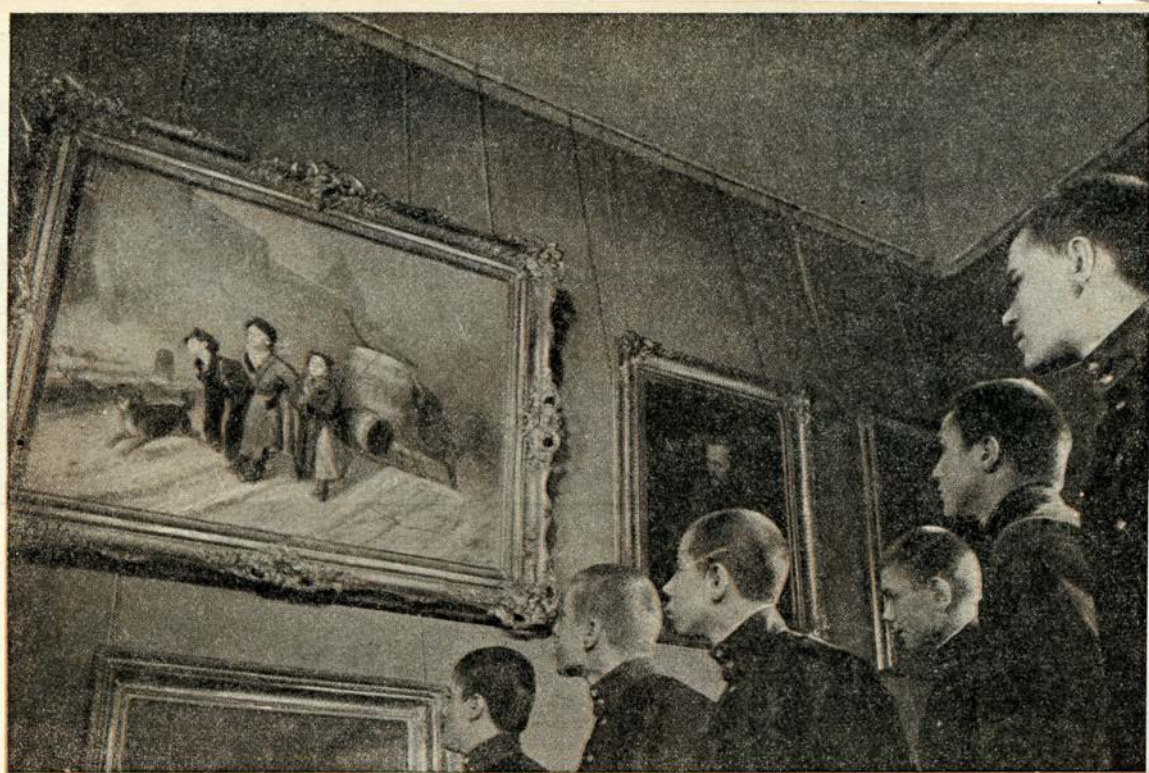
В течение первой же четверти группа вышла на второе место по училищу и до конца потом держала переходящее Красное знамя в своих руках. Вся группа стала комсомольской.

А на выпускном празднике, когда актовъй зал был разукрашен и в старых стенах училища гремела музыка, те же девушки, что так враждебно встретили своего нового мастера, чествовали его теперь с таким прекрасным чувством, что даже старые мастера завидовали.

— Что можно было бы ей подарить на память? — думали вологодские и рязанские девушки, уже молодые токари разных разрядов. Они долго спорили между собой, какой нужно сделать подарок мастеру, и подарили ей духи, кружевной платочек, коробочку пудры, потому что все-таки она была еще юной девушкой, и пригласили ее с собой в кино, чтобы вместе посмотреть картину «Молодость нашей страны».

Но эти скромные девичьи подарки были для мастера Веры Катилиной дороже иных драгоценностей.

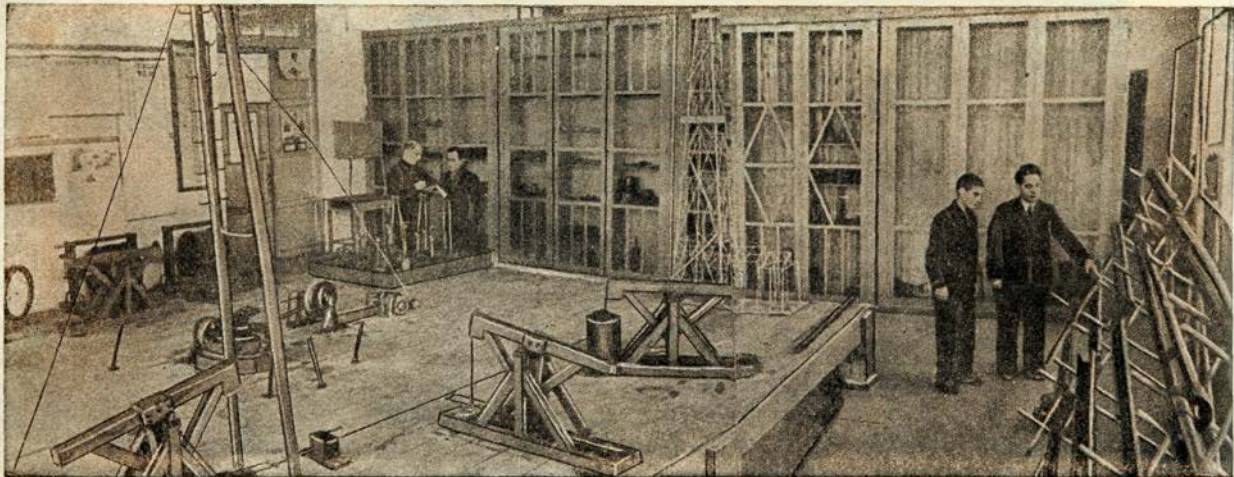
Это был дар души. Это был знак победы на пути мастера — комсомольца, учителя и воспитателя.

В ЧАСЫ ДОСУГА

Вверху — у картины Перова «Тройка» в Третьяковской галерее.
Внизу — киевское ремесленное училище № 36. Воспитатель Н. П. Усов беседует с учащимися.

НЕФТЯНИКИ

В исторической речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы товарищ Сталин указал, что в течение ближай-

ших 15 лет наша нефтяная промышленность должна производить ежегодно до 60 миллионов тонн нефти.

В ремесленных училищах подготавливаются высококвалифицированные кадры нефтяников—операторы по добыче, буровщики нефтяных и газовых скважин, лаборанты-аналитики для нефтеперерабатывающих заводов.

Операторам по добыче нефти предстоит регулировать работу скважин, ухаживать за оборудованием, предупреждать его преждевременный износ, уметь организовать труд по-стахановски. Не менее серьезную работу выполняют и буровщики скважин.

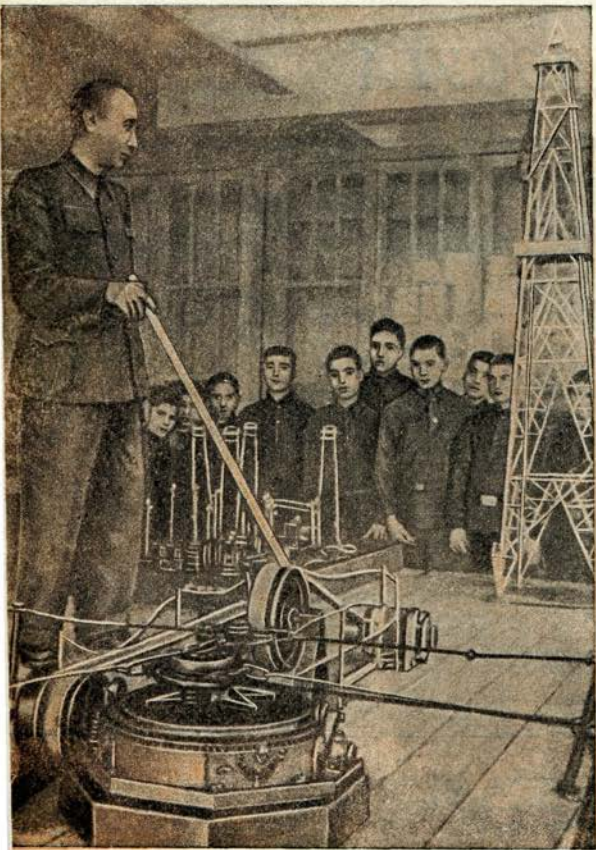
Нефтяники должны уметь проникать в тайны строения земной коры, а для этого нужно знать элементы геологии.

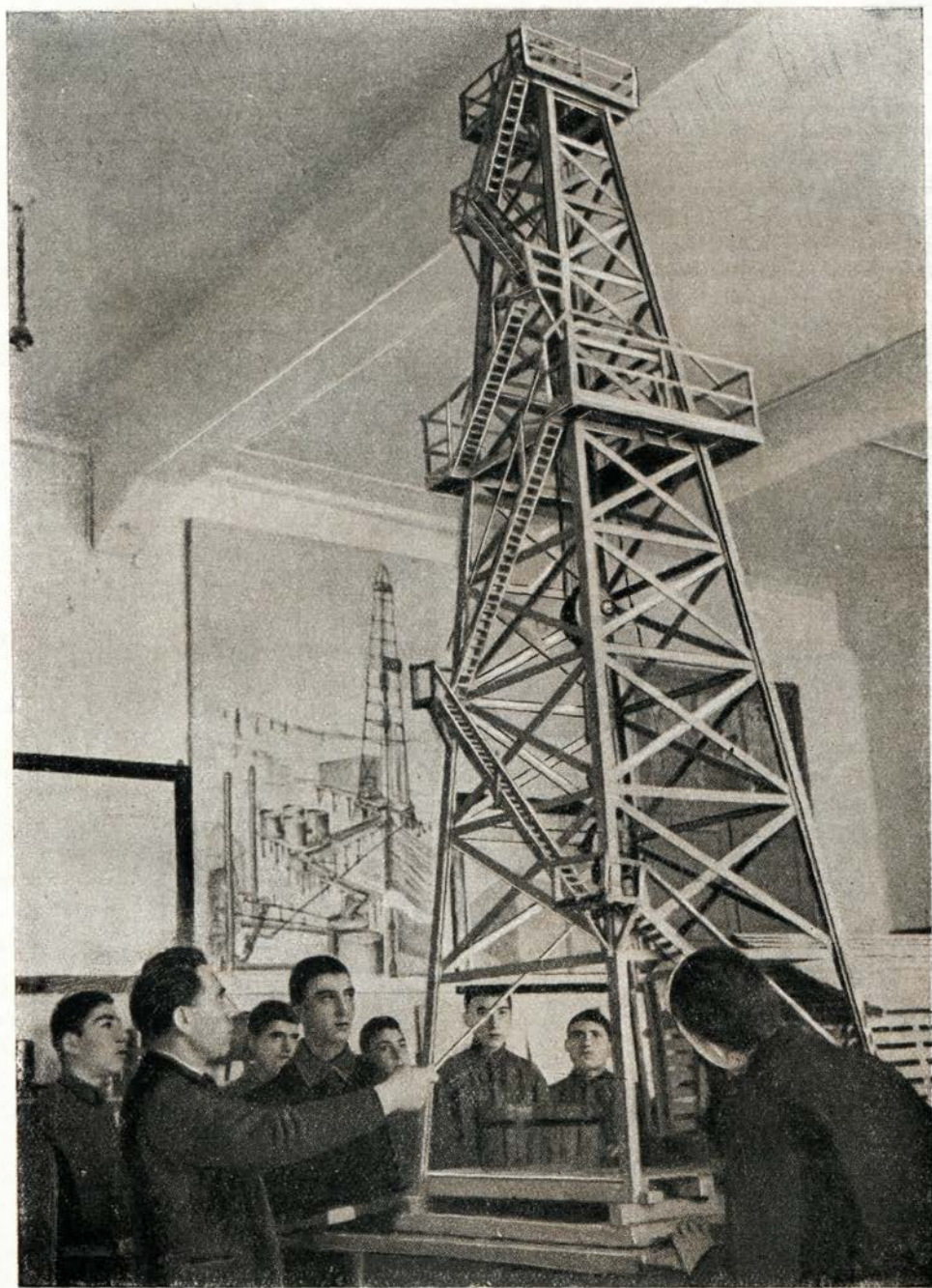
Учеба нефтяников связана с овладением современными машинами и механизмами.

В Бакинском ремесленном училище № 1 образцово организован кабинет по бурению нефтяных скважин и кабинет по добыче нефти. Карты, макеты с разрезами, образцы пород служат прекрасными пособиями для ознакомления учащихся со строением земной коры, горными породами, залегами нефти.

На снимках: вверху — кабинет по добыче нефти ремесленного училища № 1 (Баку).

Слева — кабинет бурения нефтяных и газовых скважин ремесленного училища № 1 (Баку).

В кабинете по добыче нефти.

СТРОИТЕЛИ

Каждый день на стройки наших городов поднимаются тысячи каменщиков, штукатуров, облицовщиков.

Имена Федоса Шавлюгина, Николая Ольшанова, Ивана Кутенкова, Ивана Ширкова, Василия Бородкина и многих других замечательных советских строителей широко известны в нашей стране.

Сколько тысяч москвичей живет в квартирах, построенных Федосом Шавлюгиным, смотрит спектакли в театрах, возведенных им и его товарищами. Сколько детей учится в школах, стены которых выложил старый кадровый строитель!

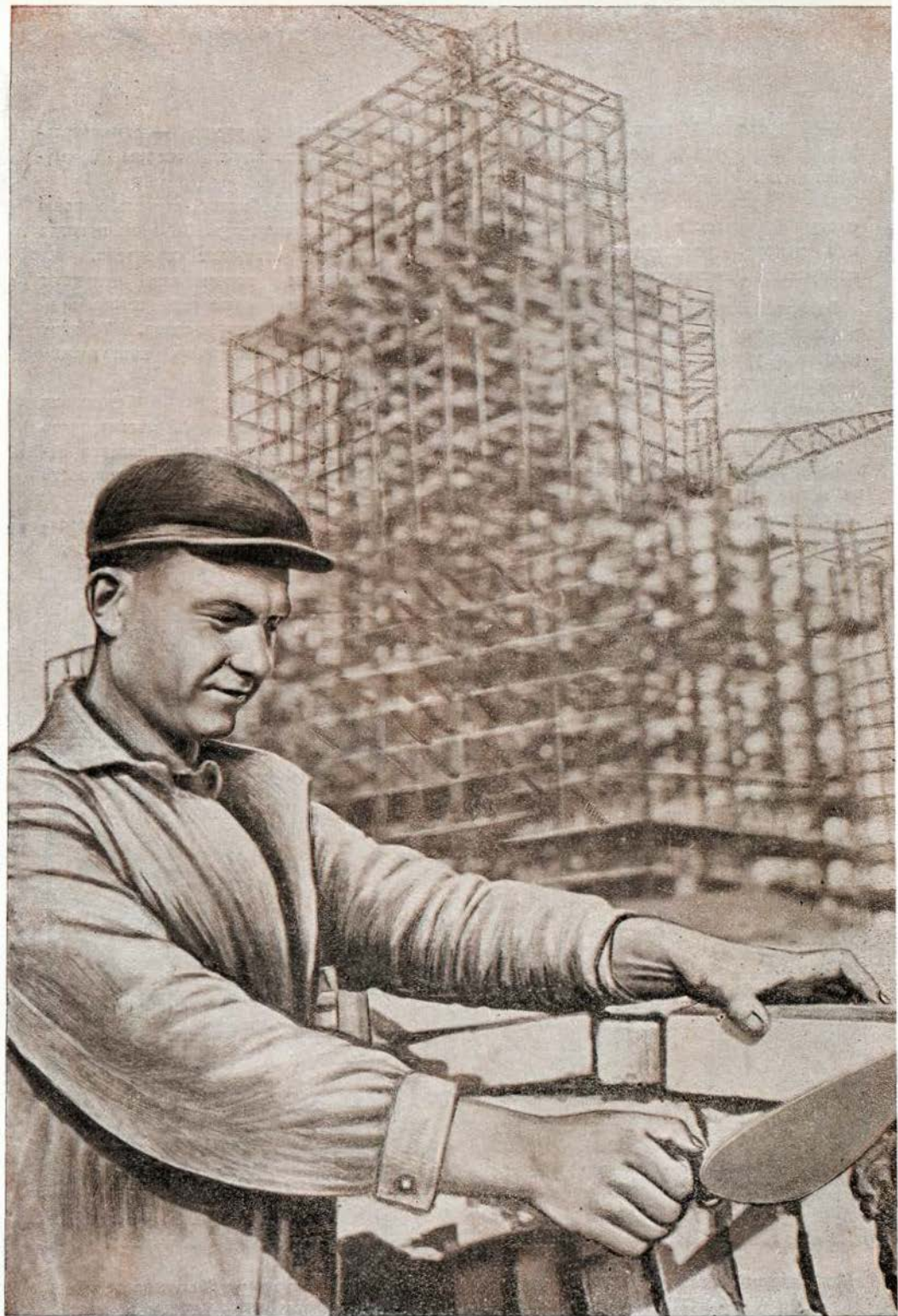
А рядом со старыми мастерами, славой которых гордится наш народ, мы видим молодых строителей.

Вот на снимке молодой каменщик. Это — Василий Бородкин. Два года назад он не имел еще никакой специальности. Решив стать каменщиком, пятнадцатилетний паренек поступил тогда в московскую школу ФЗО № 28. Василий не имел еще полного представления об избранной им профессии. Но он искренне хотел овладеть ею и мечтал как можно скорее стать настоящим мастером своего дела.

Восемь месяцев пребывания в школе дали Василию Бородкину право работать каменщиком 5 разряда. Спустя год он был уже старшим каменщиком бригады, которой руководил известный всей стране строитель Михаил Дмитриевич Козин.

Мастер школы ФЗО № 34 П. С. Карташов показывает учащемуся сборку переплетов из готовых горбыльков.

Молодой каменщик Мострудрезервстроя комсомолец Василий Бородкин.

— 7 июля 1948 года. Этот день надолго останется в памяти Василия. Московские газеты сообщали, что бригада Михаила Козина выполнила за смену 16 дневных норм, перекрыв прежний рекорд, установленный знатным сибиряком Максименко.

Василий Бородкин давно перенял передовой опыт знатных строителей. Свои знания и умение он старается сейчас передать строителям, которые укладывают не миллионные, а всего лишь первые кирпичи.

Твои заказчики, строитель, — это ткачи и металлисты, машиностроители и танкостроители, твои товарищи по труду и дети, которые будут учиться в шко-

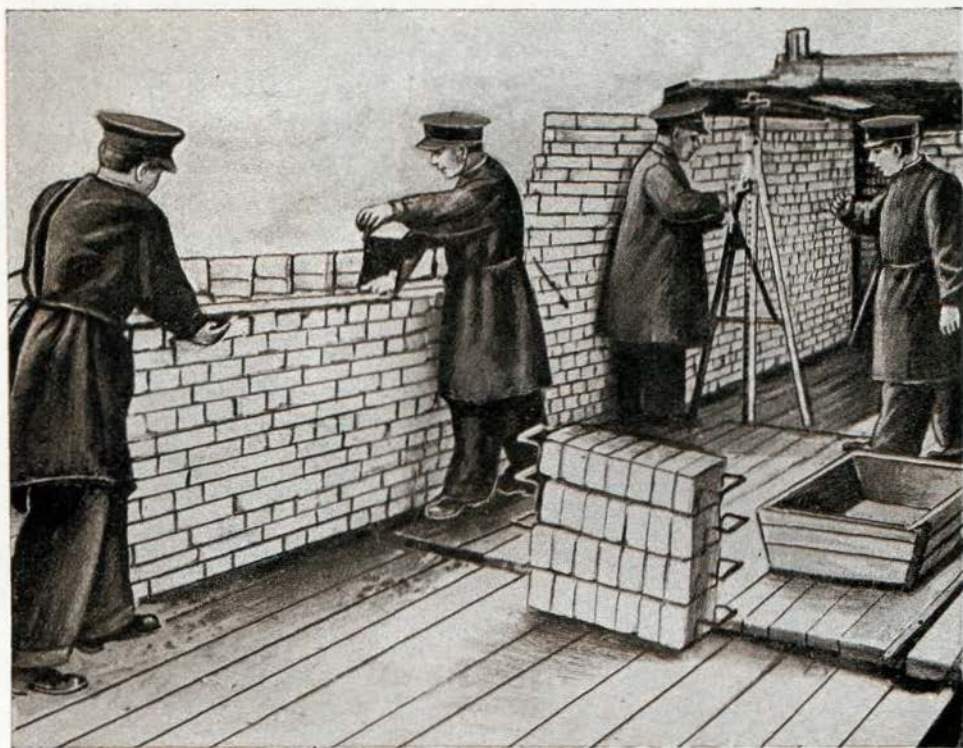
лах, инженеры и ученые — замечательные советские люди, творцы коммунизма.

Надо строить быстро, строить хорошо для таких заказчиков. Об этом никогда не забывают советские строители.

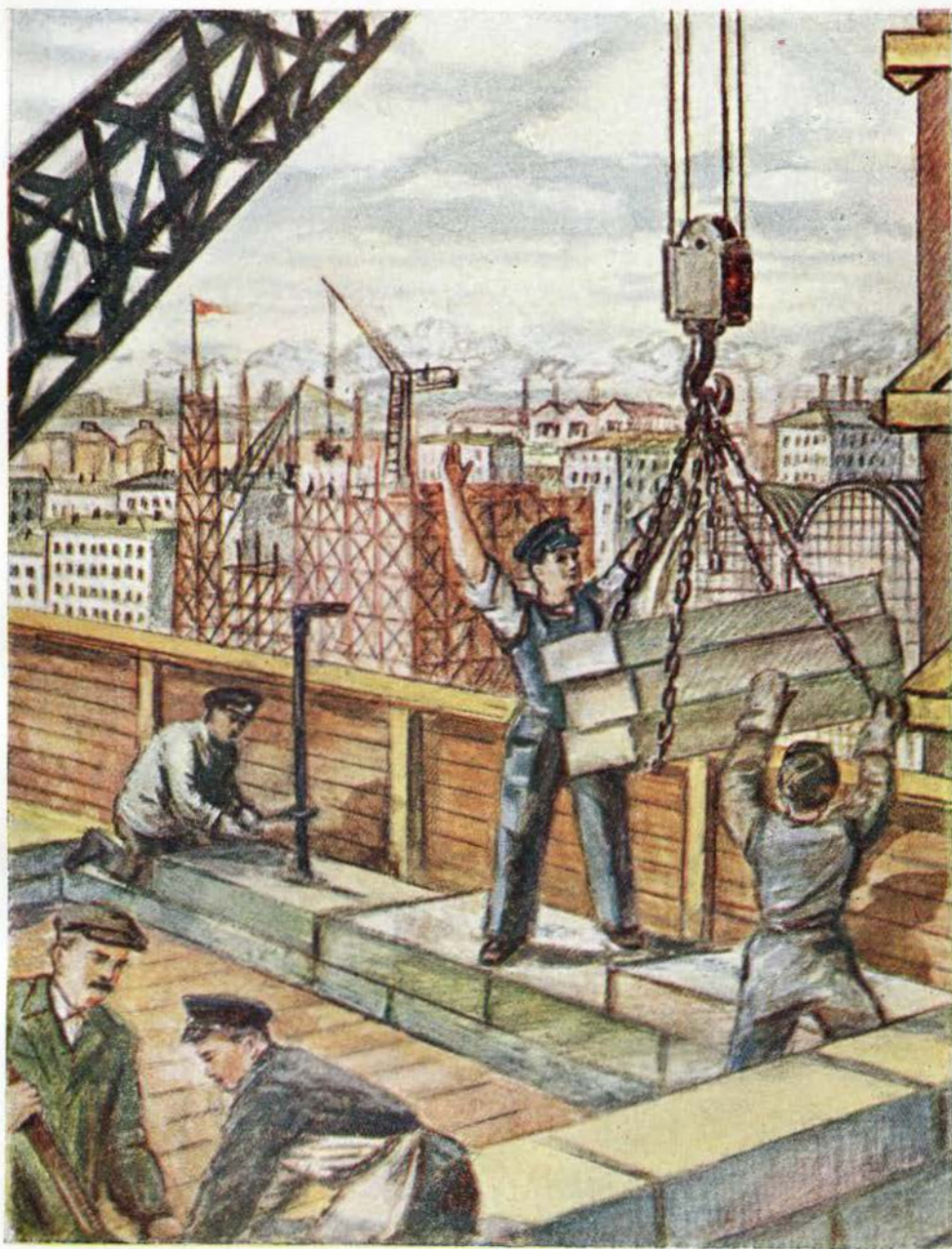
С каждым годом они получают все больше и больше механизмов, приспособлений и инструментов. Технику эту нужно использовать как можно полнее.

И маляры, и плотники, и бетонщики должны настойчиво совершенствовать свои знания, совместно добиваться непрерывности, наибольшей слаженности производственных процессов.

Жизнь учит, что только так строители смогут добиться прочных успехов.

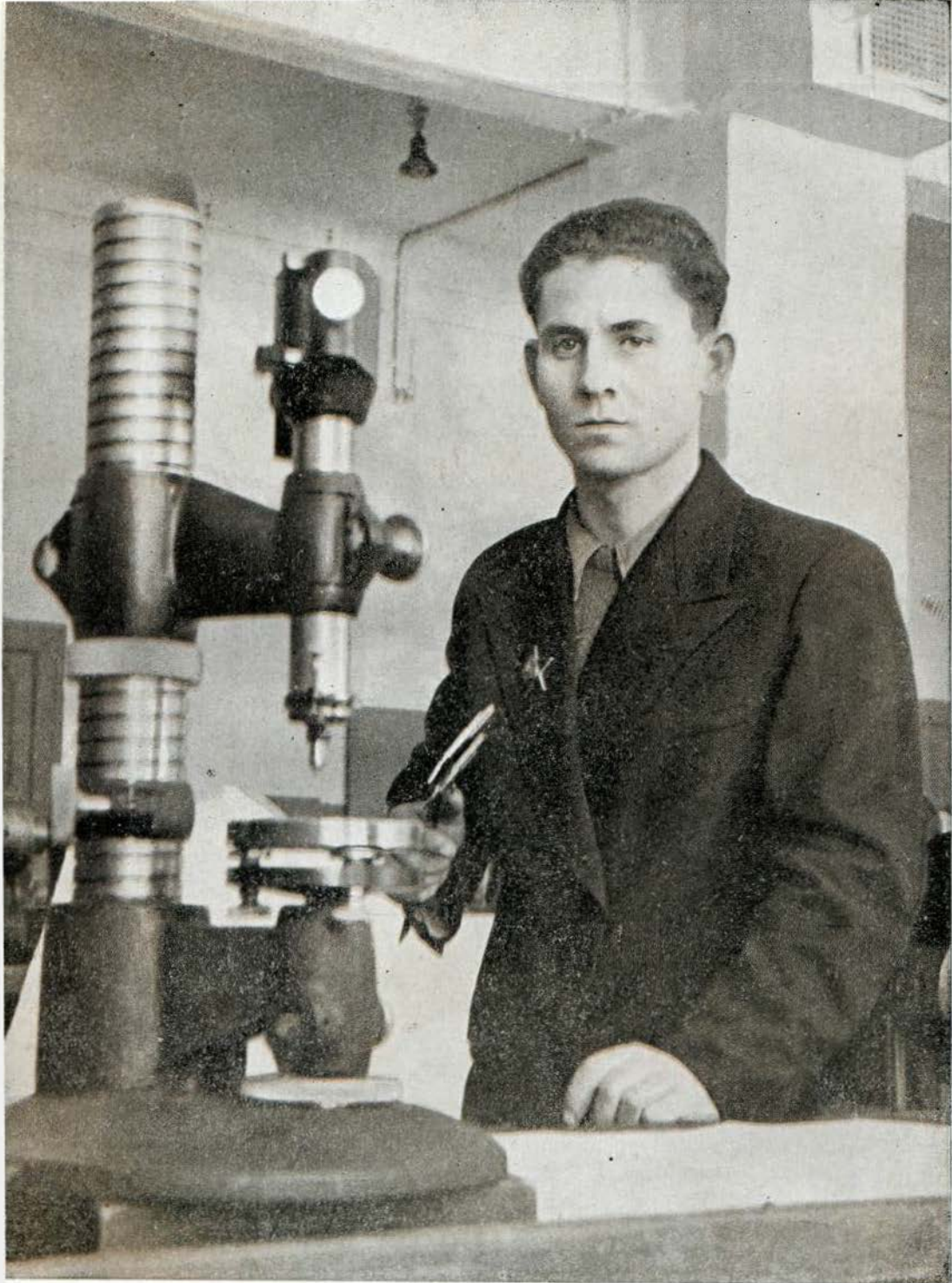

Московская школа ФЗО № 34 строителей — одно из многих учебных заведений трудовых резервов, где учащиеся применяют новейшие приспособления.

Подача кирпичей на стройку при помощи транспортера.

Мастер инструментального цеха оптико-механического завода Федор Дуданов, бывший воспитанник ремесленного училища. За освоение участка прессформ в 1947 г. он награжден орденом «Красная Звезда».

МОЛОДЫЕ ИЛЬИЧЕВЦЫ

Елена Кононенко

I

ТО было в Великую Отечественную войну на заводе имени Владимира Ильича.

Казалось, большего напряжения быть не может, невозможно... Молодые ильичевцы, недавно переступившие порог ремесленного училища, едва добирались до жилища, до постели, и мертвый сон валил их с ног. Вот уж поистине—мертвый,—никаких сновидений. Впрочем, на утро, в обеденный перерыв, они рассказывали свои волшебные сны, но все знали, что они сочиняют.

И подумать только, что им мерещилось: карусели и байдарки в парке культуры и отдыха, вальс на залитой светом Манежной площади, футбольные матчи, ореховая халва...

Пожилые рабочие устало, но добродушно смеялись, слушая их болтовню.

Старый литейщик дядя Яша внимательно поглядывал на бледноватые лица «ремесленников» (их продолжали так называть, хотя они уже влились в ряды рабочего класса), на голубые тени под яркими, воспаленными глазами.

Нежность заливала его сердце. Но он говорил строго:

— Гляди, вон какой ты, а уж рабочий паек получаешь. То-то и оно. Я рабочий паек получаю и ты. А я пятьдесят лет с гаком на заводе. Чувствуешь ты это или нет, какое у тебя звание?

— Чувствую! — отвечал «ремесленник», весело поднимая вверх круглый подбородок.

— Так чего же тебе такой стыд снится?

— Дядя Яша! Да ведь хочется всего этого!..

— Стыд, стыд, — упрямо повторял старик, а сердце его горько улыбалось: господи, да какой же это стыд — качели эти, карусели, — полвека отдал жизни своей для их счастливой юности...

Дядя Яша хмурил брови: «У, мразь фашистская, супостаты гитлеровские, жадные! Как хорошо было до войны, как все славно наладилось...»

Счастливым человеком дядя Яша — старый литейщик Яков Михайлович Веселов. Он видел Ленина. Это делало дядю Яшу в глазах ребят каким-то гигантом. У дяди Яши никогда не болит поясница, ему никогда не хочется спать, ему никогда не снятся пирожные.

И утром и ночью, одинаково бодрый, свежий, строгий, работает он один за четверых. В грозный час, когда враг рвался к Москве, он на мерзлых дровах плавил металл и вообще делал всякие чудеса.

...То были тяжелые, но героические дни, — они напоминали старшему поколению дни гражданской войны, а в молодых будили силу.

Утром, проходя по заводскому двору, дядя Яша подолгу стоял возле статуи Ленина...

Рядом с ним вертелись «ремесленники».

Дядя Яша вспоминал Ленина и волновался.

Вот тут Владимир Ильич держал речь к рабочим, как советскую власть сбережь... Вот тут, в этом месте, он потрепал по голове мальчонку, что попался ему на глаза... Вот тут он быстро-быстро прошел несколько раз из угла в угол, словно о чем-то размышляя, и в глазах его вспыхивали острые зарницы... И сердца всех рабочих, в том числе дяди Яши, разрывались от любви к этому человеку. «Ильич! Все вынесем, все сделаем!» — сказали тогда рабочие.

И все вынесли и все сделали...

...Отдать теперь все это фашистской мрази? Гнуть спину на баронов и фабрикантов?.. Да не бывать этому!

Дядя Яша, разволновавшись, расстроено глядел на статую Ленина.

А Ильич улыбался прищуренным, знающим взглядом — хорошо так и светло.

«Эх, Яков, Яков», — упрекал вдруг сам себя старый литейщик, и, приосаниваясь, шептал:

— Будет сделано, Владимир Ильич!

И проворно счищал снег со статуи Ленина.

— Ну, что нахохлились? — вдруг нарочито сердито набросился старик на молодых ильичевцев, — выше голову-то держать надо. Дело скоро нам будет...

— Правда, дядя Яша? — оживились молодые.

— То-то и оно, что правда, а не кривда. Товарищ Сталин кривду не любит, — загадочно говорил старик. — Вот скоро экзамен будете дер-

жать на звание рабочего человека, погляжу, чему вы научились-то... Тут не только, дорогие мои, квалификация, тут дух рабочий нужен, твердость...

— А мы не боимся, дядя Яша, мы и под бомбежкой можем работать...

Старик усмехнулся. Юнцы ему нравились.

...Так и вышло, как думал дядя Яша. Пришел новый срочный заказ.

Никому он не показался невозможным, несмотря на то, что было мало людей, а с неба сыпались бомбы.

В цехах была стужа. Замерзала смазка. Ничего этого не замечали, выполняли сталинский приказ.

Вот тут-то и поняли «ремесленники», что такое настоящее социалистическое соревнование, о котором впервые узнали в училище. Вот тут-то и разгорелось оно и пламенем своим согрело озябшие человеческие души. И закалялись в огне соревнования девчонки и мальчишки, молодые ильичевцы, отогревая дыханием своим окоченевшие, распухшие руки.

Светлый облик великого Ленина и живой голос мудрого Сталина помогли людям преодолеть все препятствия, даже завоевать первое место в соревновании. Завод получил знамя Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Завоевать это знамя помогли и молодые ильичевцы, питомцы ремесленного училища завода имени Владимира Ильича.

В пламени соревнования родился часовой график. Работать по часовой стрелке! — фронт ждать не мог.

Каждый бросал горячий взгляд на доску показателей: — Вот что я сделал за этот час. Да, я сделал много. А фронт ждет еще, еще... Ползет часовая стрелка. О, как быстро она ползет!..

— Броня, мы хорошо работаем? — беспокойно спрашивали юные рабочие секретаря комсомольского комитета. — Наши наступают! Надо работать еще лучше, мы это знаем... Но, Броня, нам кажется, — больше уж сделать нельзя...

Да, им казалось: большего напряжения быть не может. И вот в разгар соревнования, во время наступления Советской Армии пришел еще более сложный заказ.

Выполнить его было трудно. Особенно все испугались за литейку. В литейке были нелады: нехватало людей. А новый заказ требовал необычайно усердной и непрерывной работы стерженщиков и формовщиков.

На заводе призадумались. Не только директор, не только инженеры, не только старые рабочие. Новички, «ремесленники», тоже думали... И поэтому никого не удивило, когда взволнованная Броня пришла в механический цех и от имени дирекции и комсомольского комитета предложила молодым станочникам временно пойти в литейный цех и «вытянуть» его в передовые.

Молодые ильичевцы примолкли... Уйти из чистых механических цехов в дымную, горячую литейку, на незнакомую работу, да еще там повести за собой других? Что же это? Как же все это будет?

— Вот оно, — говорил дядя Яша, — вот он вам и есть полный экзамен-то... Армия наступает, фронт ждет... Стало быть, никаких разговоров у рабочего класса быть не может.

— Кто, ребята, пойдет сегодня же в литейку? — спросила Броня. И они ушли из механических цехов в литейный...

На следующее же утро двое из них прибежали в комсомольский комитет и чуть не расплакались, как школяры.

Они признались, что после светлого механического цеха им страшно-вато и угарно в литейке, кроме того, их этому делу раньше не учили, и проклятые песочные стержни рассыпаются, как только к ним прикоснешься. Да еще к тому же некоторые пожилые рабочие подсмеиваются, — думают, что молодежь сняли со станков за провинность.

— Глупости... Воображение все это, — успокаивала Броня.

— Нет, не воображение. Жутко трудно. Мы этому делу не учились, — горячились молодые.

— Так что же, товарищи, значит — испугались, значит — не выйдет?

— Как это испугались! Как это не выйдет? — оскорбленно воскликнули молодые ильичевцы. И они ушли обратно в литейку.

Бригада юных формовщиков первые дни мучалась.

И вот вышли в самые передовые. Даже обогнали бригаду опытного формовщика Кирилко. Как это у них получилось, они и сами не знали, только счастливо улыбались.

— Да просто поняли...

— А что поняли?

— Да все поняли! Момент требует, вот и поняли.

Такие же успехи сделали и юные стерженщики и другие фронтовые бригады новичков. Литейный цех справился с работой. Завод выполнил заказ фронта.

Был большой салют в честь одной из крупных побед нашей армии. В небе вспыхивали цветные ракеты, слышались торжественные залпы орудий.

Старики и молодые выбежали из цехов во двор. Разгоряченные, потные смотрели на небо.

И кадровики и «ремесленники» стояли локоть к локтю.

— Вот оно, Владимир Ильич! Вот она, наша сталинская работа-то, — шептал, волнуясь, дядя Яша.

— Ну, «продукция», поздравляю... Экзамен выдержали, — подмигнул старик молодым ильичевцам, — ничего, ничего, есть в вас истинный рабочий дух... Толк из вас пожалуй что выйдет...

— Разве мы «продукция», дядя Яша?! — смеялись «ремесленники».

У них было светло на душе. Самые юные, которым снились во сне футбольные матчи и сладости, обнимали друг друга, охваченные ощущением настоящего счастья.

Великая Отечественная война окончилась.

А пятьдесят первое ремесленное училище, которое не прерывало своей деятельности всю войну, продолжало поставлять заводу свою «продукцию» — молодых рабочих, вооруженных той или иной нужной заводу профессией...

Был август 1946 года. Четыре юных товарища — Гриша Бахланов, Юра Гаврилов, Витя Дроздов и Витя Голиков распрощались с родным училищем. Это были уже не ученики. Это были люди с профессией, с путевкой в большую жизнь.

Сергей Иванович Краснов, мастер, которого очень уважали ремесленники, крепко пожал руку Грише Бахланову, одному из лучших своих питомцев.

— Ну, товарищ Бахланов, желаю тебе от всей души успехов в твоей рабочей жизни. У тебя есть все, чтобы проявить себя на заводе.

— Постараюсь, Сергей Иванович, только теперь уже не то... Если бы в войну пошел на завод, тогда бы уж я...

Гришины глаза сверкнули. Он даже слегка вздохнул.

Мастер улыбнулся и еще раз пожал руку выпускнику.

— И сейчас фронт, Григорий... Вот увидишь... Захочешь — и здесь будешь героем. Ну, счастливо, ребята! Рабочие места для вас на заводе готовы и обо всем договорено. Не волнуетесь?

— Нет! — пылко ответил Гриша Бахланов. — Чего волноваться. Мы уже во время практики привыкли к заводу, там уж все свое...

— Правильно. Все свое, — сказал Сергей Иванович, — бояться вам не придется.

А когда четверка юных слесарей бодрым шагом направилась к выходу, долго глядел им вслед и невольно думал о том, как широко теперь открыта для молодежи дорога к мастерству...

Завод встретил Григория Бахланова и его товарищей сердечно.

— У нас есть просьба, — сказал Гриша, — мы в училище вместе дружили и здесь бы нам вместе работать... Можно?

— Ну, что ж, уважим вашу просьбу, раз уж так вам этого хочется, — ответили им и приняли всю четверку в один цех, в одну бригаду.

Вместе они работают, вместе стенгазету «Вперед» выпускают, вместе ходят на футбольные матчи, в кино, в клуб на молодежные вечера.

...Я познакомилась с Григорием Бахлановым и его товарищами в знаменательные дни подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР. Мне рассказали о Бахланове, как об одном из лучших бригадиров. Да! Гриша уже был бригадиром комсомольско-молодежной бригады слесарей-сборщиков.

Хорошая взволнованность ощущалась в среде молодых ильичевцев. Приподнятость мыслей и чувств. Многим, в том числе Григорию Бахланову, только что исполнилось восемнадцать лет, они собирались впервые изби-

рать и им хотелось ознаменовать своё гражданское совершеннолетие яркими делами.

Коммунисты завода, старые кадровики подогревали это желание. Они говорили:

— Выборы — это событие не только в стране. Это — событие в вашей личной жизни. Вы станете настоящими, полноправными гражданами Родины, вы сможете о себе сказать громко — так, чтобы на всем земном шаре слышно было:

— Читайте, завидуйте: я — гражданин Советского Союза!

— Вот и готовьтесь притти к своему совершеннолетию такими, чтобы не стыдно было перед теми, кто завоевал для вас этот большой ваш день. Перед теми, кто дрался за советскую власть и умирал за нее на октябрьских баррикадах. Перед теми, кто дрался за нашу советскую отчизну в войне с фашистами, которых мы победили. Готовьтесь так, чтобы оправдать великое имя, которое носит наш завод.

Так им говорили. Разными словами, но именно это. Говорили не только на собраниях. Часто с глазу на глаз в простых, душевных беседах.

Вдохновленный словом старых рабочих, Гриша Бахланов решил действовать.

«Читайте, завидуйте: я — гражданин Советского Союза», — мысленно повторял он строки из стихотворения Владимира Маяковского, с творчеством которого познакомился еще в ремесленном училище. Он любил поэта.

Григорий Бахланов собрал вокруг себя своих юных товарищей и с присущей ему порывистостью произнес первую в своей жизни речь:

— Ребята! Мы впервые в жизни будем выбирать... Ребята, мы должны встать на стахановскую вахту... Насосы, которые мы собираем, очень нужны стране, их ждет промышленность... Отличимся, ребята!

По привычке он звал слесарей своей бригады «ребятами» — так, как звал их в стенах ремесленного училища.

...Двенадцать сверхплановых насосов собрала юная бригада. Дневное задание перевыполняли в два, три, в четыре раза.

— Принимай, дядя Ваня, наш сверхплановый насос! — гремел на весь цех ликующий голос Гриши Бахланова, — принимай!

Дядя Ваня — это строжайший контролер Иван Александрович Александров. Завод доверил ему свое клеймо, знаменитую ильичевскую марку.

Дядя Ваня не спеша подходил к молодым рабочим.

— Ну те-ка, — говорил он подозрительно, — посмотрим, чего вы тут наваяли... Проверим! Что-то вы уж больно быстры...

Но и дядя Ваня вынужден был признать, что работа выполнена на «отлично».

Цех... Вот они работают — Григорий Бахланов и его друзья. Тишина. Никаких лишних разговоров. Сосредоточенные лица. По-хозяйски сложены в углублении между ребрами насосной рамы необходимые болты, гайки, шайбы... Так делают опытные рабочие, когда хотят, чтобы у них все было под рукой и чтобы дело ладилось.

Мастер Павел Петрович Валяев подмигнул в их сторону и шепнул:
— Стахановскую вахту держим!

И добавил не без удовольствия:

— Скажу вам, — ремесленное училище посеяло в них хорошие семена...
«Продукция» подходящая!

Вспомнились дни войны и дядя Яша, который тоже называл бывших ремесленников шуточно и ласково «продукцией»...

— Так вы говорите, «продукция» подходящая?

— Очень даже подходящая. А Григорий Бахланов — это будет серьезный работник впоследствии. Это будет настоящее пополнение рабочего класса. Конечно, не сразу у них клеилось, но мы, мастера, помогли и помогаем. Григория-то как на дрожжах подняло!

Мастер бросил теплый взгляд на высокого худощавого юношу, который, казалось, забыв обо всем на свете, увлеченно хлопотал возле насоса.

Мастер рассказал, что Григорию Бахланову уже близко чувство профессиональной, рабочей чести. Григорий, правда, горяч, нетерпелив, любит быстроту, нервничает, если нельзя проявить быстроту, и даже порой злится и расстраивается, но это — от молодости...

— Ведь это не сразу дается, — задумчиво заметил Павел Петрович, — я вам уже сказал, что ремесленное училище посеяло хорошие семена, семена дали крепкие всходы, но мы должны растить эти всходы, полоть, поливать и все прочее, как говорится... Задору в них много, пытливость есть, знания уже есть, но рабочий характер надо воспитать... Обязательно!

Он прав, этот мастер завода имени Владимира Ильича. Юным рабочим, пришедшим из ремесленного училища, не хватает еще личной собранности, выдержки, самодисциплины, привычки подчиняться воле цеховых руководителей и воле заводского коллектива. Задатки всех этих понятий привиты в стенах ремесленного училища, но эти задатки завод должен внимательно и любовно развивать.

На заводе имени Владимира Ильича это делается именно любовно. Здесь нет узко потребительского подхода к молодой рабочей силе, прибывающей из ремесленного училища. Здесь, приняв в свою трудовую семью новичка, стараются выработать в нем нормы поведения, которые бы соответствовали духу передовых советских рабочих. Здесь стремятся, чтобы каждый ремесленник, придя на завод, сердцем понял, что отныне он — сын того самого передового закаленного рабочего класса, который сыграл великую роль в истории Советского государства. Здесь воспитывают своих молодых ильичевцев на славных традициях старых кадровиков.

— Русский рабочий — это звучит гордо! Это есть высокое звание, — говорил не раз старый литейщик дядя Яша юношам.

В Грише Бахланове уже заметно это чувство достоинства рабочего человека.

Гриша, так недавно пришедший на завод, живет уже яркой творческой жизнью.

Тридцатилетний юбилей Ленинского комсомола гришина бригада

встретила законченной годовой нормой. Ежедневно бригада выполняла норму на 200—250 процентов. Григорий добился этого путем изменения технологии, внедрения нескольких рационализаторских предложений. Раньше, например, много времени уходило на изготовление предохранительных колец в насосе, ибо их делали вручную. Молодые новаторы изготовили приспособление для обработки колец на станке.

— Мы можем сэкономить сотни литров масла, — горячо заявил Гриша и призвал к экономии масла и материалов других рабочих.

Хорошо так начинать свою трудовую жизнь! Хорошо, друзья!

Зарботок у Григория солидный. Когда Гриша принес матери свою первую получку, превысившую ее зарботок, Прасковья Устиновна разволновалась, всплакнула.

— Скоро и я, мама, принесу получку, — сказал младший сын Прасковьи Устиновны Алеша. Он тоже окончил ремесленное училище и пошел работать токарем на завод имени Владимира Ильича.

— Гляди-ка, мама, о нашей бригаде в газете написано, — сказал Гриша, протягивая матери заводскую газету. Он старался быть равнодушным, но глаза его были полны света и радости. С нетерпением смотрел он на мать, — пусть развернет газету, пусть посмотрит...

Мать медлила.

— Да что ты плачешь, мама? Что это в самом деле!

Он нахмурился. Он не понял волнения материнского сердца.

— Не плачу я... Радуюсь, — ответила Прасковья Устиновна, улыбаясь сквозь слезы, — радуюсь, что оба вы крепко встали на ноги и ничего теперь вам, ребята, в жизни не страшно, ничегошеньки.

ДРУЖБА

Борис Криницкий

РУДНО найти двух людей, столь непохожих друг на друга по внешности, но с таким множеством родственных интересов, как Борис Родионов и Федор Дуданов.

Светловолосый девятнадцатилетний Борис Родионов высок и немножко по-юношески угловат. Он часто смеется, но его серые глаза почему-то всегда задумчивы, словно они принадлежат другому, более взрослому человеку.

Федор серьезен, почти суров, хотя ему всего лишь двадцать два. Он ниже Бориса ростом, но крепче, мускулистее. Темные волосы подчеркивают его внешнюю суровость, рассеивающуюся только в редкие минуты, когда Федор теряет свою обычную сдержанность в разговоре, с увлечением рассказывая о чем-нибудь, что волнует его или кажется самым значительным.

Оба одеты в темные пиджачные пары, не скрадывающие их юности. У каждого на лацкане пиджака — орден и медаль «За доблестный труд».

Быть может, они никогда бы не стали друзьями, эти два молодых парня, если бы не столкнулись друг с другом в стенах ремесленного училища № 4 во время Отечественной войны.

Когда началась война, Борису Родионову едва минуло четырнадцать лет, и он только что окончил семилетку. Война оторвала деревенских ребят подмосковного села от детских забав, стерла с юных лиц беспечную веселость.

Ушел на фронт и отец Бориса Иван Александрович, бригадир полеводческой бригады колхоза. Осиротели деревенские избы, и подростки, еще недавно пропадавшие по целым дням на Москва-реке в сосновых лесах, вдруг почувствовали себя надеждой матерей, опорой семьи.

Темными осенними вечерами, после тяжелой работы в поле, они сидели тесной кучкой на росистой траве околицы и пристально всматривались в небо над далекой Москвой, где вспыхивали невиданные дотоле огни грасирующих пуль и ракет — огромных и ярких, как сверхъестественные висячие лампы. Гудели в небе моторы незримых самолетов, со страшным грохотом лопались в выси невидимые снаряды зениток — Москва отражала воздушные налеты врага. Отогнанные от древней русской столицы, фашистские самолеты улепетывали, нарушив сомкнутый строй своих боевых порядков, и сбрасывали груз смерти где попало, лишь бы облегчить моторам путь к спасению от преследования быстрокрылых советских истребителей.

Пока шел воздушный бой, дети сидели молча. Потом, когда самолетный гул замирал где-то вдали, когда утихали уставшие от лая зенитки и ночная тьма снова плотно задраивала изрешеченное огнями московское небо, юные колхозники, вздохнув с облегчением, обсуждали новости с фронта.

Вспоминали отцов («где-то теперь мой»). Говорили о помощи фронту. Ну, а чем помочь?

Один подавал мысль уйти скопом к летчикам на близкий отсюда военный аэродром и научиться там воевать. Другой считал, что вернее дело у танкистов — танкодром ведь тоже недалеко.

— Не примут, — охлаждал кто-то распаленную мальчишескую фантазию.

Наступало тягостное молчание.

— Тогда надо к партизанам подаваться, — предлагал третий.

И новая мечта о подвигах уносила ребят в далекие таинственные леса, в партизанские станы, где мальчишки в двенадцать лет совершали ратные дела, достойные героев (это уже было известно из сводок Совинформбюро и из газет).

Но как бы далеко ни залетала фантазия, разум всегда подрезает ей крылья. Так было и с деревенскими подростками Подмосковья. Хорошо у партизан, да только где их искать, как к ним пробраться — путь до Брянских или Великолукских лесов был, в конце концов, не легче пути в летчики и танкисты.

А разговоры о помощи фронту оставались любимой темой ребят, и хотя почти все они работали в поле, каждый стремился сделать что-то еще большее.

Десять ребят подмосковного села, в том числе и Борис Родионов, устав мечтать о танках и самолетах, о партизанских лесах, решили поступить в самое близкое от них ремесленное училище, готовившее рабочих для оптико-механического завода.

Город, привлекавший деревенских подростков своим ремесленным училищем, расположен недалеко от колхозного села. Он сам юн, этот город, рожденный в годы сталинских пятилеток. Когда-то тут был довольно густой сосновый бор. Впрочем он остался и сейчас, приютив под своей сенью светлые, прямые заводские корпуса и высокие многоэтажные дома, разбегаящиеся меж деревьев.

Деревенские ребята любили ходить сюда и раньше, когда тут на лужайках, у пышных цветников, по вечерам и в праздники вспыхивало хмельное веселье счастливых людей—то русские пляски, буйные, как вихрь, или величаво плавные, то шумные хороводы, то игры, то хоровые песни, летевшие навстречу грустным вздохам гармоник...

Но в сорок первом подростки из колхозного села застали здесь безлюдье пустынных улиц, похожих на широкие лесные просеки, и холодный свист осеннего ветра, под которым гнулись и стонали высокие сосны. И завод, всегда такой нарядный изумительной чистотой своих цехов, светлым, как воздух, стеклом цеховых пролетов, напоминал в ту ненастную пору спустившую ураганом оранжею. Куда-то далеко за Урал увезли его станки, и сквозь выбитые стекла ветер загонял непогоду в омертвевшие цехи.

Опустел тогда город юности. Одни уехали с заводскими станками в Сибирь, другие ушли на фронт, третьих война наспех рассовала туда, где они были нужны больше, чем под Москвой, и только в одном краю города не утихла шумная, полная надежд жизнь — в ремесленном училище.

И, как бы сглаживая тяжелое впечатление, произведенное на деревенских ребят пустынными улицами, училище встретило их с подчеркнутым радушием, сразу став для них вторым домом. Было тут много парней и девушек из подмосковных районов. Они пришли, гонимые той же, что и у Бориса Родионова или Феде Дуданова, неукротимой страстью юности, мечтавшей о трудовом подвиге, как о ратном. Они проводили в классах и мастерских целые дни, желая как можно скорее постичь заводскую науку, чтобы фронт ощутил, наконец, их помощь.

Усталые, но счастливые сознанием прожитого дня, еще на шаг приблизившего их к заветной цели, подростки, наскоро поужинав в столовой, валились на кровати холодных общежитий и, кутаясь с головой в одеяла, засыпали беспокойным сном растревоженного войной детства. И уже не снились им больше ни танки, ни самолеты, ни партизанские леса — снились точнейшие оптические приборы, сделанные их ребячьими руками, снились морские капитаны, генералы и полковники, с благодарностью принимавшие эти приборы. Совсем-совсем явственно многие из ребят различали в полусне склоненное над кроватью лицо генерала или капитана, до странности похожее на лицо директора ремесленного училища Виктора Васильевича. И если бы можно было на минуту оторваться от детских грез, подростки увидели бы над собой не седоусого генерала, не сурового морского капитана, а живого Виктора Васильевича, заботливо

поправлявшего то вырвавшуюся из-под головы подушку, то сбитое в тревожном сне одеяло: директор ложился спать последним и всегда обходил перед сном общежития, где жила его «вторая большая семья», которая была для него не менее дорога, чем своя собственная.

Виктор Васильевич обладает чудесным свойством располагать к себе всех детей, оставаясь для них строгим и взыскательным «начальником», при котором не рискнешь лихо задымить папироской, но к которому можно притти запросто в его кабинет и выложить все, что тревожит детскую душу.

Однажды, спустя три месяца после начала первого учебного года, к директору пришел Борис Родионов. Сбивчиво и путанно, в страшном смущении поведал он директору свое «горе».

Его зачислили в оптики, но то, над чем остальные ребята работали с увлечением, было для него лишь утомительной обязанностью. Родионова не захватывал сложный процесс превращения грубых стеклянных кусков то в выпуклые линзы, собирающие пучки лучей в одну точку, то в вогнутые линзы, рассеивающие эти лучи. У себя в родном селе, накануне поступления в ремесленное училище, он вместе с другими мечтал о том времени, когда его научат делать артиллерийскую буссоль и перископ, назначение которых представлялось ему тогда еще не совсем ясным, но без которых — он это отлично знал — не может обойтись ни одна пушка, ни одна подводная лодка.

И вот когда мальчик уже научился «стирать» верхний тусклый слой стекла, обнажать его зеркальную чистоту и наносить тонкие, ровные грани, — все это показалось ему скучным делом — «делом девчонок», как он говорил. В нем проснулась тоска по слесарным тисочкам, что остались в деревенской избе, на которых он делал немудреные вещи домашнего обихода — ключ к замку, скобу к двери...

Надо было обладать тонким чутьем педагога, чтобы понять взволнованную исповедь Родионова. Директору стало ясно, что оптик в мальчике не родился и не родится никогда, потому что в нем живет слесарь. Виктор Васильевич направил его в инструментальную группу. И здесь, у слесарных тисков, у ящиков с измерительными линейками, угольниками и напильниками, Борис нашел себя.

Он попал под начало старого опытного мастера Федора Степановича Лясникова. Но, пожалуй, не столько ему обязан Родионов своими первыми успехами на новом поприще, сколько Федору Дуданову, ставшему его лучшим другом.

Дуданов был тоже сыном крестьянина, но его отец еще в тридцатых годах бросил свой земельный надел в Тамбовской области, поселившись в городе юности и став электромонтером. Федор пришел в ремесленное училище в те же, что и Борис, осенние дни 1941 года, но у него не было тяжелых раздумий при выборе специальности. Он сразу попросил зачислить его в инструментальную группу, потому что отец всегда с большим уважением отзывался о слесарях-инструментальщиках и советовал сыну «держаться» этой профессии.

Когда Борис впервые стал у слесарных тисков инструментальной группы, Федор уже считал себя «настоящим» слесарем. До «настоящего» ему было, конечно, еще очень далеко, но мастер говорил, что из него выйдет толк. Он был, пожалуй, самым способным учеником и его избрали старшиной группы — правой рукой мастера.

Трудно сказать, что их сблизило. Возможно, что Федор, не показывая вида, хвалил в душе Бориса за его уход из оптиков в слесари. Сам он относился к оптике с той же мальчишечьей пренебрежительностью, что и Борис. А возможно, старшине просто нравилось покровительствовать новичку, который еще не умел владеть напильником по всем правилам и часто смущался от собственной неловкости. Как бы там ни было, между ними сразу установились теплые, дружеские отношения.

— У тебя отец на фронте? — спросил однажды Дуданов.

— На фронте, — ответил Борис.

— И мой ушел.

Это тоже сыграло свою роль в их дружбе: все дети воинов чувствуют себя немножко героями.

Борис стоял у больших тисков, с трудом дотягиваясь до них, и напильник в его руках, опиливавший первую пробную металлическую болванку, скользил не горизонтально, а «задира л нос», как говорят слесари. От этого поверхность болванки получалась неровной, с уклоном «на себя», то есть в сторону ученика. А когда Борис, пытаясь выправить перекося, поднимался на цыпочки, чтобы уравновесить напильник по горизонтали, болванка начинала «косить» в другую сторону.

Это было совсем непохоже на то, с чем он имел дело у себя дома. Там, в колхозе, он выпиливал ключ или гнул скобу для дверей, и ни мать, ни отец никогда не бранили его за то, что ключ «занозист», а скоба крива. В училище мастер упрямо настаивал на абсолютной точности и идеальной «чистоте» в работе.

Прошло уже шесть или семь дней, а пробная работа Родионова все еще была зажата в тисках и никак не хотела подчиниться строгому измерительному угольнику, требовавшему точного совпадения всех четырех углов болванки со своим единственным углом. Ребята, давно освоившие такую пустячную работу, как опиловка болванки, и делавшие уже молотки и штангели, громко посмеивались над Борисом.

Дело в том, что по странной случайности никто из взрослых не замечал, как усердно приподымается Родионов на «цыпочках», чтобы дотянуться до высоких слесарных тисков и уравновесить свой напильник, придав ему горизонтальное положение. Быть может, это ускользало от внимания педагогов потому, что когда они приближались, Борис мгновенно опускался на всю ступню. А возможно взрослые были настолько поглощены неизмеримо возросшими будничными заботами военного времени, что не успевали обратить внимания на несоответствие высоты слесарных тисков низкому росту ученика.

И кто знает, как долго продолжались бы мучения Бориса, если бы не вмешался Федор Дуданов.

— Ростом ты, брат, не вышел. Придется тебя немножко вытянуть, — сказал он, осматривая перекошенную со всех сторон болванку.

— Как так — вытянуть? — изумился Борис, невольно попятившись от Федора, строго насупившего брови.

— А вот так, — ответил Дуданов и принес своему другу подставку.

— Залезай!

Локти Бориса сразу оказались на уровне высоких тисков, он чиркнул напильником по болванке свободно, без усилий и сразу почувствовал в движениях рук ту легкость, которая не давалась ему долгих семь дней.

Через три дня ученик Родионов сдал пробную работу, получившую у мастера оценку «отлично».

— Далеко пойдешь, — сказал многозначительно старшина, критически осматривая родионовскую болванку.

Они оба «пошли далеко». Борис, ставший вскоре помощником старшины, уже ни у кого не вызывал обидного смеха и горьких шуток по своему адресу. Те из учеников, что еще недавно подтрунивали над ним, все чаще подходили к нему за советом. И он не был злопамятен, этот вихрастый мальчуган с недюжинными способностями слесаря, — он помогал всем, кто с трудом осваивал нелегкое слесарное дело.

Тяжелые годы войны сплотили ребят в тесную семью. Все жили интересами училища, возрождавшего опустевший после эвакуации оптико-механический завод. В холодных цехах снова появились станки, снова зашумели моторы, и фронт снова получал оптические приборы с маркой города юности.

Дружба Федора и Бориса росла вместе с ними. Они стали почти неразлучны. Вместе выполняли каждое новое задание мастера. Вместе ходили на вечера, изредка устраивавшиеся кружками юношеской самодеятельности в клубе. Вместе навещали Москву, суровую в безмолвии своих занесенных снегом улиц, по которым проходили полки и батальоны, направлявшиеся к совсем близкому фронту.

Потом, по окончании ремесленного училища дороги друзей разошлись. Борис стал слесарем-опиловщиком, Федор — инструментальщиком. Федора еще на полгода оставили старшиной слесарной группы, а Борис уже работал в заводском цехе. Но их дружба была попрежнему крепкой. И слава, настоящая, большая слава, о которой они оба мечтали еще будучи учениками, пришла к ним в одно и то же время.

В 1943 году, когда завод получил заказ на сложные изделия, Бориса как наиболее способного рабочего направили в цех, где комплектовались самые ответственные детали. Обработка этих деталей требовала большого навыка и доверялась до войны лишь самым искусным слесарям. Вполне понятна та боязнь, с которой шел вчерашний ученик ремесленного училища в новый цех.

В то время искусных слесарей было не так много — один на весь цех по обработке редких деталей. Он работал, не поднимая головы от станка, и не любил, когда его отвлекали разговорами.

Борис сразу понял это и не приставал к специалисту с лишними расспросами. Мальчик просто присматривался к тому, как мастер обрабатывает каждую деталь, стараясь подражать ему во всем. Это было очень трудно — копировать чужие движения, делать вид, что ты все понимаешь, не понимая почти ничего.

— Трудно, — жаловался Борис Дуданову, — ох, трудно.

А Федор смеялся:

— Может быть, тебе опять подставочка под ноги нужна? Та, которая когда-то выручила тебя.

Потом оба углублялись в чертежи новых деталей. Спорили, ругались, и в конце концов Борис следовал советам своего более опытного друга.

Но неизвестно, чем бы кончился поединок молодого рабочего с трудностями, если бы до города юности не долетела весть о крупных производственных победах одного знаменитого уральского стахановца-слесаря. Этот талантливый новатор открыл неизмеримые возможности повышения производительности труда в слесарном деле. Борис следил по газетам за каждым шагом знатного уральца, постигая методы его работы. И в дни, когда из-под родионовских рук пошли редкие детали, не уступавшие по чистоте отделки и точности деталям «незаменимого» специалиста, Борис уже твердо знал, что через несколько суток докажет, на что способно простое производственное оборудование, оснащенное приспособлениями уральского новатора и собственной смекалкой Родионова. Он постиг премудрость изготовления сложных деталей, теперь ему хотелось выпускать их столько, сколько и во сне не снилось самым прославленным мастерам.

До той поры старые специалисты выпускали за смену 25 деталей. Считалось среди них, что 26 изготовить уже невозможно. И вот вдруг паренек из подмосковного колхозного села стал выдавать по 70 деталей. Это было большим событием, не уступавшим по своему значению подвигам наших солдат.

Присудили ему за это переходящее знамя Московского обкома комсомола, а заместитель наркома прислал по телефону личное поздравление и тысячерублевую премию. А чуть позже пришла самая дорская правительственная награда — орден Ленина. Впрочем, в том же указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников оптической промышленности стояла и фамилия Федора, награжденного орденом Красной Звезды. Друзья, начавшие в одну и ту же пору свой самостоятельный жизненный путь, в одно и то же время пришли к славе.

В том же 1943 году, когда Борис мучился над освоением производства редких деталей, Федор, работавший уже на лекальном участке, получил задание — изучить литье под давлением. Учитель Дуданова мастер Василий Алексеевич Бабарцев взял его с собой в цех, где создавался участок прессформ.

Литье под давлением, ускоряющее и удешевляющее производство деталей, считается у слесарей-инструментальщиков работой самого высокого класса, и главный инженер завода, руководивший организацией нового участка прессформ, имел все основания опасаться, что Дуданов, едва успевший выйти из детского возраста, не справится с литьем под давлением. Он даже высказал свои опасения Бабарцеву. Но мастер-то знал, на кого ему можно положиться, — Федор слыл самым способным учеником в его группе.

Новое производство увлекло Дуданова.

Начав с отливки простых форм, он дошел до сложнейших и считается теперь одним из лучших специалистов завода по литью под давлением. И именно за то, что Федор освоил эту специальность в трудные годы войны, правительство наградило его орденом.

Нашу победу ковал народ, а оба друга из города юности неотделимы от народа, как неотделимы песчинки гранита.

ДРУЖБА ВЕТЕРАНОВ С ЮНОСТЬЮ

Во многие ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения пришли представители старого поколения.

Старейший большевик Петр Андреевич Заломов, выведенный под именем Павла Власова в романе великого русского писателя А. М. Горького «Мать», рассказывает о том, как отцы и деды ребят в старой России, под руководством большевистской партии боролись против самодержавия.

Старейший мастер завода «Красное Сормово», участник вооруженного восстания 1905 года, В. С. Токарев поддерживает тесную связь со школой фабрично-заводского обучения металлургов № 15 Горьковской области.

Дружба между ветеранами революции и производства и учащимися училищ и школ трудовых резервов помогает воспитанию молодых рабочих.

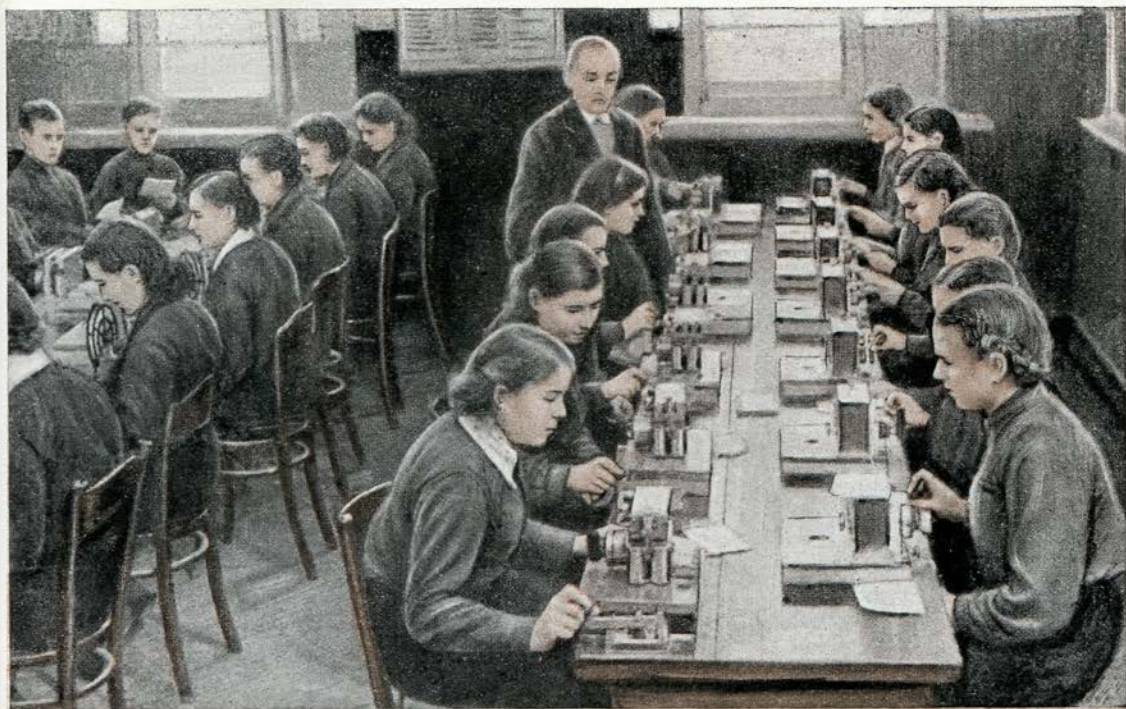
На снимках: сверху — встреча поколений в ремесленном училище № 3 в Горьком. Токарев Василий Сергеевич, Заломов Петр Андреевич (участник восстания в Сормове в 1905 г.), мастер кузнечного дела Рогов и ученики.

Справа — московский завод «Калибр». Знатный мастер Николай Российский проверяет работу двухстаночника В. В. Уткина.

ФЗО № 15. Сормово. Герой Труда В. С. Токарев работает на заводе 60 лет.
Он вручает переходящее Красное Знамя лучшей группе школы ФЗО.

С В Я З И С Т Ы

СССР — родина радио. Наш соотечественник гениальный ученый Попов первым в мире изобрел это могучее средство связи. Многие советские юноши и девушки решили посвятить себя работе в области связи.

Московское училище связи № 9 — одно из передовых учебных заведений. Оно подготавливает радиооператоров, надсмотрщиков радиотрансляционных узлов, механиков телеграфа, надсмотрщиков междугородных станций и радиоусилительных пунктов.

Славно поработали воспитанники училища во время войны.

Руководители и весь коллектив училища № 9 заботятся не только об оснащении своих классов и мастерских современной аппаратурой. Здесь изготовлена учебная аппаратура для училищ связи городов Риги, Алма-Аты, Тобольска, Ростова и Пятигорска.

На снимке: будущие телеграфистки овладевают техникой передачи.

В Московском ордена Трудового Красного Знамени ремесленном училище энергетиков.

Один из лучших педагогов — мастер В. М. Михайлов подготавливает отличных радистов высшего класса. Вот что пишет радист т. Андреев своему учителю тов. Михайлову:

«Очень многое дала мне учеба в ремесленном училище, особенно помогло то, что Вы, Николай Михайлович, так хорошо и любовно нам преподавали».

Мастер группы механиков телеграфа М. Казаков — старейший, многоопытный педагог, воспитал уже третье поколение связистов.

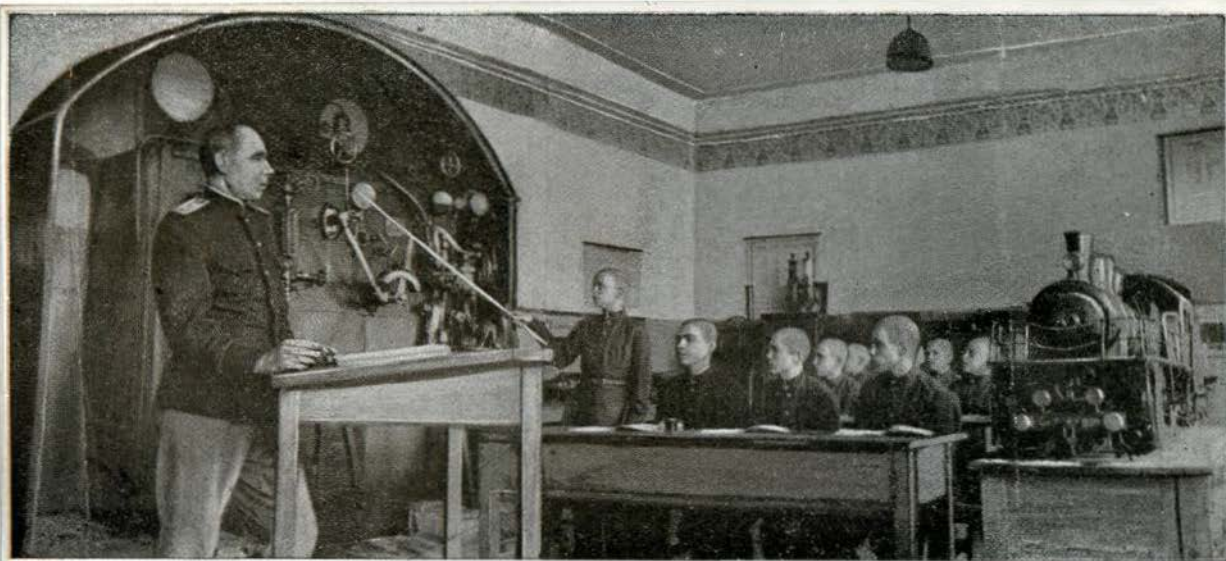
Отлично обучает телеграфистов и ма-

Ремесленное училище связи № 9
Радиомонтажница за наладкой учебного
макета усилителя низкой частоты.

стер т. Уздеников, накопивший громадный опыт за 40 лет своей деятельности.

На карте, вывешенной в училище, обозначены пункты, где сейчас трудятся воспитанники училища: Москва, Минск, Киев, Севастополь, Владивосток, север Якутии, Новая Земля, бухта Тикси — везде, куда их послала страна, они честно служат своей любимой Отчизне.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ

Советский Союз — великая железнодорожная держава. Десятки тысяч километров рельс прорезали всю страну.

В рядах советских железнодорожников сейчас трудится немало воспитанников трудовых резервов.

Елецкое железнодорожное училище № 2 (Орловская область) неоднократно завоевывало видные места в социалистическом соревновании. Здесь подготавливают работников почти всех основных профессий для железнодорожного транспорта — помощников машинистов, слесарей по ремонту паровозов, слесарей по ремонту паровозных котлов, по ремонту вагонов, бригадиров пути...

На снимках: сверху — Елецкое железнодорожное училище № 2. В паровозном кабинете.

Внизу — Елецкое железнодорожное училище № 2. Секретарь комсомольского комитета поздравляет учащегося со вступлением в ряды ВЛКСМ.

Учащиеся овладевают этими профессиями в паровозном и вагонном депо, в дистанции связи и дистанции пути. Только за три месяца учащиеся сумели выпустить из капитального ремонта 87 товарных вагонов.

Теоретическое обучение ведется в хорошо оборудованных учебных кабинетах: паровозном, автотормозном, вагонном, путейском, черчения, физики и математики, русского языка и литературы, политических занятий.

Руководители училища, мастера и преподаватели поручают учащимся изготовление наглядных пособий. Многие наглядные пособия для кабинета политзанятий изготовлены учащимися училища. В организации кабинета по изучению мощных паровозов активное участие принимает кружок под руководством преподавателя Ф. Парменова.

Здесь на занятиях сумели показать учебные кинофильмы: «Луни и луницы», «Путевые знаки», «На большом клапане», «Восстановление магистралей».

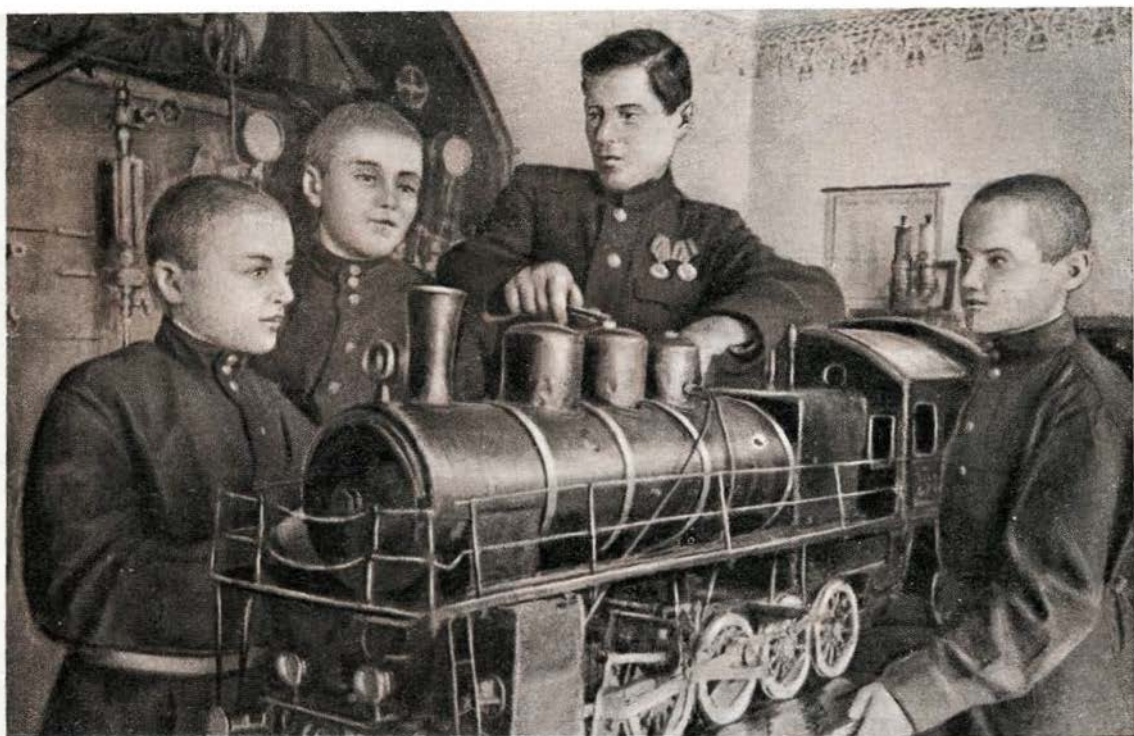
Интересной, содержательной жизнью живет коллектив Елецкого училища, воспитывающего юное племя советских железнодорожников. Больше половины учащихся — комсомольцы. Многие из них стали отличниками теоретического и производственного обучения.

На снимках.

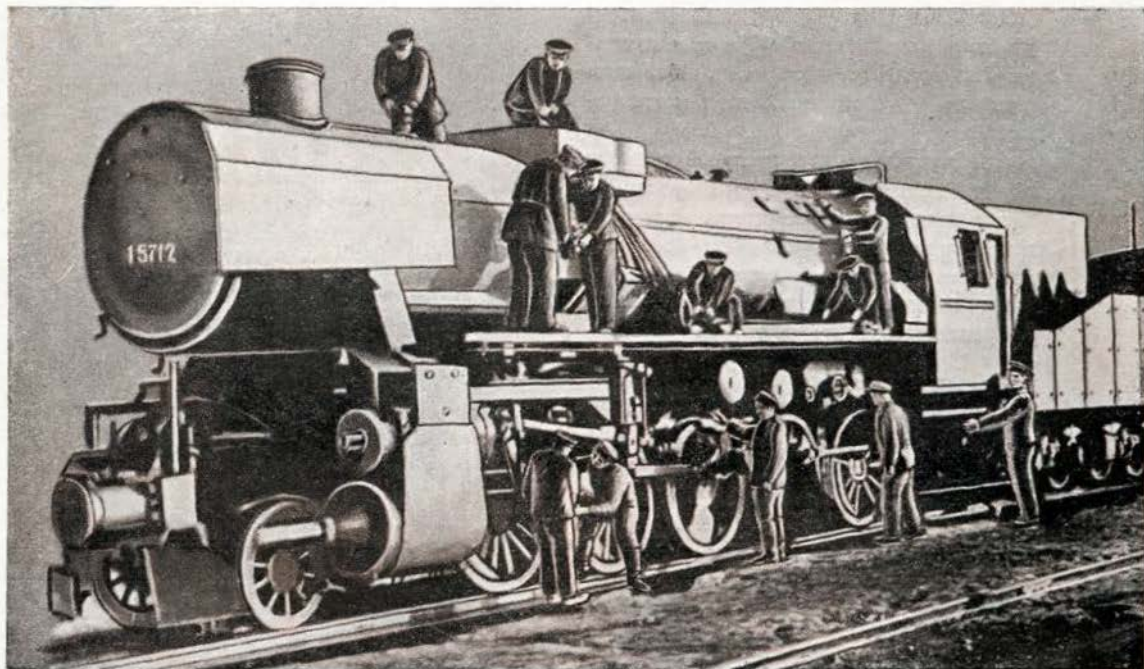
Здоровое жизнерадостное пополнение работникам транспорта готовят мастера и преподаватели железнодорожных училищ. Вот медицинский осмотр перед отправкой будущих железнодорожников в дома отдыха; ниже — ученики получили новое обмундирование.

Третий сверху снимок — на отдыхе. Внизу — учебно-методический совет обсуждает итоги первого месяца учебы.

Елецкое железнодорожное училище № 2. Мастер производственного обучения Недопекин знакомит учащихся с паровозом.

Группа учащихся Рижского железнодорожного училища № 1 готовит паровоз к подъемному ремонту.

КУЗНИЦА КАДРОВ

С. Орлов

ДЗЕРЖИНКА — старейший на Украине металлургический завод, построенный свыше полувека назад. На его площадке в наше советское время были сооружены мощные доменные печи, мартены, оборудованные по последнему слову техники, прокатные станы, крупнейший в Советском Союзе блюминг. Но не столько оборудованием, сколько своими замечательными кадрами славится Днепродзержинский завод. Несколько поколений металлургов выросло в его цехах.

После войны тысячи новых молодых рабочих были подготовлены здесь же на заводе опытными мастерами одного из лучших в Советском Союзе ремесленных училищ.

На проспекте Пелина, недалеко от сквера расположен огромный корпус старейшего профессионально-технического заведения нашей страны. На нем вывеска: «Ремесленное училище металлургов № 1». К концу послевоенной пятилетки коллектив мастеров, преподавателей, воспитателей будет отмечать 25-летие своего существования. Много тысяч металлургов обучалось в этом училище. На всех заводах южной металлургии, на Урале, в Сибири работают его питомцы. И с каждым годом увеличиваются масштабы подготовки кадров металлургов, совершенствуются методы обучения и воспитания молодежи.

У нас в стране широко распространен термин — кузница кадров.

Днепродзержинское ремесленное училище — подлинная, талантливо организованная кузница кадров гигантского завода.

Очень часто сюда попадают ребята из деревни, для которых на первых порах все на заводе кажется чуждым, непонятным. Здесь они проходят первую школу жизни.

Кузьма Матвеевич Манько, мастер производственного обучения, рассказал нам такой случай.

В составе новой группы учащихся было несколько юношей, которым не нравилась профессия слесаря. Не могли они привыкнуть сразу и к новой для них обстановке в училище. Много времени затратил мастер на то, чтобы пробудить в них любовь к новой профессии: водил их по цехам завода, устраивал встречи со старыми опытными слесарями. И все же двое подростков чувствовали себя чужими.

— Не хотим, — говорили они, — быть мастерами.

Кузьма Матвеевич долго пытался «подобрать к ним ключик».

Однажды два друга, не желавшие стать мастерами, купили в складчину фотографический аппарат. Не зная, как с ним обращаться, они сломали его. Что делать? Возились с ним несколько дней и решили обратиться за помощью к мастеру.

Кузьма Матвеевич, внимательно осмотрев аппарат, сказал им: «Дело пустяковое, лопнула пружинка, надо починить...»

Ребята попросили совета — куда снести аппарат для починки.

— Сами чините, вы ведь слесари...

Это предложение мастера увлекло ребят. С его помощью они разобрали аппарат, сделали новую пружину и снова собрали. Аппарат работал безукоризненно.

— А вы не хотите слесарями быть, — смеясь сказал им Кузьма Матвеевич, — хороший слесарь все может сделать.

Вот тогда-то у подростков и появился интерес к своей будущей профессии.

Тысяча триста человек обучаются в Днепродзержинском ремесленном училище. Тысяча триста юношей, подростков, большинство из которых приехало в город металлургов из сельских районов, впервые покинув родную семью. Перед ними открылась широкая дорога в новую для них жизнь.

В тяжелые годы восстановления завода после изгнания фашистских захватчиков сложились в училище славные традиции производственного обучения. Сразу после освобождения города персонал училища вместе с учениками приступил к восстановлению общежитий, учебных мастерских. Сотни учеников очищали помещения от завалов грязи, бережно извлекали из разгромленных цехов детали станков, механизмов, старые электромоторы, проволоку, инструменты.

Будущие сталевары и доменщики на время стали штукатурами, каменщиками, стекольщиками. Они оштукатурили десятки тысяч квадратных

метров стен и потолков, заготовили сотни оконных переплетов, забетонировали тысячи квадратных метров полов и перекрытий, восстановили водопровод, канализацию, привели в порядок крыши.

Почти год ушел на эти восстановительные работы. В начале 1944 года зажглись огни 18 горнов учебной кузницы. В столярной мастерской установили ленточную и циркулярную пилы, несколько фрезерных и фуговочных станков. Ожила вагранка литейной.

— Все делать самим! — этот лозунг встретил живой отклик у мастеров производственного обучения и учащихся.

На очищенных от ржавчины тисках неопытные руки будущих слесарей опиливали поковки молотков, циркулей, необходимых для практической учебы и работы. Но самым значительным достижением был пуск первых токарных станков. Их собрали из найденных в разных местах частей.

Будущие токари вытачивали на станках стерженьки для нутромеров. Молодые кузнецы изготавливали много тысяч поволоков; они побывали в руках слесарей, фрезеровщиков и токарей и превратились в сотни молотков, плоскогубцев, гаечных ключей, отверток, которыми заполнены сейчас стеллажи инструментальных кладовых и полки групповых шкафов.

Проходишь сейчас по мастерским и не верится, что все это создано руками учеников в предельно короткие сроки. Руководители училища не просто восстановили мастерские в таком виде, в каком они были до войны, а заново оборудовали их.

Вот мы входим в слесарную мастерскую. Нам открывается громадный светлый цех, разделенный металлическими сетками на шесть равных ячеек. В каждой из них, образуя букву «П», стоят слесарные верстаки с тисками. В центре размещены стол для разметки изделий, правильная плита, сверлильный станок.

У открытого конца буквы «П» на небольшом возвышении стоит мастер. Он отлично виден ученикам, но и мастеру заметно каждое движение ребят.

Днепропетровск. Стахановка-электронамотчица Валентина Шут (завод им. Петровского), воспитанница днепропетровского ремесленного училища № 10.

У рабочих мест на табличках крупными цифрами и буквами проставлены рабочие номера и фамилии учащихся. Против каждого верстака стоит эскизодержатель с укрепленным на нем чертежом. Ученики помещаются около верстаков на особых подставках, которые механически опускаются и поднимаются в зависимости от роста учеников.

Мы подходим к группе учащихся, занимающихся в одной из шести ячеек слесарного цеха. 26 юношей, стоя у тисков, внимательно смотрели, как выполняет мастер новую, не знакомую им операцию. 26 пар глаз не отрывались от рук мастера, всматривались в каждое его движение.

— Все ясно?

— Ясно!

— Теперь делайте.

И 26 будущих слесарей, склонившись над тисками, выполняют только что показанную операцию. Теперь уже мастер со своего возвышения наблюдает за учениками, за положением их туловищ, рук во время работы. Время от времени он поправляет учеников, вызывает их к своим тискам и объясняет всей группе, в чем ошибка, как правильно держать руки.

В подготовке молодых металлургов производственная практика играет решающую роль. В первый год обучения на теоретические занятия отводится до 50 процентов учебного времени. Но во втором классе доля производственного обучения непрерывно увеличивается, достигая в последней четверти года 100 процентов.

Во всех мастерских училища обучение строится так же, как и в слесарной: наглядно.

Мы прошли все мастерские этого образцового учебного комбината: литейный пролет с вагранкой для плавки чугуна и вращающейся печью для цветного литья, токарную мастерскую, огромную кузницу, цех, где обучаются электромонтеры и электрослесари, и всюду были свидетелями большой, умелой педагогической работы мастеров.

В послевоенные годы училище подготовило для Днепродзержинского металлургического завода тысячи молодых рабочих.

СИЛЬНЫЕ, СМЕЛЫЕ, ЛОВКИЕ

А. Калмыков

I

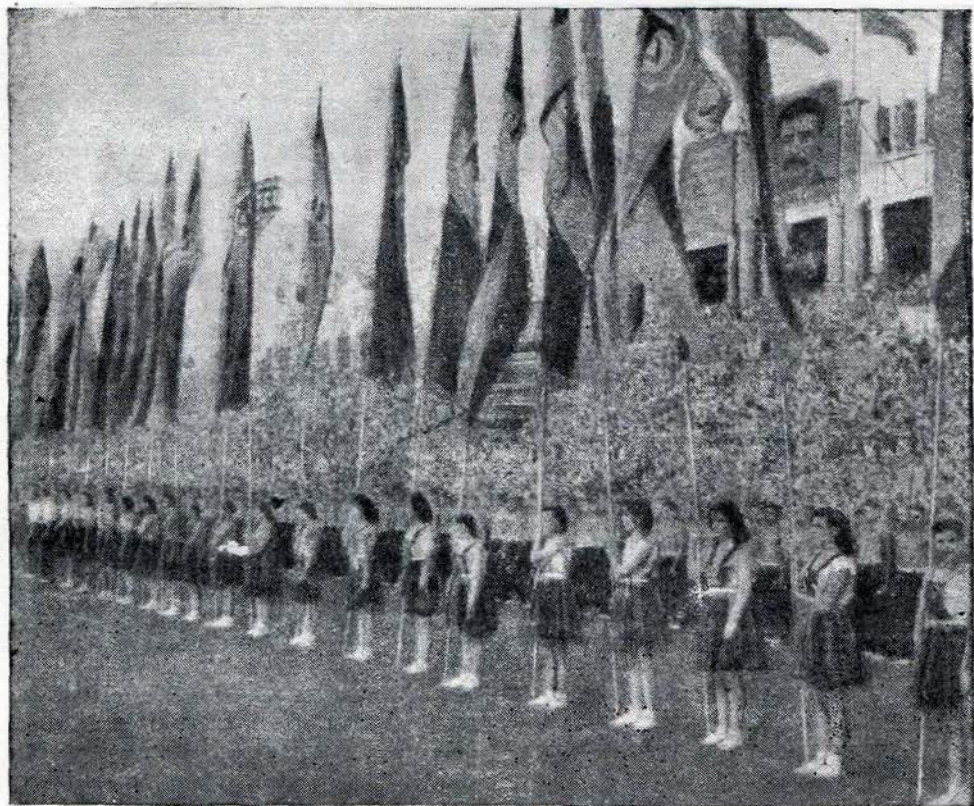

Е, КОМУ довелось видеть физкультурный парад на стадионе «Динамо» или даже на экране, не забудут выступления физкультурного спортивного общества «Трудовые резервы». На стадион вышли одетые в традиционные васильково-голубые спортивные костюмы со спортивной эмблемой на груди — вензелем ТР, вписанным в шестеренку, — русские, украинцы, белоруссы, казахи, таджики, молдаване, карело-финны, узбеки... Представители всех братских социалистических республик.

Шесть тысяч юношей и девушек по торжественному звуку фанфар заплясали ярким цветением красок стадион. На гигантском ковре, закрывшем все поле стадиона, распустились белые, оранжевые, алые, пурпурные, фиолетовые «цветы». В какое-то мгновение тысячи загорелых рук поднимаются вверх, в салюте вождю, и весь стадион бурно рукоплещет в ответ, приветствуя молодую поросль героического рабочего класса нашей Родины — спортсменов трудовых резервов.

Голубой и васильковый — спортивные цвета физкультурного общества «Трудовые резервы». На миг застыли у кромки южной трибуны неподвижные знамена, выпелы, стяги; не шелохнутся под их сенью тысячи загорелых юношей.

А справа и слева раскинулся луг, расцвеченный яркими красками. Тысячи девушек рассыпались по изумрудному полю. Снова поднимают они

Колонна трудовых резервов на Всесоюзном физкультурном параде.

вверх руки и в каждой из них — пунцовый платок, и как по мановению волшебной палочки стадион покрывается тысячами цветущих маков.

Трубят фанфары, и их звуки пробуждают к жизни замерший в неподвижности красочный луг. Как бы подчеркивая в праздничной мелодии мотив сурового героического труда, мгновенно исчезают легкие, воздушные краски цветных маек, и мы видим луг преображенным: в строгом торжественном марше ритмично движутся те же шесть тысяч молодых людей, но уже одетых в голубое и синее.

Не перечать сложных построений, физкультурных упражнений, что с такой легкостью выполняют эти посланники шестнадцати советских республик. Сама молодость, полная сил, жизнерадостности, бодрости, бьет через край сверкающего овала московского стадиона. Кружится хоровод.

Он останавливается на секунду, и вновь поднимаются в воздух в приветственном салюте тысячи сильных загорелых рук.

Вдруг от южной трибуны двинулся вперед новый вал. Он ширится, растет, захлестывает стадион, и вот уже не видно зелени поля — только бронза обнаженных торсов... И опять, как несколько мгновений назад, в праздничное шествие влетает подчеркнуто строгий, суровый элемент трудовых будней: железным маршем во всю длину поля проходят колонны юношей с гантелями в руках. Они готовы к труду; они готовы к обороне. Они могут весело петь и смеяться, кружиться в хороводе...

И вот весь стадион превратился в десятки живых рингов: боксеры демонстрируют молниеносный удар.

Ловкость, сила — родные сестры бесстрашия. На помостах, на трамплинах мотоциклисты показывают отточенную технику вождения машин и бесстрашие, близкое к дерзости. Но это — не дерзость! Нет! Это — уверенность в своих мышцах и червах, острота глазомера, абсолютная согласованность движений, безукоризненное владение техникой. Зрители замирают, когда мчащийся во весь опор мотоциклист стремительно взбирается на трамплин. Вот он, слитый воедино со своей машиной, — в воздухе. Над стадионом проносится тысячеустое «ах!». Все в порядке! Мотоциклист уже снова на земле мчится по эллипсу стадиона, вызывая бурную овацию.

И как апофеоз праздника молодости, здоровья и красоты — прекрасная заключающая деталь: над полем вырастают под бурное одобрение десятков тысяч зрителей живые, словно отлитые из бронзы статуи — фигуры двух молодых людей — стройных, сильных, ловких — живой символ молодости, одинаково славной и в подвигах труда и в ратных подвигах на поле брани.

II

В грации, непринужденности, легкости и изяществе, силе и натренированности каждого участника многотысячной колонны трудовых резервов на физкультурном параде можно увидеть кропотливый, большой труд педагогов, мастеров, тренеров, инструкторов физкультуры и спорта. Юноши и девушки, приехавшие сюда со всех концов Союза Советских Социалистических Республик, тренировались к параду всего только месяц.

Они были подготовлены к этой замечательной демонстрации силы, красоты, ловкости, здоровья всей системой физического воспитания в многочисленных учебных заведениях трудовых резервов.

Как же удалось достигнуть столь поразительных результатов в такой короткий срок?

Ранним утром во всех городах Советского Союза начинают свой трудовой день воспитанники ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения. Быстро и аккуратно заправляют они свои койки и, повинувшись распорядку, ставшему уже приятной традицией, выстраиваются на утреннюю физкультурную зарядку.

Так начинается день. Он полон ярких впечатлений и серьезной работы. Занятия в классе перемежаются с чудесными маленькими открытиями, ве-

душими к познанию мира в физическом кабинете, в химической лаборатории, в мастерских, у станков, верстаков, за тисками. Два раза в неделю в гимнастическом зале и на спортивных площадках проводятся уроки физической подготовки.

Кончен трудовой день. Еще во время занятий два-три раза в день ребята отходят от верстаков или выходят из класса для того, чтобы в течение пяти-шести минут поупражнять свои мускулы физическими упражнениями во время так называемой «физкультпаузы». После занятий, в спортивном зале, а летом во дворе или на стадионе, незаметно бежит время в баскетбольном и волейбольном матчах, в упражнениях на гимнастических снарядах, в метании диска или копья...

Несколько лет назад было создано Всесоюзное добровольное спортивное общество «Трудовые резервы». Пожалуй, ни одно добровольное спортивное общество Советского Союза не может похвалиться столь бурным ростом и такой массовостью. В обществе состоит около полумиллиона юношей. Но эта цифра еще не раскрывает всего масштаба работы спортивного добровольного общества «Трудовые резервы». Вдвое больше, то есть свыше миллиона учащихся занимаются в секциях общей физической подготовки, ходят на лыжах, участвуют в легкоатлетических, гимнастических соревнованиях, учатся и совершенствуют свои познания в плавании. В волейбольных, баскетбольных и футбольных командах общества играют около 240 тысяч юношей и девушек.

Свыше четырех тысяч работников физического воспитания, не считая общественных инструкторов, изо дня в день отдают свои знания и силы физическому воспитанию будущих молодых рабочих. При Министерстве трудовых резервов существует техникум физической культуры, готовящий преподавателей спорта только для ремесленных училищ и школ ФЗО.

Такова сухая, официальная сводка регламента физического воспитания учащихся ремесленных училищ. Но жизнь, — горячая, яркая, бьющая ключом жизнь, — не вменяется в эти рамки.

III

...Мы попадаем в город Чимкент в день областных спортивных соревнований. Оркестр играет торжественный туш. Зрители, стоя, приветствуют победителей. Вот они идут — эти юноши и девушки, отвечая на овации радостной улыбкой и салютом огромных букетов ярких цветов.

Четкий голос диктора возвещает:

— Первое место на областных соревнованиях с большим преимуществом заняли гимнасты — учащиеся чимкентского ремесленного училища № 4!

Тут же, на стадионе, вам могут сообщить, что успех этот не случаен, что в училище систематически тренируются в разных видах спорта почти все его воспитанники, что летом и зимой там работают секции по гимнастике, легкой атлетике, волейбольная, баскетбольная, футбольная, городошная и шахматно-шашечная.

Что такое спортивная школа ремесленного училища? Нигде, ни в каком руководстве, ни в штатных расписаниях, ни в методических указаниях или других документах не найти никаких ссылок на эту организацию. Она родилась по мысли, стремлениям, инициативе педагогического персонала и самих учащихся. Она возникла в результате похвального желания дополнить, расширить объем физического воспитания и спортивных знаний учащихся.

Однажды, в прекрасный осенний вечер, которыми так богат Южный Казахстан, педагоги ремесленного училища вели неспешный разговор о своей жизни, о мечтах и надеждах.

— Все-таки надо больше приналечь на спорт! — сказал кто-то из присутствующих.

Потом перешли к другим темам, но эта мысль, брошенная вскользь, не забылась. Педагоги и мастера, также вскользь, мимоходом, затронули эту идею в беседах с учащимися. А затем — до сих пор неизвестно, кто подал эту мысль, — было решено провести физкультурный смотр училища.

Он блестяще удался, и, пожалуй, основная причина заключалась в том, что смотр этот был проведен, как широкое общественное дело.

Стены училища запестрели боевыми листками, призывали стенными газетами, посвященными спорту. Социалистическое соревнование будило стремление выйти на первое место. Рука опытного методиста, отличного спортсмена, старшего руководителя по физическому воспитанию А. Н. Мареева направляла этот смотр.

На одном из очередных боевых листков появился призыв: «Сдавай нормы на значок БГТО, соревнуйся за первое место!» Рядом с корреспонденциями, рассказывающими о ходе соревнования, был помещен большой раздел «Советы физрука».

Но как только этот смотр захватил основной состав учащихся, сразу же стало ясно, что ни штатные руководители физической подготовки, ни даже имеющийся актив не в силах провести всю работу. Где взять руководителей, где взять инструкторов?

И вот тогда-то и родилась эта новая форма физкультурной и спортивной работы в ремесленном училище — спортивная школа.

Ее цель была ясна: подготовить общественных организаторов физической культуры, групповодов по гимнастике, судей и организаторов спортивных игр. Без сметы, без всякого бюджета, без специального помещения эта школа выпустила сотни активистов, отлично работающих по развитию спорта и физкультуры и, разумеется, в то же время отлично выполняющих свою первую обязанность — учебу в ремесленном училище.

«Наше дело одобряют», — сообщается в очередном номере стенной газеты школы. Под этим заголовком помещена телеграмма республиканского управления трудовых резервов Казахской ССР:

«Благодарим за проявленную инициативу по организации школы физкультурного актива, а также проведения смотра. Желаем вашему коллек-

тиву новых успехов в организации и постановке физкультурно-массовой работы».

Но самое большое удовлетворение коллектив ремесленного училища № 4 получил на спортивных соревнованиях области. Именно они должны были показать и решить — не доморощенная ли это игра, не пустячная ли это затея — создание спортивной школы ремесленного училища.

Многочисленные спортивные соревнования — самый строгий экзаменатор постановки физкультурной работы — принесли училищу № 4 лавры победителя. Училище заняло первое место в гимнастических соревнованиях Южно-Казахстанской области по группе юношей, первое место в районе по легкой атлетике, первое место в комсомольско-профсоюзном кроссе и первое место в спортивно-гимнастических выступлениях, посвященных Дню победы над Германией.

За хорошую постановку физкультурно-массовой и спортивной работы училище награждено областным комитетом физкультуры и спорта Южно-Казахстанской области дипломом первой степени.

Немало учеников ремесленного училища уже вышло на самостоятельную жизненную дорогу. Они успешно работают на производстве. Старые кадровые рабочие, начальники участков и мастера отмечают в этих юношах сильную волю и отличное здоровье. На примере этого рядового училища трудовых резервов можно видеть значение и роль физического воспитания в наших ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения.

IV

В Москве на Садовом кольце, на Смоленской площади, стоит здание, построенное одним из величайших русских зодчих Казаковым. Когда-то здесь был особняк вельможи. Теперь в нем расположено ремесленное училище № 12. Едва только поднимаешься по широкой лестнице в бельэтаж, взору открывается большая дверь, украшенная изящно выполненной эмблемой добровольного спортивного общества «Трудовые резервы». Дверь ведет в гимнастический зал училища.

Все, что здесь находится, начиная от защитных сеток на окнах и кончая гимнастическими снарядами, выполнено в свободное время руками учащихся. Разумеется, администрация училища могла бы это сделать за счет особых средств. Но важно было привить учащимся чувство ответственности и хозяйски-бережливое отношения ко всему, что здесь находится. Надо было, чтобы каждый увидел в этом огромном зале творение своих рук.

Сочетание элементов воспитания с практически полезной и необходимой училищу работой — несомненная и большая заслуга руководителя физкультурно-спортивной работы училища.

Да и не только здесь, но и во многих других училищах и школах ФЗО ведется огромная физкультурно-воспитательная работа. За прошедшие годы сотни тысяч питомцев ремесленных училищ и школ ФЗО сдали испытания

и получили значок. Только за 1948 год в коллективах физкультуры подготовлено 218 тысяч значкистов.

Помимо физкультурного зала, в училище № 12 есть кабинет физкультуры и спорта. Едва войдешь в него, — бросаются в глаза десятки разноцветных вымпелов, развешанных по стенам, и несколько кубков на полке, которую хотелось бы назвать «полкой почета». Это все — свидетельства спортивных достижений воспитанников училища.

Саша Бибин, Юра Абакумов, Витя Зубков, Толя Федоров, Костя Кошелев и Юра Засухин завоевали звание чемпионов общества «Трудовые резервы», заняв первое место в соревнованиях на первенство по баскетболу. Они окончили училище, но не забыли воспитавший их коллектив. Работая сейчас на заводе «Карбюратор», они раз в неделю приходят на Смоленскую площадь и тренируют новый состав баскетбольной команды.

Первые помощники штатных инструкторов — общественные инструкторы. Эти юноши проходят специальную подготовку в центральном спортивном клубе. Витя Бакалеев, Дима Крылов — общественные инструкторы в ремесленном училище № 12 — ведут уже самостоятельные занятия с целыми группами учащихся. Они, как и многие другие общественные инструкторы, овладели не только техникой гимнастики и легкой атлетики, но и сделали немало успехов в области методики преподавания. Недаром именно из общественных инструкторов комплекуются затем кадры инструкторов и преподавателей физкультуры. По всей системе трудовых резервов работает около шестидесяти тысяч общественных инструкторов. Если к этой цифре прибавить десятки тысяч физкультурных организаторов, то станет понятно, каким образом удалось развернуть столь большую физкультурную работу. Дело решил актив.

V

На беговых дорожках, на зеленом футбольном поле, на глади водного простора, на ринге, на кортах, во всех соревнованиях любого вида спорта в любом городе страны зрители видят спортсменов добровольного общества «Трудовые резервы». Голубая майка и васильковые трусы стали столь же привычными на спортивных состязаниях, как и цвета старейших наших спортивных обществ «Динамо», «Спартак», ЦДКА... Несмотря на молодость членов общества «Трудовые резервы», им часто приходится защищать честь своих спортивных цветов не только по группам юношей и дежушек, где они по многим видам спорта держат первенство, но и среди взрослых. Большую помощь в этом оказывают центральные секции при советах и центральные спортивные клубы Москвы и Ленинграда.

Под гул сирен, грохот зенитных пушек, отражающих налеты вражеских самолетов на столицу, начал свою жизнь московский спортивный клуб трудовых резервов. Казалось бы, что тогда питомцам московских ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения не до волейбола и тонкостей приемов гимнастики. Но народ и в эти тяжелые дни знал, что победа будет за нами. Даже тогда, когда враг подходил к Москве, в самом

ее центре, на Петровке, собиралось около четырехсот юношей и девушек чтобы поиграть с мячом, заняться гимнастикой, баскетболом и другими видами спорта.

Сейчас, через несколько лет, в клубе систематически занимается более 2000 учащихся ремесленных училищ. Среди них есть уже признанные мастера по семнадцати видам спорта. Старое помещение на Петровке стало тесным. Многие добровольные общества могут позавидовать «Трудовым резервам», имеющим на Бакунинской улице прекрасное здание, которое по масштабу работы и оборудованию вполне достойно названия Дворца спорта.

Основная же массовая физкультурная и спортивная работа проводится на 17 тысячах спортивных площадок, созданных силами учащихся трудовых резервов. Ими построено более 7 тысяч волейбольных, городошных, баскетбольных площадок, оборудовано более 2 тысяч гимнастических комнат и спортивных залов.

Большой популярностью в «Трудовых резервах» пользуется требующий большой храбрости и мужества вид спорта — бокс. Кому как не «ремесленникам», этому боевому пополнению рабочего класса, свойственен атакующий стиль в спорте, столь полно проявляющий себя именно в боксе!

Секция бокса начала свою жизнь с первого дня существования клуба — 14 июля 1942 года. Надо признать, что за это время боксеры общества достигли положительных результатов. В личном первенстве СССР по боксу 1948 года второе место вслед за многократным чемпионом СССР П. Королевым занял воспитанник ремесленного училища Анатолий Перов. Он выиграл бои у сильнейших боксеров страны — М. Линномяги и А. Новосардова. Неоднократно побеждал на ринге и другой воспитанник клуба — Виктор Меднов. Его жизненный путь характерен для молодых спортсменов общества.

Несколько лет назад подросток Витя Меднов поступил в московское ремесленное училище № 72. Преподаватель физкультуры, заметив склонность мальчика к спорту, направил его в городской клуб. В конце 1946 года Виктор впервые ведет бой со взрослыми боксерами. Это был вдвойне знаменательный день для молодого боксера: ему исполнилось 18 лет и в этот же день он встретился с чемпионом Советского Союза по боксу в легчайшем весе мастером спорта Авдеевым. После трех раундов судья под восторженные клики публики поднимает в знак победы затянутую в кожаную перчатку руку Виктора Меднова. Это была первая из следовавших затем многочисленных побед молодого боксера.

Важно, что его спортивные успехи помогли ему быть отличником учебы, воспитав в нем волю и стремление преодолевать возникающие при решении той или иной задачи трудности. Закончив училище с аттестатом отличника, он, как один из самых талантливых учеников, назначается помощником мастера, а спустя три года поступает для продолжения образования в физкультурный техникум трудовых резервов.

Анатолий Перов, Виктор Меднов только открывают большой список

Выступление физкультурниц спортивного общества
«Трудовые резервы» на Всесоюзном физкультур-
ном параде.

мастеров спорта, воспитанных в учебных заведениях системы трудовых резервов. Гимнастки первого разряда Кузнецова и Шипунова заняли на всесоюзных лично-командных междуведомственных соревнованиях 1948 года второе, третье места по первому разряду. Тридцать гимнасток общества выступали в составе спортивной делегации Советского Союза в Праге, на XI всесоюзном слете. Вот уже пять лет, как боксеры «Трудовых резервов» занимают большинство классных мест на первенство Москвы и СССР среди юношей. Учащаяся Нина Герасимова завоевала звание чемпионки Ленинграда и СССР по плаванию вольным стилем на сто и двести метров, а учащийся Николай Сухоруков носит красную майку чемпиона СССР по плаванию на 400 метров.

Члены общества боксер А. Сурков и Р. Бренер награждены золотыми медалями и им присвоено звание чемпионов мира на вторых студенческих соревнованиях 1949 года.

Пожалуй, нет ни одного вида спорта, по которому питомцы ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения не показали бы хороших, а порой и блестящих результатов. В частности, весьма успешно выступают на соревнованиях члены автотоклуба московского городского совета «Трудовых резервов».

Бывший учащийся ремесленного училища № 29 Алексей Степанов еще

Команда трудовых резервов, завоевавшая общекомандное первенство СССР по стрельбе среди юношей в 1949 году.

Слева направо: В. Денисенков, Г. Довгел, А. Шаронов, Б. Газов, Е. Поликанин, А. Запольский

в 1944 году занял первое место в зимнем мотокроссе имени Ворошилова. Воспитанники клуба: т. Морозова в 1949 году улучшала три раза рекорд СССР на 50 километров и два раза на 100 километров; т. Трошин показал новые достижения на мотоцикле с коляской на 100 километров. Спортсмены трудовых резервов в 1947 и 1948 годах поставили семнадцать новых все-союзных рекордов по мотоспорту и в гонках на скутерах.

Большую популярность завоевал среди учащихся стрелковый спорт. Ежегодно в заочных стрелковых соревнованиях на первенство Центрального совета участвуют сотни тысяч учащихся. На прошедшем первенстве СССР по стрельбе в 1949 году коллектив юношей в составе тт. А. Шаронова, Е. Поликанина, Г. Довгеля (училище № 41), А. Запольского, В. Денисенкова (училище № 12 г. Москвы) и Б. Газова (училище № 16 г. Ленинграда) занял первое общекомандное место.

Газов выиграл первенство среди юношей по стрельбе из малокалиберной винтовки на дистанцию 100 метров.

Учащийся индустриального техникума комсомолец Михаил Иткис на сборе сильнейших стрелков в Выборге, стреляя из боевой винтовки стоя, на дистанции 300 метров с открытым прицелом выбил 352 очка из 400 возможных, тем самым установив новое всесоюзное достижение, превышающее официальный мировой рекорд на 18 очков.

В 1949 году комсомольцу Иткису присвоено звание мастера спорта СССР. В настоящее время он является самым юным в СССР мастером спорта и самым юным спортсменом СССР, побившим мировой рекорд, — ему 19 лет.

Горнолыжный спорт и фехтование, борьба и легкая атлетика, водное поло и шахматы, хоккей и баскетбол, коньки и стрельба, велосипед и волейбол, футбол и бокс — все виды спорта имеют своих отличных представителей среди учащихся ремесленных училищ. Это во многом объясняется тем, что к обучению молодежи привлечены мастера своего дела — опытные тренеры, заслуженные мастера и мастера спорта. Вот уже в течение многих лет заслуженный мастер спорта Д. К. Осипов обучает молодежь гимнастике; заслуженный мастер спорта М. В. Слепцов — фехтованию; Г. П. Станишевский — велоспорту; Е. И. Грингаут — мотоспорту; А. И. Булычев — боксу; П. А. Савостьянов — футболу; мастер спорта В. С. Орлов — моторному спорту. Заслуженный мастер спорта Папьян и мастер спорта Арутюнов в Ереване, мастер спорта Бакрадзе в Тбилиси и мастер спорта Одинокоев в Баку тренируют юных боксеров; заслуженный мастер спорта Орешкин, мастера спорта Смагин и Киселев в Ленинграде занимаются с футболистами; мастера спорта Носкова и Булыгина в Риге занимаются с юными легкоатлетами. И так по всему СССР — отличные спортсмены-мастера отдают свои знания, свое умение воспитанию и обучению физкультурников общества «Трудовые резервы».

Огромную помощь оказывают комсомольские организации. Комсомол является душой всей физкультурной и спортивной работы училищ и школ фабрично-заводского обучения.

Государственные трудовые резервы, уделяя огромное внимание физическому воспитанию учащихся в сочетании с производственным обучением, осуществляют указания товарища Сталина о подготовке нового поколения рабочих, здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны и защищать ее грудь от покушения врагов.

* *
*

Недавно в центральный спортивный клуб «Трудовые резервы» пришло письмо:

«Здравствуйте, мои далекие и в то же время близкие мне друзья, товарищи-спортсмены общества «Трудовые резервы»!

Бывший ваш воспитанник шлет вам привет и от души желает еще больших успехов в жизни и на спортивной арене.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как я покинул Москву и спортивное общество «Трудовые резервы». Я стал солдатом советских войск, но до сих пор рядом с моей красноармейской книжкой я бережно храню мою гордость, мою любимую память — членский билет общества «Трудовые резервы».

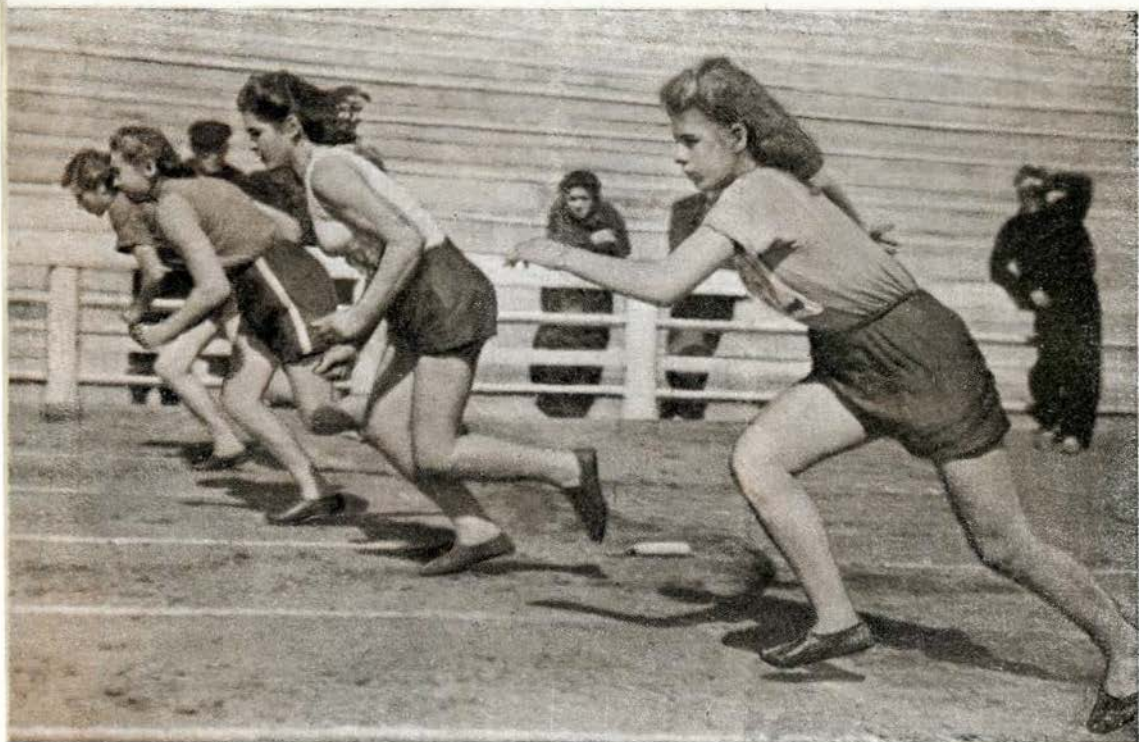
Не перестаю заниматься спортом сам, прививаю любовь к спорту и другим. Мне удалось организовать в своей части несколько спортивных секций, которые сейчас регулярно работают. В Советской Армии я получил военную специальность, а кроме этого, я являюсь физруком в своей части. Советский солдат, должен я вам сказать, очень любит спорт, он закаляет себя, чтобы успешно выполнить все приказания, какие ему может дать командир...

Еще раз желаю вам всем: гимнастам, боксерам, футболистам, легкоатлетам, баскетболистам, пловцам, фехтовальщикам и другим спортсменам успехов в учебе, труде и спорте.

Привет. Николай Курандин».

Знаменосцы спортивных обществ трудовых резервов на Красной площади.

Вверху — на беговой дорожке.

Внизу — юные велосипедистки.

На повороте.

«Здравствуй, зима!»

НА СМОТРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Москва. Четвертый Всесоюзный смотр самодеятельности Государственных трудовых резервов. Ученица Ленинградского ремесленного училища т. Смирнова ведет концерт.

Выступление хорового коллектива смотра. Постановка лауреата Сталинской премии Р. В. Захарова.

Москва. Выступление участников художественной самодеятельности Ленинграда.

Танцевальный коллектив учащихся Украинской ССР исполняет сюиту из украинских народных танцев.

Гопак.

Донская казачья пляска в исполнении
коллектива учащихся Ростовской
области.

ИСКУССТВО, ОЗАРЯЮЩЕЕ ЖИЗНЬ

В. Сухов

ПЕРВОГО февраля 1948 года все газеты страны опубликовали сообщение о том, что 31 января в Государственном Академическом Большом театре состоялся заключительный концерт 4-го Всесоюзного смотра художественной самодеятельности учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения.

Концерт вылился в яркую демонстрацию молодых талантов. Неиссякаемым родником веселья и юности звучали на сцене песни. Темпераментные танцы различных народов сменялись один другим.

...На концерте присутствовали товарищ И. В. Сталин, товарищи В. М. Молотов, А. А. Жданов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. А. Суслов, С. М. Буденный, депутаты Верховного Совета СССР.

По окончании концерта участники смотра и зрители устроили бурную овацию в честь товарища И. В. Сталина и его соратников.

Песни счастливой юности

О своей счастливой жизни юность рапортовала товарищу Сталину песней.

И в самом деле похожа на песню судьба простых городских и деревенских ребят и девушек, которые всего год или два тому назад при-

шли из сел и деревень, из далеких городов и заводских поселков в школы фабричного и заводского обучения.

И вот на самых почетных сценических подмостках страны — на сцене Большого театра Союза ССР — выступает пополнение кадров индустрии и транспорта, шахт и ткацких фабрик, — выступают будущие рабочие.

«Кантатой о Сталине» открывается концерт. Тысячеголосый хор славит Сталина. И нежная любовь, и горячая благодарность, и чистый искренний восторг юности, и святая преданность Родине, народу и вождю слышатся в горячих молодых голосах. Огонь вдохновения озаряет тысячи счастливых лиц. Песня как бы раздвигает портал театра, и кажется — сама молодость нового мира огромным слаженным хором славит вождя.

Искусство вошло в жизнь и быт молодого поколения нашей страны. И на сцене идет не просто концерт — перед нами рапорт, итог, отчет многотысячной армии будущих людей труда о своем духовном развитии. Ведь прежде чем собрался на сцене этот грандиозный сводный хор, во всех концах страны шел смотр самодеятельности учащихся трудовых резервов и в нем участвовало двести пятьдесят тысяч человек.

Это уже не армия, а целый фронт добровольцев искусства. Он поистине необъятен. Тридцать шесть областей и два города — Ленинград и Магнитогорск — прислали в Москву 2115 юношей и девушек. Среди них 1500 комсомольцев. Им, лучшим из лучших, выпала высокая честь показать ярко и вдохновенно — музыкой, песней, танцем — образами высокого искусства, как растет, зреет и набирается творческих сил гармонически развитый, богато одаренный молодой человек сталинской эпохи.

...Отзвучали последние такты бодрого «Гимна демократической молодежи» А. Новикова, песни, которую подхватила молодежь всего мира, песни — гимна и призыва к труду и борьбе. Тысячеголосый хор сменяет Тамара Сергеева, ученица ленинградского ремесленного училища № 9 — она читает фрагменты из поэмы А. Прокофьева «Россия».

Потом запела домбра. Гусли, балалайки, басы и домбры звучат нежнейшим пияниссимо — московский оркестр народных инструментов аккомпанирует одаренному музыканту Володе Яковлеву из ремесленного училища № 5.

Многообразие жанров искусства — вот отличительная черта концерта. Ясностью, слаженностью и чарующей простотой отличается хор девушек-москвичек, исполнивший польскую народную песню «Краковяк». А потом под серебристые переливы гуслей ученицы Нина Тарасенкова и Люба Шкабура исполнили дуэтом «Жаворонок» — нежнейший из романсов Глинки.

После этого выступали московские физкультурники, поразившие зрителей эластичностью, слаженностью движений, уверенной техникой.

Классическая музыка и чудеса акробатики, огненные танцы и неповторимые народные песни были представлены в концерте. Казалось, все национальности, все области страны поручили своим юным представителям показать лучшее из сокровищ своего творчества. Огневая «Ураль-

На концерте в Большом театре.

ская зимушка» в исполнении свердловских ремесленников — это гимн русскому раздолью, веселой удали, дерзкой отваге. Юные ленинградцы под звуки симфонического оркестра исполнили полонез и мазурку, наглядно сказав, что им по-плечу и тонкое изящество полонеза и легкость мазурки. Сцена «На катке» — это танец-чудо, где фигуры классического балета и плавные гимнастические движения помогли создать полную иллюзию катка, перенесенного на сцену Большого театра. Ростов-на-Дону показал замечательную казачью пляску «Посею лебеду на берегу»; Саратов — «Саратовские переборы» на гармониках с колокольчиками. А куйбышевские ремесленники замечательно исполнили «Песню про Волгу» и «Песню трудовых резервов».

Каждая из союзных республик показала свои лучшие песни и пляски. Панорама Днепротреста возникла на сцене, когда объединенный хор Украинской ССР исполнил величественную песню «Ой, чи чуєшь Дніпро» — песню о судьбе реки, полноводной, могучей, но укрощенной народом. Нет, невозможно было вместить в один вечер все богатство песен и танцев, привезенных в столицу. Поэтому в краткие, но незабывае-

ые музыкальные и танцевальные сюиты были объединены лучшие песни и пляски национальных коллективов. И перед нами прошли и плавные, грациозные танцы Грузии, и темпераментные пляски Армении, и «Сабан-туй» Татарии, и праздник в Азербайджане. Узбеки, казахи, башкиры, эстонцы, литовцы, латвийцы — все показали свои танцы и песни: сольные, коллективные, игровые, изображающие живые картины из жизни народов СССР. Труд и песни, пляски и живое слово объединились в красочном хороводе, славившем свою Родину.

И величественный финал спектакля был достойным завершением этого праздника искусства. Художники перенесли нас к кремлевской стене на Красную площадь. Здесь собрались все участники концерта в своих национальных костюмах. И танец, грандиозный и ритмичный, объединил в плавном движении всю эту многокрасочную и яркую толпу. И, казалось, не из света ламп, а из сердец счастливой молодежи вспыхнули слова «Слава Сталину!», а затем возник портрет великого вождя.

Актеры и зрители устроили бурную овацию в честь товарища Сталина.

Откуда пришли актеры

Как пришли к искусству эти юноши и девушки? Почему их искусство, живое и непосредственное, покорило даже видавших виды профессионалов? Прежде всего потому, что для их роста и совершенствования, для возникновения любви к искусству созданы великолепные условия.

Юная рязанская колхозница Клава Миронова, объясняя мне, почему ей стали родными и близкими новые товарищи из ремесленного училища, простодушно сказала: «Завлекли частушками».

В Москве, в общежитии училища, она и подруга ее Наташа пригорюнились. Шумный город подавил их, все здесь было непонятным, пугающим. И как-то вечером в уголке общежития запели подруги рязанские частушки. На песню, как на огонек, стали собираться не знакомые еще между собой девочки. К хору присоединились новые голоса. Рекой разлилась старинная русская песня. Потом вновь зазвенели частушки.

Девушки стали петь на вечерах в училище. Живое, народное, рожденное за деревенской околицей искусство вызвало шумный восторг. Когда образовался в Москве сводный городской хор трудовых резервов, воспитательница Тарасова сказала:

— Кому-кому, а уж вам, рязанские певуны, обязательно надо идти в хор.

И она отвела подруг в девичий хор Московского городского управления трудовых резервов. В этом хоре 110 девочек. У каждой из них своя жизнь и своя история. Вот хотя бы Валя Бычкова. Родом она из села Литвиново Волоколамского района Московской области. Отец Вали, Григорий Иванович Бычков, колхозный шерстобит, валял знаменитые на всю округу валенки. Семья жила счастливо и зажиточно.

И вот пришли фашисты, они взяли все: муку, крупу, вещи. Извели всю живность. Как-то в дом забежал обмороженный фриц и, грозя автоматом, крикнул Вале:

— Снимай валенки.

Девочка заупрямилась, а мать спокойно сказала:

— Сними, отдай. Наживем еще валенки, а то ведь убьет тебя он, этот выродок...

И сняла Валя валенки с новыми калошами, последнюю ценность в разграбленном доме. Убегали гитлеровцы из этих мест обмороженные, голодные, злые.

Горько плакала мать, отпуская дочь из разоренного гнезда в ремесленное училище, — жаль было расставаться.

В прошлом году Валя снова увидела слезы на глазах матери. С изумлением оглядывала Татьяна Андреевна алый бархат лож, золотые люстры, залитый светом зал. Свет померк, распахнулся занавес. И старая мать, колхозница, редко покидавшая родное село, увидела на огромной сцене

Лезгинка в исполнении молодых танцоров.

Филиала Большого театра свою дочь. Среди стройных, юных и веселых девочек стояла Валя в платье из небесно-голубого шелка и пела.

Мать растрогало не только пение. Ее дочь вышла в люди.

Недавно окончила Валя ремесленное училище и стала токарем по металлу на заводе имени Войкова. И в первый же месяц она заработала 900 рублей, а во второй — 1150 рублей. С гордостью вручила она матери часть этих денег. И когда та отказалась, дочь сказала матери:

— Не спорь, мама, а бери, деньги я всегда заработаю, у меня в руках профессия. Вот уезжать надо, а мастер не хочет меня отпускать.

— Куда ехать? — удивилась мать.

— В Прагу, на Всемирный фестиваль молодежи, — отвечала Валя.

В яркую красочную жизнь открылась дверь перед колхозной девочкой Валеи Бычковой в ремесленном училище № 71.

Рита Лифанова говорит:

— Мои родители — трудовые резервы...

Рита не помнит отца, а мать ее, уборщица в артели «Трудбыт», умерла в 1942 году. Рита и ее младшая сестра Вера осиротели. Поступив в полиграфическое ремесленное училище, Рита стала выступать как чтец, актриса, конференсье. По окончании училища талантливую девочку направили в московский индустриальный техникум. Когда она его закончила и получила диплом техника по радиоаппаратуре, ее уже знали не только московские ремесленники, но и многие актеры Москвы. Она решила идти в театральную студию и упорно готовилась к испытаниям. Но экзаминаторы в театре имени Ленинского комсомола не дали ей времени, чтобы показать все, что она знает и умеет. Она прочла стихи С. Васильева «Голубь моего детства» и сплясала комический танец «Вышел гусь гулять».

— Довольно, спасибо! — сказали ей из зрительного зала.

Риту приняли в театральную студию. Актриса, выросшая в ремесленном училище, без труда одержала победу на экзамене. Но перед Ритой встал вопрос: как жить, если в студии не дают стипендии, как содержать себя и сестру Веру, если других работников в доме нет? Трудрезервы и здесь не оставили Риту. Вера поступила на первый курс техникума, а Рита, учась в театральной студии, как и прежде остается полным пенсионером трудовых резервов.

В ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения подростки приходят приобретать профессию, но трудно здесь затеряться истинному таланту.

В июле 1947 года, когда закончился первый тур смотра самодеятельности трудовых резервов в областях и республиках страны, с мест в Министерство были присланы огромные статистические отчеты, и в каждом протоколе жюри, которое обычно состоит из признанных музыкантов, актеров, художников, есть интересные записи.

Жюри смотра в Ташкенте рекомендует Союзу писателей обратить внимание и творчески помочь талантливой поэтессе Покровской из ремеслен-

ного училища № 1. Ученицу Харламову, чудесно исполнившую русские народные песни, жюри рекомендует Узбекской филармонии привлечь к работе на эстраде. В протоколах излагаются просьбы к Министерству трудовых резервов одних направить в Москву, других рекомендовать в театральную студию, третьим оказать помощь и содействие в поступлении в музыкальные или художественные училища. Эти просьбы никогда не остаются без ответов. Сотни способных подростков определены в разные специальные школы согласно своему призванию. В Саратове, например, ученики ремесленного училища Митинева, Соколова, Ахмеджанов, Чечуевский проявили себя как способные художники. Они определены в художественное училище, но продолжают состоять на полном иждивении ремесленного училища № 13.

Братья Иосиф и Василий Кайдук учились слесарному ремеслу в городе Сарепте, близ Сталинграда, в ремесленном училище металлостроителей. Их пристрастие к лепке, замечательные скульптуры, фигуры и барельефы из глины и цемента вызывали общее одобрение. В Москву, в Министерство, было направлено письмо. И вот братьев Кайдук вызвали из Сарепты. Сейчас они учатся в московском художественном ремесленном училище № 65, чтобы стать мастерами скульптурных работ.

В балетную студию Харьковского театра оперы и балета приняты Иванисенко и Куликовская, воспитанницы ремесленного училища. Четырех подростков из самодеятельного коллектива донских казаков, состоящего из ремесленников Ростова-на-Дону, пригласили в казачий ансамбль местной филармонии.

Ансамбль донских казаков, в который вошли воспитанники ремесленных училищ Ростова-на-Дону, стал собирать созданный донским казачеством бесценный песенный и танцевальный фольклор.

Группа участников ансамбля отправилась в экспедицию в станицы Вешенскую, Цимлянскую, в Каменск, чтобы услышать, как поют песни и танцуют вечерами на станичных улицах настоящие казаки и казачки. Ребята видели казачьи свадьбы, обрядовые и хороводные танцы, видели, как танцуют старики и как пляшет на вечеринках молодежь. Так было собрано огромное богатство подлинно народной хореографии, и этот живой источник и придал искусству ансамбля тот чудесный поэтический колорит и то разнообразие танцевальных фигур, которые нельзя придумать. Их надо видеть и воспроизвести, ибо сам народ — вдохновенный создатель этих танцев.

Воспитанники трудовых резервов учатся искусству, оно их духовно обогащает, приумножает их культуру и знания. Затем, объединенные в коллективы, они сами несут искусство в массы, помогают росту и воспитанию своих сверстников.

И участие в самодеятельном коллективе и выступление этого коллектива на сцене направлены к одной цели — к воспитанию гармонически развитого советского человека — патриота своей Родины.

Поиски интересных жанров

Вот программа концерта, завершившего смотр художественной самодеятельности трудовых резервов в прошлом году в Ленинграде. Как разнообразны представленные в ней жанры искусства: прелюд Рахманинова и романс Глинки «Не искушай», песня Леля из оперы Римского-Корсакова и многочисленные народные песни исполняли солисты, хоры и оркестры. Звучал то рояль, то баяны, выступали ксилофонисты и духовой оркестр, оркестры народных инструментов. Много на концерте было танцев, но и живое слово прозвучало со сцены — чтецы исполняли произведения Маяковского, Симонова, Катаева, Прокофьева.

В смотре художественной самодеятельности трудовых резервов только в Ленинграде участвовало 9000 человек. Увлечение искусством стало массовым. Почти в каждом крупном городе созданы дома художественной самодеятельности. Руководители и методисты домов культуры и коллективов художественной самодеятельности трудовых резервов развивают, расширяют, поддерживают интерес молодежи к искусству.

Убеленный сединой харьковский композитор Зиновий Давыдович Заграничный с восторгом рассказывал об успехе хора ремесленников, исполнявшего песню «Гуцулко»:

— Этого не бывает даже с профессиональными ансамблями. В Киеве мы бисировали песню три раза.

Но чтобы родился этот успех, композитору — руководителю харьковского объединенного хора ремесленников — надо было эту песню найти, обработать, долго репетировать. Созданная народом песня как бы вторично родилась в хоровом коллективе харьковских ремесленников. Хор пел ее в Киеве, на олимпиадах, в клубах, по радио, и теперь харьковчане с гордостью могут сказать, что песня звучала по всей стране с их голоса.

Совсем была забыта саратовская гармонь с колокольцами. Но это живой и веселый инструмент удивительного звучания: он то щелчком зашвищет, то соловьем защелкает, и сливается с нежным птичьим пением серебристый звон колокольчиков. Идея возродить саратовскую гармонь естественно родилась в Саратовском доме художественной самодеятельности трудовых резервов. Нашелся и руководитель кружка, старый знаток саратовских гармошек Семен Павлович Портнов. Первый обучающий им ансамбль из 8 человек в Москве на Всесоюзном смотре пользовался грандиозным успехом. И вот теперь в кружке 52 человека, и нет отбоя от желающих научиться играть на саратовской щебетунье.

В Армении художественный руководитель ансамбля песни и пляски сам записывал народные песни для хора, искал их в старых записях.

В Карело-Финской ССР были показаны хореографические картинки «Карело-финские лесорубы», «Рыбаки», основанные на народной танцевальной традиции, по которой принято изображать в танце сцены окружающей жизни. В Эстонии на певческом празднике честь выступать пер-

Слаженно, красиво звучит оркестр.

выми в торжественной колонне певцов принадлежит лучшим из лучших. И хор трудовых резервов занимал третье место в строю. Эта честь была им завоевана умением собирать и исполнять новые народные песни Советской Эстонии.

Умением найти новое и заинтересовать ребят оригинальной музыкой и поэзией особенно отличается республиканский дом художественной самодеятельности трудовых резервов в Грузии. Его руководители горды тем, что у них есть 120 шахматистов всесоюзной категории, что в различных кружках участвует 550 человек, а музыкальный кабинет дома — это не только богатое собрание портретов композиторов и книг о музыке, он организатор нового, невиданного оркестра грузинских народных инструментов. Во многих местах Грузии есть свои старинные, теперь уже полузабытые музыкальные инструменты: у сванов — чунيري, у аджарцев — гибоны, у рачинцев — гуда-ствири. Новые музыканты-ремесленники решили собрать с помощью своих руководителей все эти редкие инструменты или заказать их старым мастерам с тем, чтобы создать оркестр народных инструментов, где была бы представлена вся палитра грузинской народной музыки — смычковые, духовые, щипковые инструменты.

В ремесленные училища приезжают дети со всех уголков Грузии, и вот уже есть в доме самодеятельности мастера виртуозной игры на чучури, которая звучит в их руках как виолончель. Есть мастер игры на хондури, и скоро зазвучат в оркестре все инструменты Грузии, от древнейших до современных, модернизированных.

Поэты и художники

В дни юбилея грузинского классика Николая Бараташвили ему посвятил стихи учащийся ремесленного училища Шалва Гиголашвили. Есть у Бараташвили скорбные стихи о коне Мерани, проносащем поэта через тысячи житейских невзгод. Их завершает обращение:

Пусть я умру, порыв не пропадет.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперед.

И юный поэт из ремесленного училища Шалва Гиголашвили ответил великому поэту взволнованными стихами. Их смысл можно изложить так: нет, не исчез бесследно порыв великого сердца; по широкой дороге, протоптанной крылатым конем Мерани, к счастью и радости идут тысячи юношей и девушек солнечной Советской Грузии.

Литература — предмет общеобразовательный, он есть в программе каждого ремесленного училища, но интересы учащихся шире программы. В Саратове, например, литературный кружок состоит из подростков, которые сами пишут стихи и прозу, и тех, которые изучают литературу. Страстно и горячо обсуждается каждый доклад кружковцев, идут горячие споры о каждой фразе, каждой мысли. Ведь у каждого участника кружка собственный взгляд на творчество Лермонтова и Некрасова, Горького и Фадеева. Альманах «Литературная вахта» стал трибуной молодых критиков, поэтов и прозаиков.

Своеобразным экзаменом был конкурс на песню о ремесленниках, который провели в 1947 году Министерство трудовых резервов и Центральный комитет ВЛКСМ. На конкурс поступило свыше 500 стихотворений и песен.

В стихах и песнях учеников ремесленных училищ есть одна общая черта — бодрость, жизнерадостность, вера в светлое будущее. Стихи полны горячим призывом к труду и борьбе. Прекрасно это выразил в песне Ю. Воронцов, учащийся ленинградского ремесленного училища № 15:

Клянемся мы так постараться,
Чтоб каждый стахановцем стал,
Чтоб нам, молодым ленинградцам,
Сам Сталин спасибо сказал.

И песенный припев зовет:

Вперед, трудовые резервы,
Вас город любимый зовет.
И каждый стремится быть первым,
И каждый победу кует.

Поэты воспевают тех, кто стремится быть первым в труде, кто прослыл лучшим мастером-стахановцем. Учащаяся ремесленного училища № 9 в Москве Лили Абабкова наделяет свою героиню таким мастерством, талантом и трудолюбием, что ее зовут «Золотые руки».

Потому, что руки Маши
Сильные, здоровые,
И не выдумаешь краше
Им название новое.
Им даются все науки,
Все, что хочешь, сделают
Золотые эти руки,
Ловкие, умелые.

Свои сокровенные мысли и думы выражают поэты в стихах. Чья-то человеческая судьба отразилась в «Балладе о сероглазом пареньке» Ю. Воронцова, ленинградского ремесленника. С подлинно лирической теплотой он рассказал историю о простом колхозном пареньке, робком, застенчивом, приехавшем из колхоза в ремесленное училище.

Вечерами, с грустным взором,
Притаившись в уголке,
Вспоминал он об озерах,
О родной своей реке.

Но недолго ко всему был равнодушен сероглазый паренек.

Город шумный, город милый,
Светлый класс, родной станок —
Безгранично полюбил он,
Сероглазый паренек.

Говорят, слабее других жанров в самодеятельности трудовых резервов представлено изобразительное искусство. Но и здесь есть немалые достижения. Мы говорили об одаренных скульпторах из Сталинграда, о художниках из Саратова. В Ленинграде жюри городского смотра было представлено 5000 рисунков, вышивок, самоделок. Мы видели произведения вышивальщиц из реутовского сельскохозяйственного ремесленного училища Ленинградской области.

Поразительными были не только вышитые скатерти, дорожки, накидки, на которых строго соблюдалась живописная гармония в подборе цветов, рисунков, орнаментов, но и шитые шелком, разноцветными нитями картины, созданные с большим знанием цвета, объема, композиции.

Вот царь Салтан из пушкинской сказки подслушивает беседу трех сестер. Тяжелая соболья шуба, святающееся окно, изба, окружающий ее пейзаж переданы с ощущением материальности предметов и красоты зимнего пейзажа. Автор этой картины Тоня Иванова — подлинный живописец. Ей не уступает в тонкости искусства Валя Никитина, изобразившая на холсте сцену из «Сказки о рыбаке и рыбке». А на картине, где Гвидон убивает коршуна, шелковые нити расположены так, что облака над морем как бы отсвечивают и кажутся живыми, яркими, прозрачными.

В Москву с песнями!

Не в Москву за песнями, как говорилось в старой поговорке, а в Москву с песнями приезжают ремесленники. Третий Всесоюзный смотр художественной самодеятельности трудовых резервов вызвал к жизни фильм «Здравствуй, Москва», в котором запечатлены многие выступления юных артистов. После четвертого Всесоюзного смотра вышел документальный кинофильм «Концерт молодых талантов», в котором показаны почти все выступления заключительного концерта.

Трудовые резервы дали стране квалифицированных рабочих, которые приобщились не только к секретам своего ремесла, но и получили начальное образование, представление о науке, культуре, искусстве. В 1942 году, обращаясь к учащимся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения, М. И. Калинин сказал:

«Обучение заводской профессии не лишает вас возможности в будущем работать в другой любой области. Завод не загораживает дорогу к росту, наоборот, широко открывает пути для общественно-политической, административной и, если хотите, для научной работы».

Жизнь подтверждает истину этих слов. Сотни юношей и девушек нашли свой путь в искусство из ремесленных училищ. Замечено, что наибольший приток добровольцев, желающих вступить в школы трудовых резервов, отмечен в тех городах, где лучше всего поставлена художественная самодеятельность. Она создает большую популярность школам трудовых резервов, и еще задолго до объявления приема в ремесленные училища поступают тысячи заявлений.

Давно уже утвердилась традиция, что на призывных участках перед юношами, девушками и их родителями выступает одетый в форму юный докладчик с буквами «РУ» на петлицах. Он рассказывает о школах трудовых резервов Советской страны, об их задачах, о трудовых буднях, о жизни и творчестве их учеников.

Затем выступает ансамбль художественной самодеятельности. Он лучше всяких слов, живым и образным языком искусства показывает, какой яркой и красочной жизнью живут ремесленники.

ПРОЙДУТ ГОДА

Песня трудовых резервов

ПРОЙДУТ ГОДА

СПОКОЙНО

ЗАПЕВ (ГРУППА ЗАПЕВАЮЩИХ)

1. СОД - НИМ ЖЕ - ЛАНЬ - ЕМ И С ДУ - МО - Ю ОД -
2. НАС - ОТ - ЧИЗ - НА НЕ - ПОС -
3. БУ - ДЕМ МЫ ПЕР - ВЫ -- МИ ПО

1. -НО - Ю - СО ВСЕХ КОН - ЦОВ РОД - НОЙ СВОЕЙ ЗЕМ - ЛИ МЫ СО - БРА -
2. -ЛА - ПА - ИМЫ С ЧЕСТЬЮ - ДЕ - ЛО СДЕ - ЛА - ЕМ СВО - Е О - НА - ВЗРОС -
3. ПРЯ - ВУ - И ГО - ВО - РИМ ОТ СЕРДЦА ОТ ВСЕ - ГО ЧТО НЕ У -

-ЛИ - СЯ ДРУЖНО - Ю СЕМЬ - Е Ю, МЫ ВСЕ У - ЧИТЬ - СЯ МАС - ТЕР - СТВУ ПРИШ -
-ТИ - ПА НАС И ВОС - ПИ - ТА - ПА, МЫ ВСЕ СЫ - НИ И ДО - ДЕ - ЛА Е -
ро - НИМ ТРУ - ДО - ВУ - Ю СЛА - ВУ СВО - ЕЙ СТРА - НЫ, НА - РО - ДА СВО - Е -

ХОР:

-ЛИ -Е. ПРОЙ-ДУТ-ГО- ДЯ НАС-ТУ-ПАТ ДНИ ТА- КИ - Е . КОГ - ДЯ СО -

ВЕТ - СКИЙ ТРУ-ДОВОЙ НА -РОД ВОТ Э - ТИ РУ - КИ, РУ - КИ МО - ЛО

-ДЫ - Е, РУ - КЯ - МИ СО - ЛО - ТЫ - МИ НА - СО -

ЗАПЕВ. 1. 2. 3. ВЕТ. КУ - ДЯ - БЫ ПО ВСЮ - ДУ. ВЕТ.

31

ПРОЙДУТ ГОДА

С одним желаньем и с думою одною
Со всех концов родной своей земли
Мы собралися дружною семьею,
Мы все учиться мастерству пришли.

Припев: Пройдут года, наступят дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые,
Руками золотыми назовет.

Куда бы нас отчизна ни послала,
Мы с честью дело сделаем свое.
Она взрастила нас и воспитала,
Мы все сыны и дочери ее.

Припев:

Повсюду будем мы первыми по праву
И говорим от сердца от всего,
Что не уроним трудовую славу
Своей страны, народа своего.

Припев:

ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ

Александр Ойслендер

1

Взгляни на карту —
Сколько рек
Стремят свой неустанный бег
В моря и океаны.
Взгляни еще раз —
Сколько гор
В небесный тянутся простор,
Как чудо-великаны.
Налево —
Тихий океан,
Направо —
Ледовитый,
Всегда закутанный в туман,
Снежком всегда завитый.
А между ними
Столько сел,
И городов, и пашен,
Что за год
Ты б не обошел
И половины даже!

И там,
Где стынет горный снег,
И там,
Где спеют нивы,—
Везде советский человек —
Хозяин хлопотливый.
Он умирят
буйство рек,
Шагая
по плотине;
Бессонных
не смыкая век,
Растит сады в пустыне.
И, в ряд поставив тополя,
Дыханьем землю греет,
Чтоб все, что может дать земля,
Взять у нее скорее.
Он строит фабрики,
мосты
Вздыхает
над рекою.
И в мире
Нет такой мечты,
Что под его рукою
Не стала б явью навсегда,
Всех выдумок чудесней.
Не оттого ли
В честь труда
У нас слагают песни?

2

Но столько
дел еще
вокруг
С восхода
до заката,
Что нет
Ни времени,
Ни рук,
Чтоб все успеть, ребята!
И с гордостью
сказал тогда
О юной смене

Сталин:
— Недаром
Все эти года
Ребята подрастали!
Гляжу на них —
Все хороши,
Дай им комбайн
Иль поезд,
Толково
Дело покажи —
И всех заткнут за пояс!
И вот —
Со всех концов земли —
Той осенью впервые
Ребята шустрые пришли
В «Резервы трудовые».
Пришли,
Котомки теребя,
Неловкие вначале,
И каждый, молча, про себя
Мечтал:
— Эх, только б взяли!
Перед комиссией
малец
Робеет
поневоле.
— Откуда родом?
Кто отец?
Давно ли в комсомоле?
Зачислят в школу,
а потом,
О каждом
беспокоясь,
С улыбкой
Скажут:
— Здесь твой дом!
Дадут фуражку с молотком,
Шинель, ботинки,
Пояс.
Белье
Белее, чем метель
В заречном понизовье.
Своя кровать.
Своя постель.
И псалка в изголовье.

И все бесплатно,
Все за счет —
Родной советской власти.
А впереди —
Большой почет.
Бывает, значит,
Счастье!
И перед зеркалом
мальцы
Стоят,
надев обновки,
Как нашей армии
Бойцы,
Но только без винтовки!

3

А дни летят...
Те пареньки
Из первого набора —
Уже лихие горняки
И смелые монтеры,
И комбайнеры —
На земле,
И под землей —
Шахтеры,
И моряки —
На корабле
В качающемся море.
— Чудесно жить!..
И вдруг война
Прервала все работы.
Еще не знали мы
В те дни
Про Юрия Смирнова.
То гасли дальние огни,
То вспыхивали снова, —
И над рекой
В ночной тени
Качался бор сосновый.
К станку станок,
К плечу плечо,

На вахте вдохновенной
Еще трудилась горячо
В цехах ночная смена.
И кто бы мог сказать из нас
В канун двадцать второго,
Что станет небо через час
От пламени
Багрово?!

4

Уже
С десантом на врага,
Охватывая фланги,
Как смертоносная пурга,
Несутся наши танки.
И на скрежещущей броне
С товарищами рядом
Стоит Смирнов. —
И даль в огне,
И смерть свистит снарядом.
И с танка падает Смирнов,
И встать не может снова.
И лес шатается багров,
И даль в огне багрова.
А где-то в цехе
Давний друг
По «Трудовым резервам» —
Заказ,
Не покладая рук,
Сдает для фронта первым.
И тот заказ
Идет на фронт,
Чтоб где-то
Без пощады
Вдруг раскололся горизонт
От мощной канонады.
Мстит батарея в темноте
За Юрия Смирнова,
Что и распятый на кресте
Не вымолвил ни слова.
И с твердым мужеством бойца
Перед фашистским строем
Все пытки вынес до конца —
И стал навек героем.

5

Победой
 Кончилась война —
 И снова после боя
 Горит над нами вышина,
 Как пламя голубое.
 Все, кто учился
 В те года,
 Опять стоят на вахте,
 Кто водит степью поезда,
 Кто рубит уголь в шахте,
 Кто строит дом —
 Под облака,
 Чтоб светел был
 И прочен.
 Кто до рассвета
 Вкруг станка
 Все ходит,
 Озабочен.
 А кто в краю,
 Где никогда
 Зимой заря не всходит,
 Среди дрейфующего льда
 По звездам путь находит.
 За эти
 Бурные года
 Все мастерами стали,
 И не забудет никогда
 О них великий Сталин.
 Вновь смена крепкая растет,
 Спеша толпой веселой
 Туда,
 Где пятилетка ждет, —
 В ремесленные школы.

6

Какую хочешь,
 выбирай
 Профессию —
 годится!
 Тебя призвал
 Родимый край,
 Чтобы тобой гордиться!

Была бы только голова
Да руки не ленились, —
И о тебе пойдет молва,
Какая
И не снилась!
Все, чем богата
И сильна,
Все для тебя
Дает страна:
Учебник и спецовку,
Учителей
И мастеров,
А чтобы был
Всегда здоров, —
В дом отдыха
Путевку.
А если ты
Плясать мастак, —
Убрав старательно
Верстак,
Пляши
После работы.
И отдыхай,
И загорай,
И славь трудом
Родимый край
За все его заботы!

7

Еще лежит в рубцах земля
Там, где прошли фашисты,
И вражьих трупов штабеля
Пылали в поле чистом.
Еще в полях ржавеет лом,
Но, сверстники Смирнова,
Мы все, что взорвано врагом,
Поднять сумеем снова.
Там, где стоял когда-то дом,
Мы дом такой построим,
Что солнце
Отразится в нем
Полуденной порою!
Там, где кипит
Речной поток, —
Смирим плотиной воды,

По проводам
Отправим ток
На дальние заводы.
В тайге построим города,
У моря —
Быстрые суда
И вышки буровые,
Чтоб стали
Гвардией труда
Резервы трудовые».
Чтоб люди,
Форму отличив
Ремесленных училищ, —
От кольских гор
До крымских нив
Их славою
Гордились.
Чтоб люди,
Наши города
Еще светлей и краше,
Чем до войны, —
И никогда
Не меркло счастье наше.
Чтоб садом
Родина цвела
И в ней хватило счастья
Для всех,
Чьи знатные дела —
Во славу нашей власти!
Чтоб в ясном небе
Мирных лет
Всходило величаво
Сиянье сталинских побед
В лучах бессмертной славы!

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
38	2-я сверху	надо осуществить проходку	надо было осуществить проходку
38	4-я сверху	необходимо вопреки	необходимо было вопреки
61	13-я сверху	перень	парень

Зак. 915.